

INSPIRIA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР ЯПОНИИ

ЛЕТО ЗЛЫХ ДУХОВ УБУМЭ

НАЦУХИ КО
КЁГОКУ

«Это совершенно новый
тип детектива, в котором тайну
создает введенный в заблуждение человеческий мозг».

Содзи Симата

INSPIRIA

Нацухико Кёгоку
Лето злых духов Убумэ
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Япония»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67584594
Лето злых духов убумэ: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-168103-6

Аннотация

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЯПОНИИ.
РОМАН ПРОЧИТАН КАЖДЫМ 80-М ЖИТЕЛЕМ СТРАНЫ
ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА.

Блестящее сочетание хонкаку-детектива и мистического триллера.

Пронизанный мистикой, эзотерикой и японским фольклором, это один из самых необычных романов в истории мирового детектива. Книготорговец-экзорцист и писатель столкнулись с абсолютно непостижимым преступлением.

1952 год, Токио. Странные и зловещие события обрушиваются на старинный род врачей Куондзи, владеющий частной гинекологической клиникой. По городу ползут слухи о том, что младшая дочь семьи носит ребенка уже в течение 20 месяцев и никак не может разрешиться от бремени... А ее муж

Макио бесследно исчез из запертой комнаты. Поговаривают также, что в течение последних лет из клиники пропали несколько новорожденных младенцев. И в наказание за свои преступления семья Куондзи проклята, а их младшая дочь забеременела младенцем-демоном. Писатель-журналист Тацуми Сэкигути уговаривает заняться этим делом своего друга, хозяина букинистического магазина. Книготорговец является чародеем-оммёдзи, владеющим техникой изгнания злых духов и снятия одержимостей. А еще он убежден в том, что в мире не бывает ничего странного...

РОМАН ПЕРЕВЕДЕН С ЯПОНСКОГО

«Это совершенно новый тип детектива, в котором тайну создает введенный в заблуждение человеческий мозг». – Содзи Симада

«...Дебютный роман Нацухико Кёгоку оказал на мир хонкаку-детективов влияние, которое сложно переоценить, – он потряс всех, подобно смерчу. Идея “видеть невидимое” в привычном окружающем мире стала ориентиром для современного хонкаку, изменив жанр изнутри». – Киёси Касай, писатель и литературный критик

«Сплетая воедино интригу и страсть к японскому фольклору, в особенности к сверхъестественному и паранормальному, этот текст дает начало новой форме японской художественной литературы». – PopCultureShock

«Хотя ведьмы больше и не бродят в лесах современной Японии, о которой пишет Кёгоку, умы, их создавшие, определенно никуда не исчезли. Этот роман – увлекательное напоминание о том, как недалеко мы от этого ушли, и что

истинный прогресс, которого нужно добиться, заключается в том, чтобы познать самих себя». – Words Without Borders

«Кёгоку... рассматривает сверхъестественные явления как порождение идей, владеющих обществом, и ограниченности человеческого знания. Иными словами, призраки существуют – потому, что мы думаем, что они существуют». – Japan Today

«Один из самых необычных детективов на моей памяти. Классический сюжет в стиле хонкаку до краев насыщен традиционной японской мистикой и украшен уникальной парой сыщиков – подлинной находкой автора. Представьте себе Шерлока Холмса, изгоняющего демонов, и Уотсона в роли адвоката дьявола...» – Владимир Хорос, ответственный редактор романа

Содержание

Предисловие переводчика	9
1	24
###	108
##	111
2	143
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Нацухико Кёгоку

Лето злых духов убумэ

Natsuhiko Kyōgoku THE SUMMER OF THE UBUME

Ubume no Natsu © 1998 Natsuhiko Kyogoku.

All rights reserved. First published in 1994 in Japan by Kodansha Ltd., Tokyo.

Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

Иллюстрация на переплете Юлии Девятовой

© Григорян А.С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ЛЕТО ЗЛЫХ
ДУХОВ
УБУМЭ
И АЦУХИ КО
КЁГОК У

INSPIRIA

Москва
2022

Предисловие переводчика

В этом мире нет ничего странного

Японские издательства традиционно рекламируют романы Нацухико Кёгоку как повествования о сверхъестественном, о чем свидетельствуют и обложки оригинальных изданий его книг, на которых изображены всевозможные *обакэ* или *ёкаи* – загадочные существа и призраки, густо населяющие японский фольклор. Так, *убумэ* – дух, предстающий в образе полуженщины-полуптицы в окровавленной одежде, обнимающей закутанного в пеленки младенца, – можно увидеть на обложке его дебютного романа «Лето убумэ», положившего начало серии «Ночное шествие сотни демонов» о детективе Акихико Тюдзэндзи по прозвищу Кёгокудо и его друге, писателе Тацуми Сэкигути. Серия включает в себя 12 романов и 6 сборников повестей и рассказов.

Роман «Лето убумэ» был опубликован в 1994 году. Незвестный на тот момент начинающий автор принес рукопись в крупнейшее издательство «Коданся», и сразу после публикации книга стала бестселлером – ее успех привел к тому, что была учреждена новая литературная премия «Мефисто эуорд» для молодых авторов в жанрах мистического детектива, триллера и ужасов. Несмотря на эффект, производимый на японскую читающую публику каждым новым ро-

маном Нацухико Кёгоку, многочисленные теле- и киноадаптации, «Лето убумэ» регулярно переиздается, был адаптирован в виде манги и экранизирован и уже давно считается классикой японской литературы. Сегодня трудно представить себе другое произведение, которое оказало бы большее влияние на развитие как современного японского хоррора и мистики, так и хонкаку-детектива. Тем не менее сюжет его необычен даже для столь причудливых жанров.

1952 год. Послевоенная Япония. Череда странных и зловещих событий потрясает старинный род потомственных врачей Куондзи, со времен эпохи Мэйдзи (1868–1912) владеющий частной гинекологической клиникой. В Токио подобно пожару распространяются подогреваемые бульварной прессой слухи о том, что младшая дочь семьи, Кёко Куондзи, носит ребенка уже в течение 20 месяцев и никак не может разрешиться от бремени, а ее муж Макио бесследно исчез из запертой комнаты. Подозрения окружающих и страх за репутацию семьи окружают дом Куондзи непроницаемой стеной догадок и домыслов. Про них ползут разного рода слухи, один страшнее и фантастичнее другого: поговаривают, что в течение последних двенадцати лет из клиники пропали несколько новорожденных младенцев и в наказание за свои преступления семья Куондзи была проклята, а их младшая дочь забеременела младенцем-демоном. Члены семьи остаются в социальной изоляции без всякой надежды на помощь врачей или полиции – до тех пор, пока писатель Та-

цуми Сэкигути, подрабатывающий сочинением детективных историй и криминальной хроники для журналов, не уговаривает заняться этим делом своего друга, хозяина букинистического магазина, который одновременно является настоящим небольшого синтоистского храма и чародеем- *оммёдзи*, владеющим техникой *цукимоно-отоси* – изгнания злых духов и снятия одержимостей. Здесь нужно заметить, что читателю, который отважится погрузиться в таинственный и жуткий мир романов Нацухико Кёгоку, придется привыкнуть к большому количеству снабженной пояснениями специфической религиозной и фольклорной терминологии, неотделимой от сюжетной канвы его историй. В оригинале тексты Кёгоку содержат множество устаревших и редких иероглифов, снабженных фонетическими подсказками – так называемой *фуриганой*, поскольку подобные знаки сложно читать даже самим японцам, а также ныне не использующихся грамматических конструкций и выражений, отчасти замедляющих чтение, но при этом точно передающих атмосферу времени.

Само чтение произведений Нацухико Кёгоку напоминает настоящее расследование, в котором можно выделить по крайней мере три основных направления. Первое – это классическое распутывание логических загадок: исчезновение человека из запертой комнаты, похищения младенцев, поиски ответа на главный вопрос всех детективных сюжетов: «Кто же убийца?» При этом оно не интересует самого детектива: для него цель состоит именно в проведении обря-

да цукимоно-отоси, избавлении людей от одержимости злыми духами, поселившимися в их душах, а обнаружение преступника и разгадка тайны становятся скорее побочным эффектом успешно проведенного обряда. Можно сказать, что для Кёгокудо одержимость – «проклятие», с которым человек вынужден жить многие годы, если не всю жизнь, – обычно сама по себе является достаточным наказанием за содеянное, не требующим вмешательства полиции и судебного приговора.

Второе направление расследования – значительно более необычное и связано именно с методом работы «детектива-экзорциста». В детективной литературе можно встретить немало сыщиков-любителей, сыщиков-книготорговцев и даже детективов-священников, однако центральный персонаж романов Нацухико Кёгоку по праву занимает среди них свое особое место. Его метод можно коротко сформулировать в одной фразе, которую он неоднократно повторяет своему другу Тацуми Сэкигути: «В этом мире нет ничего странного, Сэкигути-кун». Под «странным» имеется в виду все в диапазоне от просто «необычного» до «сверхъестественного» и «потустороннего». Все это, по мнению Кёгокудо, имеет свое логическое обоснование, у всего есть причина, коренящаяся в самой обыденной и привычной повседневности, поэтому «когда бы и что бы ни происходило – в этом нет ничего удивительного, а когда ничего не происходит – это тоже естественно. Все происходит только так, как долж-

но происходить». Кёгокудо, будучи священником, не верит в сверхъестественное и призраков, утверждая, что сверхъестественное настолько реально, насколько ему позволяет быть реальным человеческий разум, и лишь разум на свое усмотрение проводит не существующую в действительности границу между реальным и мистическим.

Казалось бы, исходя из этого, в романе «Лето убумэ» все должно происходить в точности так, как в старинном японском предании эпохи Эмпо (1673–1681) под названием «Случай появления чудовища угумэ в журавлином лесу», которое записано в книге «Сто историй о призраках из разных стран». В лесу неподалеку от Киото объявился оборотень, издававший по ночам зловещие крики, похожие на плач младенца. Среди горожан поползли слухи, будто бы в лесу поселилась *угумэ* (местное произнесение названия призрака), похищающая детей. Один храбрый самурай отправился ночью в лес, чтобы сразиться с ней, и, услышав крик и различив в ветвях силуэт чудовища, отрубил ему голову катаной. Когда тело было вынесено на свет, обнаружилось, что это была всего лишь большая ночная цапля.

Однако объяснение действующих в истории мистических сил, древних проклятий и одержимости злыми духами вовсе не напоминает «магические трюки с разоблачением», когда читателю сначала предлагается загадка, в которой на первый взгляд непременно должна быть задействована магия, а затем предьявляется простой и понятный механизм, исключая

ющий вмешательство каких бы то ни было сил за пределами известных современной науке. Иными словами, это имеет не так много общего с дедуктивным методом Шерлока Холмса, производящим неизгладимое впечатление на доктора Ватсона, когда тот слышит лишь конечный вывод, оставаясь в неведении относительно всей предшествовавшей цепи логических рассуждений. В случае Кёгокудо область его расследования – и профессиональной деятельности как *оммёдзи*, излечивающего от одержимостей, – относится не к сфере механики, но к тонкой сфере человеческой психики, где и по сей день больше зыбких гипотез, нежели строгих, экспериментально подтвержденных концепций. Обряд избавления от одержимости – цукимоно-отоси – в исполнении Кёгокудо не является чисто религиозной практикой, но вместе с тем одержимость, по его мнению, невозможно объяснить языком современной психологии или психофизиологии. «Я показываю ученому призрака при ясном свете дня и учу верующего, как развеять его призраков, не произнеся ни единой молитвы». Дисциплинированный научный ум детектива, отвергающий одновременно и чисто рациональный, и сугубо мистический подход, открывает истины не просто невероятные, но подчас в принципе не укладывающиеся в рамки привычной рациональности и требующие по крайней мере ее пересмотра.

В самом начале романа Кёгокудо в пространной беседе с Сэкигути излагает свою теорию взаимодействия человека с

окружающей действительностью, четко разделяя мир внутренний и мир внешний. Если внешний мир подчиняется физическим законам природы – иными словами, может быть познан с помощью физических, химических и других научных методов, то внутренний мир человека, его психика, а лучше сказать – его *душа* полностью игнорирует эти законы. Чтобы человек мог жить своей повседневной жизнью, его мозгу необходимо постоянно приводить эти два мира в соответствие друг с другом, регулируя поток информации, поступающий извне, и преобразуя его таким образом, чтобы он был понятен человеческой душе. Рациональный мозг и иррациональная душа разделены; их объединяет сознание, которое, по мнению Кёгокудо, является единственной областью их взаимодействия, «торговой зоной», подобной острову Дэдзима в период изоляции Японии от Запада. Внутренний и внешний миры ни в коем случае не должны смешиваться, – но что, если это все же в какой-то момент случается?

В душе – или в *сердце* – человека каждую секунду происходит множество событий, не подчиняющихся никаким правилам формальной логики; душа выдвигает мозгу подчас самые невероятные требования – например, отчаянно желая увидеть давно умершего человека, – и мозгу приходится выполнять эти требования. Например, искажая воспоминания или позволяя человеку увидеть *призрака*. И тогда не происходящие и не существующие в объективной реальности ве-

щи приобретают для человека четкие очертания и формы, неотличимые от событий реального мира. «...призраки есть. Ты можешь увидеть их, дотронуться до них, услышать их голоса. Однако они не существуют. Вот почему наука не может их исследовать – но лишь на том основании, что науке они неподвластны, ошибочно полагать их выдумками нашего воображения. Потому что в действительности они все же есть».

Душа человека, ставшего жертвой несправедливости и жестокости, пострадавшего от непереносимой утраты, отказывается признавать реальность, требуя от мозга создать новую иллюзорную реальность, которую она сможет принять. Потустороннее, иллюзия, сон наяву становятся единственным способом примирить внутренний мир человека с невыносимой действительностью. Так возникает, собственно, *одержимость*, порождая призраков и мстительных духов – *юрэй*, которые, живя исключительно в сознании одержимого, тем не менее действуют в объективной – *обыденной* – реальности. Так *существуют* ли они? Да, несомненно, ведь преступления, совершаемые ими, в конечном счете становятся предметом расследования полиции. Больше того – будучи порождениями не физического, но духовного мира, они совершают преступления *не от мира сего* – иными словами, такие преступления невозможно раскрыть при помощи обычного расследования мотивов и обстоятельств происхождения, каким бы тщательным и логически выстроенным оно ни было. Преступления, совершенные мстительны-

ми призраками и злыми духами, требуют особого подхода, особой усложненной логики, допускающей, что мозг, понуждаемый одержимой душой, может заставить человека увидеть призрак с такой же легкостью, с какой мы видим стоящую перед нами на столе чашку. Окружающие же не только увидят действия и сам облик этого призрака (как самурай из предания увидел очертания угумэ в ночном лесу), но и завершат его каждый в силу своих знаний, степени доверия к сверхъестественному и воображения, благодаря чему рождаются самые причудливые и зловещие слухи, разобраться в которых едва ли под силу обычному детективу.

«Тьма, таящаяся в человеческих сердцах», или, проще говоря, идея о материальном воплощении психических конфликтов – мотив, ставший распространенным в популярной японской литературе и анимации во многом благодаря произведениям Нацухико Кёгоку, – в его собственных текстах предстает в своем изначальном, несколько не упрощенном виде. Мистические детективы Нацухико Кёгоку в буквальном смысле преобразили жанр современного хонкаку-детектива: логическая игра, требовавшая от сыщика почти сверхчеловеческой наблюдательности, но все же не выходявшая за рамки поиска мельчайших деталей и «наблюдения за видимым», дополнилась необходимостью «видеть невидимое», погружаться в глубины памяти, разгадывать тайны человеческих взаимоотношений и скрытых движений души. Пусть призраки и не существуют так, как существу-

ют прочие объекты материального мира, но они – отражение более чем реальных бед и проблем, возникающих из неспособности смириться с травмирующей действительностью, а также страстей, бушующих в человеческом сердце. Немаловажную роль здесь играет и критика скованного устаревшими традициями общества, в котором при любых обстоятельствах необходимо «сохранять лицо», из-за чего все неблагоприятное и сомнительное «оказывается похороненным во мраке» и страдающая душа вынуждена молчать и даже в собственной семье носить бесстрастную маску, подобную маске театра Но.

В связи с этим в произведениях автора отсутствуют «персонажи-схемы», характерные для классического хонкаку-детектива, и во многом серия о Кёгокудо, очевидно, обязана своей популярностью глубоко прописанным необычным героям – погруженному в вечную меланхолию Тацуми Сэкигути, эксцентричному частному детективу Рэйдзиро Энокидзу, упрямому и вспыльчивому полицейскому инспектору Сютаро Кибэ и другим. В то же время это ни в коей мере нельзя назвать возвращением к традиционному детективу, и в произведениях Нацухико Кёгоку также можно обнаружить характерную для хонкаку-детективов театральность поведения и манеры персонажей изъясняться. Последнее, однако, служит в значительной мере приемом отстранения: вовлекаясь в действие благодаря живым характерным персонажам, читатель вместе с тем наблюдает происходящее со стороны,

как бы блуждая вместе с рассказчиком – Тацуми Сэкигути – в плотном тумане или знойном летнем мареве, время от времени испытывая приступы головокружения. Так возникает третье – наиболее загадочное направление расследования, связанное уже не непосредственно с происходящим в тексте, но с тем, каким образом этот текст воздействует на читателя. Несмотря на принадлежность к жанру, «Лето убумэ» и последующие романы этой серии («Ящик нечисти Морё», «Сон о Кёкоцу», «Клетка железной крысы Тэссо», «Закон Дзёро-гумо» и другие) трудно отнести к чисто развлекательной литературе. Это сложные драмы страстей и мучительных воспоминаний, настолько сильных, что они воплощаются в виде призраков и демонов. Внимательно всматриваясь в то, как персонажи играют в этих пьесах свои судьбы, читатель может отправиться в путешествие по собственной памяти, погружаясь в свое прошлое и переосмысливая его с помощью логического метода, изобретенного детективом-оммёдзи Кёгокудо.

Анаит Григорян

*С каждым, кто возьмет в руки эту книгу, да
пребудет благословение Розы и Креста*

Убумэ –

...ночная куртизанка или небесная дева, которую также называют демонической птицей и иногда – серой цаплей. Говорят, что ее появление предвещают *ignes fatui*, или блужда-

ющие огни. По этой причине замеченные во влажные дождливые ночи «огни серой цапли» или мерцающие пятна света среди стволов сосен связывают с присутствием этой птицы...

«Нанасигуса» (общее название источников, автор которых неизвестен)

Убумэ –

Будучи разновидностью демонов, часто завладевающих человеческой душой, убумэ нередко появляются в Цзинь-чжоу в провинции Хэбэй. Облачаясь в перья, убумэ становятся птицами и обретают способность летать; сбрасывая же перья, они обращаются в женщин. Когда умирает женщина, носившая под сердцем ребенка, она превращается в убумэ. Поэтому у убумэ (в том числе в обличье птицы) женская грудь, и ее главное и единственное желание – это похитить ребенка у живой женщины и сделать его своим. В связи с этим членам семьи, в которой есть новорожденные дети, никогда не следует оставлять свое белье сушиться на улице на ночь, поскольку явится убумэ и пометит оставленную одежду каплей своей крови. После этого новорожденный начнет страдать кошмарами, судорожными припадками и прочими нервными расстройствами. Следует отметить также, что все эти птицы без исключения женского пола. Они появляются по ночам в седьмом и восьмом месяцах года, чтобы смущать и устрашать людей.

«Бэньцао ганму», или «Компендиум лекарственных веществ»

Относительно происхождения убумэ –

...(убумэ) появляется в случае, когда женщина, в утробе которой находился нерожденный ребенок, умирает и затем ее тело оказывается выброшенным в поле или погребенным ненадлежащим образом. Чтобы спасти от гибели своего ребенка и дать ему возможность появиться на свет, душа матери обретает форму и бродит по ночам, прижимая к себе своего младенца и издавая горестные стоны, оплакивая его. Убумэ выглядит обессиленной, и одежды ее от пояса и ниже пропитаны кровью...

*«Кийдзо дансю», или «Собрание удивительных историй»
опубликовано Ибараки Тадзаэмоном в Киото в 4 год эры Дзёкё
(1687)*

Некоторые сведения об убумэ –

Из всех передаваемых из уст в уста таинственных историй те, что повествуют об убумэ, – самые противоречивые и пугающие. Говорят, когда умирает беременная женщина, ее привязанность к ребенку обретает физическую форму. Она становится призраком, чье тело от пояса и ниже залито кровью, плачущим подобно птице: «обаро-о, обаро-о». Будучи знакомыми с рассказами о людях, превращающихся после смерти в подобных существ, как можем мы утверждать, что у нас имеются основания для сомнений в существовании ада? Это за гранью человеческого понимания.

*«Хякумоногатари хёбан», или «Рассуждения о ста повестях
о призраках» Гэнрин Ямаока, опубликовано Мотоёси Ямаокой
в 3 год эры Дзёкё (1686)*

Наверное, я...

только что проснулся.

Что это за место?

Что я делаю?

Я плыву в темноте, – в жидкости, теплой, как кровь.

Я закрываю глаза.

Я открываю глаза.

Темнота.

И тишина.

*Я сворачиваюсь в клубок, обнимая свои колени, и плыву в
темноте.*

До меня доносится голос.

На что она сердится?

Или, быть может, ей грустно?

Мне так спокойно...

*Я зажимаю большой палец в моем кулаке.
Мой живот открыт, внутренности обнажены.
Мои внутренности связаны с каким-то другим местом.*

*Теперь я чувствую:
становится немного холоднее.*

Наверное, я...

просыпаюсь только сейчас?

– Мама?

На самой вершине холма – там, где заканчивался пологий, казавшийся бесконечным склон, располагалась моя цель – «Кёгокудо».

Дождливый сезон начала лета почти закончился, и, пока я поднимался, солнце неумолимо жгло меня своими лучами, лившимися с подернутого дымкой неба. На моем пути не было ни единого дерева и вообще ничего, что могло бы предложить свою тень. Лишь бесконечные выветренные стены, сложенные из маслянисто поблескивавшей светлой глины, тянулись по обе стороны дороги. Я совершенно не представлял себе, что находилось за ними. Возможно, там были дома, или храм, или какая-нибудь лечебница. Там, за ними, могли быть сады или парки. По здравому рассуждению, эти стены были слишком высокими и протяженными, чтобы скрывать за собой обыкновенные дома.

У дороги, поднимавшейся по склону холма, не было названия.

Впрочем, возможно, какое-то название у нее и было, просто я его не знал и никогда не пытался выяснить. Я взбирался по этому склону, ведущему к «Кёгокудо», раз в месяц – нет, пожалуй, иногда и чаще, два или даже три раза в месяц – уже в течение более чем двух лет. Не представляю, сколько это получалось всего подобных прогулок.

Странным образом, но мои воспоминания об этой улице и обо всем, что встречалось мне на пути, начиная от моего выхода из собственного дома и дороги до подножия холма, можно было в лучшем случае назвать расплывчатыми. Я не только никогда не знал названия улицы, идущей по головокружительному склону, — я даже не мог сказать, как называлась сама местность, где он располагался; и еще меньше, чем ничего, знал я о том, что находилось за высокими глиняными барьерами.

Облако стремительно промчалось по небу, на мгновение закрыв солнце и не сделав ничего, чтобы уменьшить его жар.

Пройдя примерно две трети пути вверх по склону, я остановился, чтобы перевести дыхание.

На протяжении практически всего пути к вершине холма от главной дороги вправо и влево уходили ответвлявшиеся от нее боковые улицы. Глинобитные стены в этих местах прерывались, и за ними виднелись ряды старых сельских домов, перемежавшихся бамбуковыми зарослями. Пройдя чуть дальше, можно было заметить появлявшиеся по обе стороны дороги небольшие скобяные лавки и хозяйственные магазинчики, торговавшие всякой всячиной. Если же некоторое время продолжать идти прямо, то в конце концов можно было оказаться в самом центре оживленного торгового квартала с множеством магазинов и ресторанов, уже принадлежавшего к соседнему району.

Таким образом, «Кёгокудо» располагался ровно на грани-

це двух районов. Возможно, адресный указатель относил его уже к следующему району – это мне также было неизвестно. Одно время меня беспокоило, как клиентам удастся разыскать его на городских окраинах, – но, возможно, с другой стороны холма добраться до него было проще.

«Кёгокудо» – это букинистический магазин.

Его хозяин – мой старый друг. Я не уверен, действительно ли он интересуется коммерцией, поскольку не могу себе представить, чтобы кто-нибудь захотел купить одну из книг, заполняющих полки его магазина, – по крайней мере, это точно относится к бóльшей их части. Расположение магазина также едва ли подходит для торговли книгами. Он как-то раз говорил мне, что у него так много постоянных покупателей, что он не испытывает потребности в новых клиентах, но мне его объяснения всегда казались довольно подозрительными.

Он утверждает, что наибольшим спросом у него пользуются различные академические тексты, старинные китайские фолианты и прочее в этом роде – именно та разновидность книг, от которых большинство букинистических магазинов стараются держаться на почтительном расстоянии. Он говорит, что благодаря этому всякий раз, когда нечто подобное попадает к одному из окрестных букинистов, они тотчас передают книгу ему, что делает «Кёгокудо» поистине единственным в своем роде магазином, где можно отыскать книги определенной тематики. Как только ученые и исследователи, живущие в этой местности, обнаружили это – вуаля,

у него образовалась стабильная клиентура. Знатоки и тонкие ценители были готовы преодолеть огромное расстояние, чтобы иметь возможность ознакомиться с его ассортиментом. Но все это, конечно же, лишь по словам самого хозяина, так что истинное положение дел всегда оставалось для меня таким же запутанным и тенистым, как бамбуковые заросли вдоль улицы.

Из вежливости я не позволял себе поинтересоваться, не будет ли надежнее обзавестись каким-нибудь дополнительным источником дохода, а сам хозяин никогда об этом не заговаривал.

По соседству с букинистическим магазином располагался ресторанчик, где подавали гречневую лапшу *собу*, окруженный весьма скудной бамбуковой порослью, а сразу за «Кёгокудо» начиналась роща, где находился маленький синтоистский храм. Хозяин книжного магазина издавна был также настоятелем в этом храме – *каннуси*, то есть, иными словами, синтоистским жрецом высшего ранга; официально он являлся им по сей день и по праздникам и другим памятным датам проводил там службу и прочитывал одну-две синтоистские молитвы *норито*, однако я до сей поры ни разу не видел его за этим занятием.

Я поднял глаза на вывеску над дверью – «Кёгокудо», – которую хозяин самолично написал от руки скорописью столь экстравагантной, что невозможно было точно сказать, являлась ли эта надпись прекрасной каллиграфией или, напро-

тив, была невообразимо ужасной; затем я пригнулся, чтобы пройти в оставленную открытой дверь. Мой друг был внутри и читал какую-то старую книгу в переплете в японском стиле¹; его лицо застыло в привычной хмурой гримасе. Он выглядел столь мрачно и торжественно, что можно было подумать, будто у кого-то умерли родители.

– Йо-у...

Я издал неопределенный звук, который едва ли можно было расценить как приветствие, опустился на стул возле прилавка и принялся разглядывать громоздившиеся вокруг высокие стопки еще не рассортированных книг. Подсознательно я пытался отыскать среди них какое-нибудь недавно поступившее, *еще-не-открытое-миру-истинное-сокровище*.

– Ты беспокойный человек. Если хочешь поздороваться, то поздоровайся, если хочешь сесть, то садись, а если хочешь прочесть книгу, то прочти ее. Как прикажешь мне сосредоточиться, если ты постоянно суетишься и ерзаешь? – произнес продавец книг, не отрывая взгляда от страницы.

Я пропустил его слова мимо ушей, вместо этого приняв-

---

¹ Ватодзи, или переплет в японском стиле, изначально пришел из Древнего Китая, но в русском языке закрепилось именно это определение. В таком переплете страницы книжного блока и отдельные листы обложки прокалываются и прошиваются нитью насквозь. Таким образом формируется характерный узор, оплетающий блок со стороны корешка, а также верхнего и нижнего обрезов. Исторически листы книг, сшиваемых старинным китайским методом, печатались с одной стороны и затем складывались вдвое, чтобы страницы становились двусторонними. Соответственно, фальц оказывался не со стороны корешка, а с противоположной стороны книжного блока. – *Здесь и далее прим. пер.*

шись разглядывать пыльный переплет книги, которую он держал в руках.

– Ну так что, – поинтересовался я, – тебе попало в руки что-то интересное, Кёгокудо? – Я всегда обращался к нему по названию его книжного магазина.

– Нет, – мгновенно ответил он. – Почему, как ты думаешь, я читаю это? Должен тебе сказать – хотя ты, возможно, имеешь иные представления о том, что «интересно», а что «не интересно», нежели я... – должен тебе сказать, что в мире не существует «неинтересных» книг. Любая книга интересна – и не только тогда, когда она новая. Даже те книги, которые ты уже читал, могут оказаться весьма увлекательными. Просто для того, чтобы извлечь что-то интересное из уже однажды прочитанной книги, требуется чуть больше усилий и времени, вот и всё. Таким образом, здесь есть множество интересных для тебя книг – не только тех, которые лежат в нерассортированных стопках, на которые ты с таким любопытством глазеешь, но и на полках, где на них уже многие годы копится пыль. Интересную книгу найти довольно легко. Просто выбери любую из них – и купи! Я даже сделаю тебе небольшую скидку, – закончил он, едва ли хоть раз остановившись в продолжение всей своей тирады, чтобы перевести дыхание. После этого мой угрюмый друг наконец поднял глаза от своего чтения и улыбнулся.

– Конечно, – ответил я, уворачиваясь с легкостью, достигнутой длительной практикой, от его очередной попытки что-

нибудь мне продать, – но мне пока что не удалось найти книгу, которая смогла бы затронуть во мне какие-нибудь душевные струны. Не сомневаюсь, что, если посвятить этому занятию достаточно долгое время, любая книга *может* быть интересной. Все дело в том, что меня нисколько *не интересует* подобный подход к чтению. Возможно, именно в этом причина, по которой мы с тобой читаем разные книги.

Все наши беседы с Кёгокудо, словно обладая собственной, не зависимой от наших желаний волей, имели тенденцию к какому-то гротескному разрастанию – это было похоже на некую неконтролируемую паранойю, в результате которой обыкновенная болтовня, начавшаяся с самой незначительной темы, постепенно преображалась в неистовые дебаты о судьбах наций и других столь же грандиозных предметах. Поскольку мне это доставляло определенное удовольствие, я сам нередко намеренно уводил разговор от его основной темы, давая какой-нибудь заведомо отвлеченный ответ, – просто чтобы послушать, что скажет на это мой друг.

Он по своему обыкновению посмотрел на меня так, словно перед ним сидел какой-то особенно выдающийся идиот.

– Какое равнодушие! – выдохнул он с презрением. – Я не знаю ни одного другого читателя, который был бы столь же равнодушен к книгам, как ты. Все мои клиенты без исключения выказывают намного больше *привязанности* к книгам. Но ведь ты, ты же читаешь с куда большей жадностью, чем кто бы то ни было, и вместе с тем – твое отсутствие привя-

занности к книгам можно назвать едва ли не преступным. Как ты можешь продавать каждую книгу тотчас, как ты ее прочитал? Это ведь так жестоко!

В действительности обычно я продавал примерно восемьдесят процентов из прочитанных книг. И всякий раз, когда я от них избавлялся, мой эксцентричный друг принимался их оплакивать и набрасывался на меня с упреками. Впрочем, несмотря на все его жалобы, в конце концов именно он, сидя на том самом месте, где сидел теперь, за тем самым прилавком, выкупал их обратно.

– Но разве весь твой бизнес не держится на людях, подобных мне? – возразил я. – Если б никто не продавал свои книги, то букинисты были бы похожи на... на рыбаков, которые не могут поймать ни одной рыбы. Все, что стоит здесь на твоих полках, ты приобрел – а вернее сказать, *подцепил на крючок* – у людей, которые продают свои книги, то есть у безалаберных типов вроде меня; я в этом просто уверен.

– А теперь ты сравниваешь книги с рыбой, – проворчал Кёгокудо и погрузился в молчание.

Поскольку в результате наших небольших словесных пикировок загнанным в угол обычно оказывался я, то должен был признать, что наблюдать растерянность моего друга, нашедшего лишь такой короткий ответ, было довольно приятно, и у меня немного улучшилось настроение. Я тотчас торопливо заговорил снова, боясь упустить редкий шанс его переспорить.

– Да, а почему бы и нет? Твои книги – это рыба, а сам ты – торговец рыбой, притом самого низкого пошиба, – который пробует свои товары прежде, чем выставить их на полки! Как должны чувствовать себя твои клиенты, покупая книги, которые хозяин магазина уже прочел? Об этом ты никогда не задумывался?

– Пф! – фыркнул он. – Книги в букинистическом магазине принадлежат хозяину магазина. Они не взяты в займы у какого-нибудь издателя, и я не продаю их по комиссии. Каждую книгу в этом магазине я приобрел за собственные деньги. Поэтому, что бы я с ними ни делал – читал их или использовал в качестве подушки, – это не может являться основанием для жалоб. Мои клиенты приходят ко *мне* и просят меня продать им *мои* книги. А я, понимая, что нужно моим клиентам, подбираю для них книги и даю им то, чего они хотят. И кстати, должен тебе заметить, что книга, которую я читаю в данный момент, не предназначена для продажи, – закончил он, явно довольный собой. Затем повернул том в японском переплете и приподнял его так, чтобы я мог прочесть название.

Книга, которую он читал, принадлежала к эпохе Эдо – это был сборник гравюр Ториямы Сэкиэна под названием «Иллюстрированное собрание ста случайно выбранных демонов»², или «Собрание одержимых духами предметов до-

---

² Торияма Сэкиэн (1712–1788) – японский художник и график эпохи Эдо (1603–1868), создавший множество изображений японских фольклорных су-

машнего обихода», посвященное *цукумогами* – ожившим вещам, которыми люди когда-то пользовались в повседневной жизни. Это действительно был, как он и сказал, особенно ценный экземпляр, не предназначенный для продажи. Так или иначе, даже если исключить эту конкретную книгу, он действительно читал практически каждую из книг, которые продавал. Не то чтобы здесь было нечто особенное или дурное, но я часто находил в этом повод подшутить над ним.

По правде говоря, ненасытность Кёгокудо как читателя была для меня еще одним основанием, чтобы сомневаться в глубине его заинтересованности в собственной профессиональной деятельности. Насколько я мог судить, Кёгокудо брал лишь те книги, которые хотел прочесть сам. И то, что его интересы простирались столь невероятно широко и далеко, что у него практически всегда находились книги, интересные его клиентам, было просто счастливым совпадением.

Улыбка Кёгокудо стала еще шире:

– Ну что ж, давай поднимайся.

Наконец-то мне было предложено зайти в гостиную в жилой части дома.

– Моей жены сейчас нет, так что кофе я тебе предложить не смогу. Тебе придется довольствоваться слабым чаем –

ществ и различных демонов. Книга, о которой идет речь, является четвертой и заключительной серией работ художника, посвященной духам и демонам, и была впервые издана в 1784 г.

впрочем, твой невежественный язык все равно едва ли способен распознать разницу между кофе и спитым черным чаем, – сообщил мне продавец книг в своей обычной бестактной манере. Он протянул руку к традиционному низкому чайному столику – *дзатаку*, покрытому психоделическими черно-оранжевыми завитками и разводами лаковой росписи *цугару-нури*³, – и взял с него заварочный чайник, который определенно находился там задолго до того, как пришел я.

– О чем это ты? Может быть, по мне этого так сразу и не скажешь, но я с легкостью могу распознать по запаху лучшие сорта кофе.

– Ты, должно быть, шутишь! – рассмеялся Кёгокудо. – Ты разве забыл случай, когда заказал в том кафе колумбийский кофе, а официантка по ошибке принесла тебе мокко? А потом ты рассказывал, как в тот день пил колумбийский кофе, хотя обычно предпочитаешь острую горечь мокко, – даже не осознавая, каким дураком ты себя выставлял... Ах, я прекрасно понимаю, как грошовой писаки вроде тебя не могут упустить малейшей возможности, чтобы показать, будто бы им что-то известно; но, честное слово, попробуй себе представить, как неловко было слушать твою околесицу.

Между тем чай, который он передо мной поставил, ни на

---

³ Цугару-нури – традиционная лакированная посуда, изготавливаемая главным образом в городе Хиросаки в префектуре Аомори начиная с эпохи Эдо. Является единственным видом традиционного искусства в префектуре Аомори, который был официально признан министерством экономики и торговли Японии и существует в виде массового производства.

секунду не прерывая своей яростной тирады, действительно был заварен в третий или даже в четвертый раз из одних и тех же листьев. Впрочем, пока взбирался на холм к книжному магазину, я порядком взмок, так что даже такой слабый чай показался мне довольно приятным на вкус.

Комната, располагавшаяся за магазином, была достаточно большой, чтобы на ее полу умещалось десять татами⁴, а ее стены от пола до потолка были заняты книжными полками, что делало это помещение практически неотличимым, собственно, от книжного магазина. Подумать только, Кёго-кудо здесь жил! Его лучшая половина частенько жаловалась на пыль, чему я мог только посочувствовать. Многие из этих книг якобы предназначались для продажи, но вместо этого они бесцеремонно вторгались в его жилое пространство. Хотя, может статься, все было как раз наоборот, как сам он однажды признался, и в действительности все это были его собственные книги, которые, заполнив его дом, плавно перетекли в помещения магазина, так что ему не оставалось ничего иного, как начать продавать их.

Всякий раз, когда я присоединялся к нему в гостиной, магазин закрывался. Нередко мы настолько увлекались нашими вечерними беседами, что забывали даже поужинать.

Когда-то я вступил в свою взрослую жизнь как исследова-

---

⁴ Татами – традиционные толстые (5 см) тростниковые маты, обшитые по длинным краям тканью, укладываемые на пол. В Японии до сих пор измеряют площадь помещений в татами; размер одного татами составляет 95,5×191 см (в западной Японии) и 88×176 см (в Токио и восточной Японии).

тель, занимавшийся слизевиками⁵ и подобными им организмами и довольствовавшийся весьма скудным финансированием от моего университета. Однако с течением времени обнаружилось, что мои доходы не в состоянии покрыть даже коммунальные счета и минимальные расходы на быт, так что я начал писать заказные статьи и эссе на самые разные темы, чтобы как-то свести концы с концами. Основной плюс подобной работы заключался в возможности свободно распоряжаться своим временем. Не считая нескольких дней перед окончательным сроком сдачи статьи в печать, в другое время я вполне мог позволить себе не заниматься ничем конкретным или, иными словами, слоняться без дела с полудня до вечера. Кёгокудо же, напротив, практически постоянно был на своем рабочем месте за прилавком магазина. Сначала я боялся, что мои визиты могут причинять ему неудобство, но поскольку, как я уже говорил, он едва ли был заинтересован в том, чтобы *действительно* продавать книги, вскоре я со-

---

⁵ Слизевики – группа организмов, в современной биологической систематике относимых к разным таксонам простейших, классификация которых еще окончательно не разработана. Насчитывает около 1000 видов. Объединяет эти организмы то, что на определенной стадии жизненного цикла они имеют вид плазмодия или псевдоплазмодия – «слизистой» массы без твердых покровов. Это может быть одна гигантская многоядерная клетка или скопление большого количества клеток. У большинства видов плазмодий или псевдоплазмодий виден невооруженным глазом и способен двигаться. Из него формируются спороношения, которые часто напоминают своим внешним видом плодовые тела грибов. Споры прорастают подвижными клетками – зооспорами или миксамебами, из которых различными путями вновь образуется плазмодий или псевдоплазмодий.

вершенно перестал об этом беспокоиться.

Однако, хотя мой друг, сидевший теперь передо мной, был весьма щедр в отношении траты свободного времени, у него не находилось и толики понимания, когда речь заходила о моей писанине. Конечно, я мог сколько угодно вообразить, будто то, что я пишу, представляет собой литературу, но по большей части это были статьи для научно-популярных приключенческих журналов для мальчиков и анонимные колонки для сомнительных бульварных газетенки, поскольку за подобное лучше всего платили. Так что, когда он называл меня «грошовым писакой», я не мог найти достаточных оснований, чтобы ему возразить.

– Ну что же, Сэкигути-сэнсэй⁶, – произнес Кёгокудо, поднося к губам самодельную сигарету-самокрутку, – о чем вы пришли поговорить сегодня?

Мое знакомство с Кёгокудо началось пятнадцать или шестнадцать лет назад, когда мы оба были студентами университета. В те годы он производил впечатление человека со здоровьем настолько слабым, что его по ошибке можно было принять за больного, страдавшего туберкулезом. Днями напролет он только и делал, что сидел с неизменным угрюмо-сосредоточенным выражением лица, читая сложные кни-

---

⁶ «— сэнсэй», буквально «учитель» — в качестве именного суффикса почтительное обращение не только к учителям и преподавателям, но также к врачам, писателям и вообще людям творческих профессий.

ги.

Я же в те дни был подвержен частым приступам депрессии. Среди людей я чувствовал себя неуютно, с девушками общаться практически не умел, так что большую часть своего времени проводил в одиночестве – не считая компании этого необычного чудаковатого человека, который по какой-то необъяснимой причине проникся ко мне симпатией.

Мы оказались настолько разными, насколько вообще могут различаться два человека: я – неразговорчив и замкнут, он – красноречивый оратор с удивительно широким кругом общения. Однако благодаря его влиянию я обнаруживал себя в компаниях людей, которых по своему характеру должен был избегать, или оказывался вынужденно втянутым в дискуссии, в которых мне было совершенно нечего сказать.

Но несмотря на то что в моем подавленном состоянии для меня было бы естественным отвергнуть подобный ход событий, мне никак не удавалось осмыслить то откровенное неудовольствие, с которым мой друг впускал меня в свой мир. Если ему это не нравилось, в его воле было это прекратить, однако этот странный человек продолжал выслушивать мои истории, неизменно пренебрежительно третируя меня как дурака и полного идиота и в конце концов всякий раз впадая в ярость. Я думаю, что, возможно, в те дни Кёгокудо по какой-то причине нравилось выходить из себя.

В результате же я настолько увлекся его рассуждениями

и всем происходящим, что и сам не заметил, как излечился от своей депрессии. Теперь, оглядываясь назад, я вынужден признать, что мой эксцентричный друг был определенно самым действенным из возможных лекарств для человека вроде меня, страдавшего приступами клинического уныния, – человека, чьи чувства и эмоции как будто погрузились в глубокий сон, а интерес к внешнему миру ослабел и зачах.

Наши пространные беседы завораживали меня. Кёгокудо обладал поистине энциклопедическими познаниями во множестве сфер, не имевших никакого касательства к повседневной жизни. В особенности хорошо он был осведомлен в области религий, обычаев и фольклорных традиций самых разных народов мира. Буддизм, христианство, ислам, конфуцианство, даосизм, даже таинственная практика гадания *оммёдо*⁷ и аскетичное учение *сюэндо*⁸ – его страсть к подобным вещам поистине не имела границ, и своими рассказами

---

⁷ Оммёдо, в буквальном переводе с китайского «учение об инь и ян» – традиционное японское оккультное учение, пришедшее из Китая в начале VI в. как гадательная система, искусство изгнания злых духов и защиты от проклятий. Является смесью даосизма, синтоизма, буддизма, китайской философии и естественных наук. Священника, практикующего оммёдо, называют оммёдзи. К его умениям относят всевозможные гадания, изгнание злых духов и лечение разного рода одержимостей. В помощь себе оммёдзи призывают сики-гами – духов, заключенных в бумажном листе с начертанными на нем заклинаниями.

⁸ Сюэндо, в буквальном переводе с японского «Путь обучения для достижения духовных сил» – японское синкретическое учение, соединяющее в себе добуддийские практики поклонения горам: каннаби синко, шаманизм, анимизм, аскетизм, оммёдо, мистический даосизм, а также тантрические буддийские заклинания.

он всегда пробуждал мой интерес. Я же мог предложить ему в благодарность мои познания в неврологии, психиатрии и психологии, которые получил в период лечения от депрессии.

Нас нередко можно было застать за длительными эмоциональными спорами по поводу зачастую смутных и малоизвестных предметов, которые выбирал для обсуждения то один, то другой. И хотя наши разговоры, вне всяких сомнений, сильно отличались от обычных студенческих бесед, в которых молодые люди обсуждают всякие злободневные темы, — когда нам не доставало подручного материала, который был у всех на устах, мы добирали широтой горизонта: нас интересовало буквально все, начиная от политики и заканчивая особенностями разведения золотых рыбок или обсуждения внешности симпатичной официантки в местной забегаловке, — в ход шло все без исключения.

Но это было давно, когда мы были молоды.

С тех пор прошло больше десяти лет.

Двумя годами ранее я женился и переехал в мой нынешний дом, одновременно оставив исследования слизевиков, которые проводил со времен окончания университета, чтобы сосредоточиться на литературных занятиях, которым до той поры я уделял самое мизерное время. В тот же период Кёгокудо оставил свою должность преподавателя в старшей школе⁹ и посвятил себя религиозному служению в храме —

---

⁹ В Японии старшей школой или, точнее, школой третьей ступени называют

или, по крайней мере, я так полагал, пока он не возвел пристройку к своему дому и не открыл в ней букинистический магазин.

С тех пор всякий раз, когда мне требовался материал для моих статей или же я узнавал что-нибудь интересное из новостей, я тотчас направлялся в его пыльный анклав, чтобы вовлечь его в длинную несвязную и хаотичную беседу наподобие тех, что мы бесконечно вели в наши студенческие годы. И хотя можно предположить, что это было просто частью моей писательской работы, в действительности, думаю, я совершал эти визиты, чтобы вновь испытать те чувства, которые я испытывал тогда, задолго до того, как жизнь предъявила нам свои требования. Кёгокудо, бывший болезненно худым в студенчестве, после окончания учебы и женитьбы немного поправился, однако нездоровое, мрачное выражение его лица с тех пор несколько не изменилось.

– Как ты считаешь, возможно ли, чтобы женщина оставалась беременной в течение целых двадцати месяцев? – тихим голосом медленно проговорил я.

Дон... дон... Откуда-то издалека слышались глухие удары большого барабана *тайко*; по всей видимости, кто-то тренировался, готовясь к летнему фестивалю¹⁰.

классы с 10-го по 12-й год обучения.

¹⁰ В Японии существует множество традиционных сезонных праздников и фестивалей (мацури) – как правило, весьма шумных и красочных, и барабан – непременный атрибут подобных торжеств.

Кёгокудо медленно выдохнул дым. Он не выглядел ни удивленным моим вопросом, ни, по крайней мере, хотя бы немного заинтересованным.

– Ты проделал весь этот путь сюда, ко *мне* – а не к повивальной бабке или к акушеру, – чтобы спросить об этом? Это значит, смею предположить, что ты уверен в том, будто я могу обладать некими сокровенными знаниями касательно этой материи, недоступными обыкновенной повивальной бабке или врачу?

– Ну, если ты так ставишь вопрос, то нет, я вовсе не ожидаю услышать от тебя что-то особенное. Я просто говорю: предположим, что есть такая женщина, которая не может разрешиться от бремени целых двадцать месяцев... Ее живот должен быть примерно в два раза больше живота обычной беременной, верно? И все же нет никаких признаков, указывающих на то, что скоро наступят роды. Если б это оказалось правдой, разве не было бы это чем-то из ряда вон выходящим? Ты бы не назвал это... странным?

– В этом мире нет ничего странного, Сэкигути-кун¹¹.

Кёгокудо часто это говорил. Можно сказать, это было его излюбленным выражением. Нет, лучше даже назвать это его девизом. Поняв эти слова буквально, их можно было счесть

---

¹¹ «– кун» – один из именных суффиксов в нейтрально-вежливой речи. Используется людьми равного социального положения, чаще всего приятелями, одноклассниками, коллегами, при обращении старших к младшим, а также при обращении начальника к подчиненному. Может использоваться в отношении девушек, когда суффикс «-тян» по каким-либо причинам неуместен.

выражением современного рационализма, но в действительности у Кёгокудо имелась на этот счет своя собственная аргументация, не имевшая ничего общего с привычными представлениями о «рационализме».

От самокрутки в его пальцах уже почти ничего не осталось. Мой друг сделал последнюю глубокую затяжку, недовольно нахмурился и продолжил:

– В этом мире существуют только те вещи, которые должны в нем существовать, и происходят лишь те события, которым суждено произойти. Но, поскольку мы полагаем, что крошечные фрагменты знания и опыта, которыми мы обладаем, позволяют нам охватить всю вселенную, то в тот миг, когда мы сталкиваемся с чем-то за пределами этого опыта – с чем-то, не согласующимся с общепринятой точкой зрения и *здравым смыслом*, – мы говорим: «О, взгляните, разве это не странно?» – или восклицаем: «О, как это необычно!» Как могут люди, которые не знают даже своей собственной истинной природы и происхождения, утверждать, будто они понимают мир? Ха!

– «Люди» – по всей видимости, под этим словом ты сейчас подразумеваешь меня, – это так. Но разве с моей стороны будет ошибкой назвать то, что я не понимаю, «странным»?

– Я, в общем-то, говорил не о тебе, – пробормотал Кёгокудо. Он протянул руку к вещице, напоминавшей маленькую курильницу или баночку, которая стояла подле пепельницы, поставил ее прямо перед собой, накрыл ладонью и добавил: –

Я говорил в общем.

– Ладно, как бы то ни было, – немного обиженно ответил я. – Послушай, я признаю, что хорошо разбираюсь только в тех вещах и явлениях, которые подпадают под категорию, как ты выражаешься, «старомодного здравого смысла». Именно поэтому я пришел сюда, чтобы поговорить с тобой.

– Теперь ты представляешь все так, будто я придерживаюсь каких-то нелепых и абсурдных взглядов или обладаю некой мистической проницательностью... Однако в действительности я гораздо больше привержен здравому смыслу, нежели ты сам. Мне бы не хотелось, чтобы ты понял меня неправильно: я уверен в том, что здравый смысл, общепринятая точка зрения, культура – все эти вещи очень важны. Однако вместе с тем они остаются эффективными инструментами лишь в определенных пределах. Думать, что мы можем использовать их для того, чтобы понять любое явление и объяснить все устройство мироздания, – просто высокомерие.

Я нахмурился.

– Что в моем вопросе пришлось тебе не по душе?

Судя по всему, в тех нескольких словах, которые я успел произнести, Кёгокудо усмотрел нечто, что ему не понравилось. Если это было так, то разговор, на который я рассчитывал, был обречен с самого начала. Когда мой друг обнаруживал тему, которая ему нравилась – даже что-нибудь самое банальное вроде того, как правильно ставить тапочки в туа-

лете¹², — он мог рассуждать об этом целый день; но когда ему попадалась тема, которая была ему не интересна, у него была привычка уводить от нее разговор как можно дальше. Нужно сказать, что в тот день мне было весьма любопытно, в каком направлении он попытается уйти в своих умопостроениях.

— Хм, — фыркнул он. — Давай предположим, просто в качестве предмета для обсуждения, что женщина с подобной аномальной беременностью действительно существует. Итак, логично предположить, что она попала бы на осмотр к врачу. Поскольку случай крайне необычный, то, как только завершилось бы назначенное ей лечение, об этом в той или иной форме появились бы сообщения, и я об этом обязательно узнал бы. Но, к сожалению, мне не известен ни один подобный случай, который был бы описан в медицинской литературе. Возможно, эта женщина все еще проходит лечение и ее доктор решил сообщить эту информацию тебе одному. Подобное сложно представить. Никто не стал бы разглашать конфиденциальную информацию о пациенте незнакомцу, и врачу нет никакого смысла делиться подобными сведениями или консультировать любителя вроде тебя, который не смыслит в медицине ровным счетом ничего. Но, даже если предположить, что он так поступил, ты не пошел бы после этого ко мне. Из всего этого я делаю вывод, что твой инфор-

---

¹² В Японии принято заходить в туалет в отдельных тапочках, оставляя обычную домашнюю обувь за дверью. Это связано с сельскохозяйственной традицией почитания «бога отхожего места», или «кавая-гами», предписывающей соблюдать в туалете идеальную чистоту.

матор – не врач.

Кёгокудо на мгновение замолчал и, вздернув бровь, бросил на меня пристальный взгляд.

– Что же, возможно, к тебе пришла сама беременная женщина или кто-то из ее семьи, и ты таким образом получил информацию из первых рук. Возможно, по какой-либо причине они не могли проконсультироваться с врачом либо не доверяют своему врачу или что-то в этом роде – здесь можно предположить самые разные варианты. Но все равно остается закономерный вопрос: зачем идти в таком случае к эссеисту? Трудно представить, что тебя выбрали случайным образом, чтобы посвятить в подобную тайну. Учитывая все вышесказанное, самым разумным будет предположить, что это не какая-то конфиденциальная информация, которой владеешь ты один, но нечто, известное неопределенно широкому кругу людей – иными словами, это обыкновенная сплетня. Самая будничная, непритязательная, расхожая сплетня, не имеющая в своем основании никакого научного факта, и не более того.

Совершенно ясно, что каждый, кто слышал эту сплетню, включая тебя, приукрасил ее каким-нибудь преувеличением вроде тех, что мы можем найти в историях о привидениях или в нравоучительной пьесе какого-нибудь драматурга. «Это проклятие, кара небесная, – говорят они, – или карма». Знаешь ли ты, что находятся даже идиоты, полагающие, будто к подобной чепухе применимо понятие *науки*? Они на-

зывают это духовной наукой, парапсихологией или чем-то в этом роде. Достаточно сказать, что ты здесь потому, что хочешь, чтобы я оправдал эту чепуху, придумав какое-нибудь внятное объяснение тому, каким образом подобное возможно. Я прав? Я прекрасно вижу, что все это идет к одной из тех странных и удивительных историй, которые ты пишешь для своих бульварных газетенки. Сожалею, но должен тебе сообщить, что на этот раз из твоей затеи ничего не выйдет.

Кёгокудо наконец прервался, чтобы перевести дух и сделать глоток остывшего слабого чая.

– Довольно жестоко с твоей стороны так говорить, – возразил я, хотя истинное положение дел состояло в том, что, хоть и ошибаясь в некоторых деталях и не будучи совершенно правым, он не был и совершенно не прав. В тот момент я был уже готов оставить этот разговор, но мой друг еще не закончил.

– Это с *твоей* стороны довольно жестоко – пытаться использовать меня, зная, насколько отвратительны мне подобные нелепые домыслы. Каким-то образом все, что я рассказываю тебе, в конечном итоге превращается под твоей кистью в истории о призраках, одержимости и злобных мстительных духах.

– Но разве ты сам не любишь подобные истории?

– Я никогда не утверждал обратное. Конечно, я очень люблю истории о призраках как произведения изобретательного воображения. Мы должны изучать сказки и народные

предания для того, чтобы понять культуру и духовную жизнь наших предков. Но за многие годы все эти вещи утратили свое изначальное предназначение. Истории о призраках, которые рассказывали жители горных деревень в эпоху Эдо, собираясь вместе по вечерам, в корне отличаются от современных городских легенд и историй о привидениях. Для современного человека сверхъестественное – это просто нечто, что он не способен понять. И было бы неплохо, если б люди просто остановились на этом, признав свою неспособность объяснить некоторые явления, однако вместо этого они принимают неверно толковать все подряд, придумывая фантастические *рациональные* обоснования, чтобы разобраться во всем этом, и вместо этого только все еще больше запутывая. Однако объяснять все непонятное наличием у человека души, способной действовать отдельно от тела, – большая ошибка. Что касается меня, то я не желаю иметь никакого дела с глупостями, которые подливают масло в это пламя.

– И тем не менее в свободное время ты изображаешь из себя экзорциста. Я слышал, что ты в этом весьма преуспел.

В качестве подработки Кёгокудо действительно занимался знахарством и экзорцизмом: проводил обряды *цукимоно-отоси*, или избавления от одержимостей – *цукимоно*, овладевающих людьми, изгонял злых духов и все в этом роде. В сущности, это было естественным продолжением его работы священника, но то, чем он занимался, имело доволь-

но мало отношения к Синто¹³. Скорее, мой друг практиковал необычный вариант экзорцизма, который он всякий раз видоизменял в соответствии с конкретными особенностями учения, которое исповедовал каждый из его клиентов. Он обладал внушительной репутацией и был чрезвычайно известен в этой области, однако крайне редко снисходил до обсуждения этой необычной профессии со мной.

Прошло несколько секунд.

Мой друг ничего не говорил, однако его лицо выражало скорее удивление, нежели раздражение или гнев, и я чувствовал, как мало-помалу усиливается мое любопытство, похожее на крошечное кусачее насекомое. Я всегда хотел подробно расспросить Кёгокудо об этой его работе, так что теперь решил воспользоваться представившейся мне возможностью и вытянуть из него историю, хотел он этого или нет. Если б я только мог как следует вывести его из себя – тогда, возможно, сгоряча у него развязался бы язык и у меня получилось бы вынудить его рассказать мне что-нибудь конкретное.

Так что я продолжил его провоцировать:

– А что, разве это не так? Разве это не твоя работа – размахивать палкой¹⁴ или чем там еще, когда в кого-нибудь все-

---

¹³ Синто, или синтоизм, в буквальном переводе «Путь богов» – традиционная религия Японии, основанная на древних анимистических верованиях, объектами поклонения в которой являются многочисленные божества (ками) и духи умерших. Испытала в своем развитии значительное влияние буддизма.

¹⁴ Сэкигути имеет в виду о-нуса, или нуса – деревянный жезл, используемый в

ляется демон-лиса или мертвый ребенок возвращается с того света, чтобы преследовать свою мать? Не думаю, что в твоём положении можно насмехаться над людьми, рассуждающими о призраках.

Есть люди, которых можно назвать обычными любителями по части бросания испепеляющих взглядов, но Кёгокудо был широко признанным и единственным в своём роде мастером этого искусства. В тот миг он одарил меня одним из подобных взглядов.

– Сэкигути-кун, в отличие от ни на что не годного вздора, который ты ежедневно кропаешь для своих газетенок, религия – это в высшей степени логичная вещь. Людям свойственно сосредотачиваться на её эксцентричных сторонах – тайнах и чудесах сродни зрительным галлюцинациям – настолько, что мы склонны думать, будто религия – это нечто неприятное и даже зловещее. Современный мыслитель, рациональный и логичный до мозга костей, усматривает в религии лишь то, что не согласуется с естественными науками, и воротит нос от религии в целом. Но ошибочно считать все кажущиеся нелогичными аспекты религии простыми иносказаниями и аллегориями. Если б все было так просто, то священники могли бы использовать вместо этих туманных притч множество других историй, которые гораздо проще для понимания, и религия вполне могла бы обойтись

ритуалах синто и украшенный множеством бумажных лент сидэ. Во время очищающих ритуалов этим жезлом производятся взмахи влево и вправо.

всей этой выдуманной благочестивой чепухой.

– Я не очень улавливаю смысл. К чему ты клонишь? Ты даже не ответил на мой...

– Я уже подхожу к этому, наберись терпения, – сказал Кёгокудо, заставив меня замолчать. – Ты можешь назвать это полетом фантазии, плодом воображения, отмахнуться от этого, как от сплошного вранья, или же можешь заклеить все это морализаторством и дидактикой, но ничто не изменит того факта, что религия существует. Наконец, есть те, кто, не веруя, называет верующих дураками, в то время как верующие считают атеистов просто кучкой бесполезных неудачников. Моя работа состоит в том, чтобы построить мост между этими двумя непримиримыми сторонами. Кто угодно может излечить от одержимости – хотя верующие так вовсе не считают. А ученые убеждены, что подобные вопросы даже не имеют смысла. Каждая из сторон закрывает глаза на то, чего она не хочет видеть, для удобства предполагая, что этого попросту не существует. Поэтому они не способны преодолеть недопонимание и разногласия.

– Все это донельзя абстрактно... Позволь мне кое-что прояснить. Ты говоришь о том, что мы должны научиться научно анализировать вещи и явления, которые до настоящего времени считались ненаучными, что наука может использоваться для снятия одержимостей и избавления людей от проклятий? На мой взгляд, все это звучит как многословное описание той же парапсихологии – той самой «духовной

псевдонауки», над которой ты сам же совсем недавно насмеялся, называя глупостью.

– Это не так. Наука по самой своей природе должна быть универсальной. Если ты производишь один и тот же эксперимент в одних и тех же условиях, ты должен получить один и тот же результат. Однако сердце, дух, душа, боги и будды существуют по совершенно иным законам. Даже если человек принадлежит к той же секте той же религии, что и ты, его вера все равно будет отличаться от твоей. Это просто не та категория вещей, с которыми может справиться наука. Как можем мы надеяться понять, что такое сердце или душа, когда мы даже не понимаем всех тонкостей физиологической работы мозга? Душа – это единственная часть человека, не подвластная науке. Вот почему словосочетание «духовная наука» – это бессмыслица.

– Тогда что же насчет того моста между наукой и религией, о котором ты только что говорил?

– Все так, это именно мост. Я показываю ученому призрака при ясном свете дня и учу верующего, как развеять его призраков, не произнеся ни единой молитвы. Все дело в том, что человеческий мозг, столкнувшись с любым необъяснимым явлением или ситуацией, всегда себя оправдывает и легитимизирует свой опыт.

Я не понимал.

– Так ты утверждаешь, что призраков не существует, верно?

– О нет, призраки есть. Ты можешь увидеть их, дотронуться до них, услышать их голоса. Однако они *не существуют*. Вот почему наука не может их исследовать. Но лишь на том основании, что науке они не подвластны, ошибочно полагать их выдумками нашего воображения. Потому что в действительности они все же есть.

Я чувствовал, что мое замешательство усиливается. Кёго-кудо посмотрел на меня так, как мог бы смотреть родитель на своего безнадежного ребенка. Кончиком пальца он провел по крышке маленького сосуда, который все это время держал под рукой.

– По этой причине статьи, которые ты пишешь, бросают тень на репутацию моей профессии. Ты рассказываешь о призраках и одержимостях, устраивая шум вокруг этих явлений и представляя все так, будто они существуют в действительности. Ты пишешь о том, что принципиально неподвластно науке, так, будто оно когда-нибудь *может* быть ей подвластно – или даже как будто она уже частично справилась с этим и нашла некоторые ответы. По меньшей мере, что она их вскоре найдет. А потом ты же описываешь некие немислимые, ужасающие происшествия и явления, которые наука, по-твоему, *не способна* объяснить. Таким образом, ты утверждаешь сразу две противоположные точки зрения, разве нет? А когда ты начинаешь перечислять свои примеры чего-нибудь *странного*, что наука никогда не объяснит – никогда *не сможет* объяснить, – к тебе приходят возмущенные

сторонники науки, заявляющие, что твои утверждения антинаучны. В конечном итоге на их глаза оказываются надеты шоры гораздо более плотные, нежели у любого убежденного мистика. Люди науки отворачиваются от этих явлений как от полной чепухи, зато вокруг начинают, подобно придворным прорицателям прошлого, толпиться разнообразные чудаки, предлагающие купить у них обереги и талисманы, от которых нет никакого толка, – в это мгновение на лице Кёгокудо отразилось глубокое отвращение, – и все кончается дешевым балаганом вроде парапсихологии, которая в качестве научной дисциплины имеет не больше смысла, чем кошка, несущая яйца.

Сравнения, которые использовал мой друг в своих рассуждениях, всегда были немного странными.

– Ну, я не буду утверждать, что понимаю все, о чем ты говоришь, но общее направление улавливаю. Тогда скажи мне вот что: какое место в твоей теории устройства мироздания занимают психология и неврология, на изучение которых я потратил так много времени и сил? – Я вытащил из нагрудного кармана сигарету, пошарил в поисках спички, нашел ее и зажег. На краткое мгновение в воздухе возник запах горящего фосфора, который мне всегда очень нравился. – Если наука не может объяснить человеческую душу, то в таком случае эти дисциплины – тоже вздор и шарлатанство?

Кёгокудо отрицательно покачал головой.

– У всех есть нервная система. Когда она требует лечения,

ты идешь к неврологу. Это ничем не отличается, скажем, от лечения геморроя. Нервы соединены с мозгом, а мозг – всего лишь продолжение нервной системы. И хотя в последние годы мы не добились в его изучении особенного прогресса, очень скоро врачи научатся лечить и его – точно так же, как геморрой.

– Мне неловко говорить тебе об этом, но тебя, похоже, очень заботит твой геморрой. На самом деле даже современными средствами его не так уж просто вылечить.

– Не пытайся сбить меня с толку своими дешевыми шуточками, – усмехнулся продавец книг. – Итак, психология и неврология. Они прекрасно работают, пока остаются в своих границах, то есть до той поры, пока их заботит человеческое тело. Черeda заблуждений начинается с того, что об органах – таких как мозг или нервная система – начинают думать как о разуме или душе человека. Это та самая ошибка, которую допустили доктор Иноуэ и группа его последователей, когда они решили обвинить во всех проблемах на свете нервную систему. В конце концов им пришлось объяснять даже призраков, о которых они так любили рассуждать, как неврологический феномен. Это грустно, правда, – заключил он, хотя по выражению его лица не было заметно, чтобы мой друг действительно сожалел.

Говоря про доктора Иноуэ, Кёгокудо, очевидно, имел в виду профессора философии Иноуэ Энрё, который жил в

эпоху Мэйдзи¹⁵ и занимался исследованиями *ёкаев* и *обаке* – призраков и духов из японского фольклора.

– Возможно, но люди ведь действительно видят странные и причудливые вещи, когда у них не в порядке нервы. Я думаю, Иноуэ Энрё был весьма прогрессивным мыслителем для эпохи Мэйдзи. Что такого плохого было в его исследованиях? – Мне хотелось показать моему другу, что я знаком с именами, которые он упоминает.

– Я вовсе не сказал, что в его работах было что-то плохое, – напротив, я считаю, что он заслуживает нашего сочувствия. И, как ты и говоришь, мозг и нервная система *действительно* тесно связаны с душой. Тесно связаны – но не тождественны.

Кёгокудо замолчал, и в его глазах мелькнул отблеск неподдельной радости. Никто из тех, кто знал этого человека лишь поверхностно, никогда не видел его в подобном настроении. Его недовольное и раздраженное выражение лица редко менялось, и мне потребовались долгие годы знакомства, прежде чем я научился различать малейшие изменения в его поведении. Но даже теперь мне иной раз бывало трудно заметить веселье, скрывавшееся за его угрюмым видом, хотя имелся один верный признак: когда Кёгокудо был доволен, он говорил даже больше, чем обычно.

– Мозг и душа тесно связаны и всегда идут рука об руку,

---

¹⁵ Эпоха Мэйдзи («Просвещенное правление», девиз императора Муцухито) – период в истории Японии с 23 октября 1868 г. по 30 июля 1912 г.

как якудза¹⁶ и проституция. Если с мозгом или с душой случается какая-то поломка, то между ними начинаются весьма утомительные разногласия. Однако если удастся найти решение, которое удовлетворит обе стороны, то в общем и целом все проблемы будут улажены. Больше того, физическую составляющую, то есть мозг и нервную систему, действительно можно вылечить с помощью лекарств. Однако можно вернуть мозг и нервную систему к нормальному состоянию – и *все же* не избавиться от проблемы с душой, что является лишним свидетельством в пользу того, что душа вовсе не тождественна органу, с которым она связана. Именно в этой ситуации наиболее эффективна религия. Ты можешь ответить, что религия – это всего лишь система, которую придумал человеческий мозг, чтобы взаимодействовать с душой; священная софистика, если тебе так больше нравится.

– Я не уверен, что уловил смысл твоего последнего утверждения. Но я рад, что ты, по крайней мере, признаешь пользу неврологии. – Я почувствовал некоторое облегчение от того, что не все, во что я верил, с порога отвергалось как бесполезная чепуха. – А что насчет психологии?

– А вот *это* уже сродни литературе, – ответил мой друг с улыбкой. – Психология эффективна лишь для тех людей, которые понимают ее и верят в ее пользу. Психология – это

---

¹⁶ Якудза – традиционная форма организованной преступности в Японии, группировки которой занимают лидирующее положение в криминальном мире страны.

литература, рожденная наукой. – Кёгокудо добродушно рас- смеялся. – Интересно сравнить психологию с антропологией. В случае психологии исследователь работает с отдельны- ми пациентами, чтобы построить общую теорию функцио- нирования человеческой психики, верно? А в случае антро- пологии и фольклористики, напротив, рассматривает орга- низованную группу людей – например деревенскую общи- ну, – чтобы затем сделать вывод о том, как жили отдель- ные индивидуумы. В конечном итоге, правда, и та и другая наука возвращаются к индивидууму. И в этот момент они становятся похожими на литературу. Возьмем работы ува- жаемого профессора фольклористики Кунио Янагиты¹⁷; все они представляют из себя чистейшую – и притом превосход- ную – литературу! В них так много художественности, что их вообще трудно воспринимать как научные статьи. А тек- сты западных психологов? Знаешь, что с ними нужно сде- лать? Нужно найти какого-нибудь литератора, который смог бы перевести их на японский, чтобы потом продавать как ро- маны. Кстати, выглядит как подходящая для тебя работа! – Кёгокудо снова засмеялся.

Судя по всему, мой план разозлить его обернулся ровно обратным.

---

¹⁷ Кунио Янагита (1875–1962) – японский философ, краевед, фольклорист, за- нимавшийся собранием и изучением японского фольклора. За заслуги в разви- тии японской науки и работы в области этнографии и краеведения («Тоно-мо- ногатари», «Диалоги о каменных божествах», «Теория фольклора», «Морской путь» и т. д.) получил прозвище «отец японской фольклористики».

Затем он скептически вздернул бровь:

– Кстати, Сэкигути-кун, а разве ты не был в молодости большим поклонником доктора Зигмунда?

Он, конечно, имел в виду Зигмунда Фрейда. Когда я впервые познакомился с еретическими – с точки зрения классической психологии – исследованиями австрийского ученого, я сильно мучился от депрессии и в течение какого-то времени лихорадочно читал его работы. В те времена еще мало кто был знаком с ними, хотя позже я стал слышать упоминания его имени все чаще.

Кёгокудо, впрочем, в наши студенческие годы не был особенно высокого мнения о работах Фрейда. Это ли повлияло на меня или что-то иное, но постепенно мои интересы сместились в сторону ученика Фрейда – Юнга, и в конце концов я пришел к моменту, когда меня почти перестали интересовать работы обоих.

– Ну что ж, ради тебя я признаю, что доктор Зигмунд был кое в чем прав, когда он выдвинул свою теорию психологии бессознательного, – пробормотал Кёгокудо, словно обращаясь к самому себе.

– Я вовсе не являюсь восторженным поклонником Фрейда, – возразил я. – Но что насчет «души», о которой ты говорил? Она отличается от того, что психологи называют сознанием и бессознательным?

– Сознание – вот что важно. Если б не было сознания, ты не смог бы читать свои дрянные романы, видеть этот сосуд

или призраков, которых не существует.

– Ты опять говоришь расплывчато и неопределенно. Так получается, что душа и мозг отдельные друг от друга, а сознание – это еще одна отдельная вещь?

– Мир делится на два.

– И что это должно значить?

Когда Кёгокудо увлекался, он говорил вдохновенно, подобно проповеднику какой-нибудь из новых религий. Я мог припомнить несколько моментов, когда в разгар очередной пространной лекции у него вдруг заканчивались аргументы и он умолкал на полуслове. Но это были редчайшие случаи.

– Иными словами, есть внутренний мир человека и внешний мир. Все, что принадлежит к миру снаружи, подчиняется исключительно физическим законам природы, в то время как мир внутри нас полностью игнорирует эти законы. Чтобы жить нормальной жизнью, человеку необходимо привести эти два мира в соответствие и согласие друг с другом. Пока наше сердце бьется, наши глаза и уши, руки и ноги, каждая частица нашего тела с огромной скоростью воспринимают информацию снаружи. И задача мозга – регулировать этот поток информации. Мозг анализирует информацию, упорядочивает ее, сортирует по категориям, упаковывает, наклеивает ярлыки, снабжает всеми необходимыми пояснениями – и передает душе.

В то же время во внутреннем мире происходят самые разные события и возникает информация, которая также долж-

на быть упорядочена; но внутренний мир не подчиняется правилам логики, так что с ним мозгу справиться гораздо труднее. И все же это тоже его работа. Мозгу это может не нравиться, но когда душа выдвигает требования и отдает приказы, он обязан к ним прислушиваться и выполнять. Взаимодействие между душой и мозгом – или, если хочешь, торговая площадь, на которой происходит обмен между ними, – это именно то, что ты называешь *сознанием*. Душа, полностью принадлежащая внутреннему миру, обменивается историями с мозгом и с помощью сознания связывается с внешним миром. С другой стороны, события, происходящие во внешнем мире, фильтруются через мозг и видоизменяются в сознании таким образом, чтобы они могли быть доставлены в твой внутренний мир. В этом смысле сознание можно уподобить искусственному острову Дэдзима в период сакоку¹⁸, верно?

– Я не согласен с твоим сравнением, но понимаю, что ты имеешь в виду. Однажды я был в гостях у моего друга-профессора, где собрались любители психологии, и они спорили о том, является сознание функцией мозга и нервов или же души. Но твоя гипотеза определенно нравится мне больше.

Я вдруг обнаружил, что моя сигарета лежала все это время на краю пепельницы и уже практически вся превратилась

---

¹⁸ Дэдзима (в некоторых источниках Дэсима) – искусственный остров в бухте Нагасаки. Изначально был построен как склад и перевалочный пункт для португальцев. С 1641-го по 1853 г., в период сакоку, или японской самоизоляции, являлся единственным голландским торговым портом в Японии.

в пепел. Я достал из нагрудного кармана следующую и аккуратно поджег ее.

– Гипотеза... да, полагаю, это можно назвать гипотезой, – сказал Кёгокудо, следуя моему примеру и тоже закуривая по новой. По всей видимости, его кротость сегодня можно было объяснить тем, что он пребывал в необычно хорошем расположении духа.

Мне показалось, что настал подходящий момент для небольшой контратаки.

– Но в таком случае как твоя гипотеза объясняет потаенное бессознательное?

Кёгокудо начал отвечать прежде, чем я успел даже закончить свой вопрос.

– Структура мозга состоит из слоев, похожих на слои теста на паровой булочке *мандзю*, – пояснил он. – Чем раньше возникли эти слои, тем глубже они располагаются. А сладкая бобовая паста *анко*, которая находится в центре, – самая древняя. Это так называемый животный мозг, который отвечает главным образом за инстинкты. Считается, что мы рождаемся уже с инстинктами, но более осмысленной мне видится точка зрения, что инстинкты – это знание, которое мы получаем от своей матери, пребывая в утробе; иными словами, это выученные воспоминания. Как известно, у эмбриона тоже есть мозг. Более того, дети, находящиеся в утробе, даже видят сны. И от родительского мозга они получают тот минимум знания, который необходим им для жизни.

Животные проживают всю оставшуюся жизнь, обладая лишь этими минимальными знаниями. Но даже их мозг получает информацию извне и анализирует ее – скажем так, у них в этом отношении хватает наглости быть почти равными венцу творения. Иными словами, у животных есть душа, или, по крайней мере, самосознание, функционирующее по собственным законам и обменивающееся информацией с мозгом. Так что в этом смысле они не очень сильно отличаются от нас. Чем они, однако, отличаются, так это отсутствием речи. По этой причине их сознание – то есть обмен информацией между мозгом и самосознанием – не работает так четко и ясно, как у людей. У животных нет представления о времени, о прошлом и будущем. Для них существует лишь *здесь и сейчас*. Весьма ненадежная позиция, не так ли? Тем не менее, несмотря на это, им удастся существовать весьма успешно. И этот животный мозг остается составной частью человеческого – маленький шарик сладкой бобовой пасты под многочисленными слоями теста.

– Я понял. Теперь ты собираешься сказать мне, что взаимодействие между древним мозгом и душой – это и есть бессознательное? То, что всегда в нас присутствует, даже если мы не можем этого ясно распознать?

– По этой причине лишь животные способны испытывать истинное счастье.

Взгляд Кёгокудо задумчиво скользнул в направлении ве-

ранды *энгава*¹⁹. Там в ярких лучах заходящего солнца нежилась его домашняя кошка. Ее глаза были зажмурены в дреме.

– В последнее время она все время спит. Ты можешь подумать, что это местная кошка, но это не так. Она с континента, родилась на горе Цзиньхуа в Китае. Я слышал, будто бы кошки с горы Цзиньхуа способны принимать человеческое обличье, так что я потрудился, чтобы заполучить одну из них. И теперь все, что она делает, – это спит. Должен сказать, что я чрезвычайно разочарован.

Мой друг совершенно не стеснялся перескакивать на не относящиеся к делу темы всякий раз, когда ему этого хотелось. По большому счету все его небольшие отступления следовало воспринимать с изрядной долей скептицизма. Так что невозможно было сказать наверняка, сколько в его истории про кошку было правды. Что до меня, то я обычно принимал его хвастливые выдумки как должное, потому что они меня порядком развлекали.

– Если ты хотел завести магическую кошку, тебе нужно было взять кошку Набэсими²⁰.

Кёгокудо засмеялся и признал, что я, возможно, прав.

---

¹⁹ Энгава, или эн – японская веранда; дощатый либо бамбуковый настил без татами вдоль двух или трех стен дома, предназначенный для любования садом.

²⁰ Отсылка к старинной истории-кайдану о призраках – «Кошка-вампир Набэсими», повествующей о демонической кошке, околдовавшей главу самурайского клана Набэсима – Наомасу Набэсиму (1815–1871). Убив его возлюбленную О-Тоё, кошка-демон принимает ее обличье и каждую ночь приходит к Набэсиму, чтобы пить его кровь.

А затем я наконец неожиданно понял, что он задумал.

Все эти его теоретизирования и рассуждения были способом уйти от разговора о его сторонней работе. Он на лету ловил мои намеки и отвечал на них быстрее, чем я мог ожидать, постепенно уводя беседу в сторону от интересовавшей меня темы.

А я этого даже не заметил. Я просто позволил потоку слов нести себя – вот почему настроение моего друга становилось все лучше и лучше. В результате я не смог вывести ничего о работе Кёгокудо в качестве экзорциста, а ведь именно это и было моей основной целью. Твердо решив не уходить от него с пустыми руками, я попытался силой вернуть разговор в первоначальную колею.

– Итак, Кёгокудо, – начал я, – думаю, я понял из твоей теории столько, сколько мне требуется. Учитывая это, давай уже вернемся к твоей работе.

– К моей работе? Что ты имеешь в виду?

– Разве мы не говорили о твоей сторонней работе экзорциста?

– С чего ты это взял? Мне кажется, все началось с того, что ты решил преподнести мне ту историю о беременной женщине.

Это было правдой. Кёгокудо взглянул на меня с растерянным недоумением. Я, должно быть, действительно выглядел настоящим идиотом, сидя перед ним, куря свою сигарету и пытаясь придумать, как сменить тему беседы.

– Ладно, хорошо; что насчет этих твоих призраков – как так выходит, что они *есть*, но при этом *не существуют* – потрудись, пожалуйста, объяснить это так, чтобы я смог понять.

Я и сам чувствовал, что мои вопросы звучат подозрительно, как будто у меня был некий тайный план, который я не хотел до поры до времени раскрывать, – по правде, именно так оно и было. Наблюдая за тем, как я спотыкаюсь и запутываюсь, мой друг откровенно веселился, хотя его хмурый вид несколько при этом не менялся.

– Ты что же, не понял ни слова из того, что я тебе сказал? – спросил он, явно разочарованный.

– Нет, я внимательно слушал изложение твоей гипотезы про мозг, душу, сознание и их связь и вполне понял, что ты хотел сказать.

– В таком случае ты понимаешь, что все, что ты видишь, все, что ты слышишь, все, что ты осязаешь и чувствуешь на вкус, – все это товары, которые твой мозг оптом доставляет тебе, своему единственному клиенту. При этом твой мозг также имеет исключительные права на поставки.

– Да, я это понимаю.

– Тогда скажи мне, как ты проверяешь *качество* товаров, которые продает тебе твой собственный мозг? Например, откуда тебе известно, что я – хозяин книжного магазина «Кёгокудо»?

– Я знаю это просто потому, что мне это известно.

– То есть, иными словами, ты проверяешь качество, сопоставляя полученную информацию с той, что уже хранится в твоей памяти.

– Ну да, конечно, я обращаюсь к моей памяти и моему личному опыту.

– Опыт – это всего лишь подразделение памяти. В сущности, если ты потеряешь свою память, то не будешь знать, что есть что, – *ты вообще ничего не будешь знать*. Если ты забудешь, как ходить, то больше не сможешь правильно переставлять ноги, верно?

– Я полагаю...

«Я полагаю, что он прав».

– Как бы то ни было, – провокационным тоном продолжал Кёгокудо, – современная медицина пока что не дала нам ясного ответа на вопрос, где именно и как именно хранятся воспоминания.

– Постой, но ведь это не так! – возразил я. Я действительно так думал – по крайней мере, исходя из того, насколько я понимал современное состояние вопроса и общепринятую научную точку зрения. – Воспоминания *хранятся* в мозге. «Они ведь должны там храниться», – я не мог представить себе какой-то иной возможности. Разве мозг не называют «хранилищем воспоминаний» или «кладовой памяти» или чем-то подобным?

Кёгокудо потер пальцами подбородок.

– Я не был бы так уверен. Что мы знаем наверняка, так

это то, что мозг работает привратником и посредником. Вся информация, которая поступает через глаза и уши, сначала должна пройти таможенный досмотр в мозге. И вот в чем загвоздка: *мозг пропускает только те вещи, которые он понимает и с которыми соглашается*. Каждая мельчайшая мелочь должна сперва пройти инспекцию, прежде чем она будет допущена в область сознания.

– А что насчет того, что не проходит досмотр?

– Отправляется в хранилище памяти, минуя сознание. Как ты думаешь, на чей авторитет полагается мозг, когда проводит свою инспекцию? Опять же, памяти. Мозг быстро просматривает ее картотеку, извлекает оттуда воспоминания, кажущиеся ему подходящими, и сравнивает их с новой поступившей информацией. Если новый материал проходит его досмотр, то отправляется вместе со старым обратно в хранилище-картотеку.

– Ну разумеется. На этот раз это понятная метафора.

– А теперь представь себе вот что. Что, как ты думаешь, произойдет, если наш безупречный таможенный инспектор окажется мошенником, если он будет нечестен и попытается протащить контрабандой *подделку*? Как ты думаешь, клиент, который наблюдает пьесу жизни, разыгранную на сцене сознания, сможет распознать, что это фальшивка?

– Возможно, нет. Но зачем мозгу может понадобиться вести себя нечестно? В этом ведь нет никакого смысла.

– Нет, смысл в этом есть, – убежденно сказал Кёгокудо.

– Но я не понимаю, – упрямо возразил я, покачав головой. – Какую мозг может извлечь из этого выгоду?

– Мозг делает это не совсем для того, чтобы получить выгоду, – скорее, чтобы уменьшить потери. Назовем это выходом из затруднительной ситуации или исправлением неполадок. Например, скажем, он отправляется в хранилище памяти, но не может найти там подходящее воспоминание-образец, чтобы сопоставить его с новой информацией. Это затруднит его работу, ведь новую информацию будет невозможно проверить. На небольшие расхождения можно закрыть глаза и сделать вид, будто их нет, однако иногда поступившая информация совершенно не согласуется с тем, что уже имеется. Это поднимает вопрос о доверии. Человеческий разум или человеческая душа доверяет мозгу безоговорочно и абсолютно. Как я уже сказал ранее, если бы хранилище памяти оказалось полностью опустошено, то мозг утратил бы все основания для своей работы, а ты, возможно, не смог бы прожить после этого дольше минуты. Это доверие не может – *не должно* – быть подорвано. Лучше пусть клиент получит устраивающую его приятную ложь, нежели утратит веру в систему.

Есть и еще один вариант: иногда клиенту *не нравятся* товары, которые он получает, и он хочет чего-то *другого*. А как тебе известно, клиент всегда прав. В такие моменты мозг отправляется в картотеку памяти, находит там подходящее воспоминание и, немного над ним поколдовав, преподносит

его взамен того, что только что поступило из внешнего мира. Клиент никак не может распознать, что товар несвежий. Но затем, конечно, где-то в цепи событий неизбежно нарушится последовательность и возникнут противоречия. Не получив подходящего товара, таможня тем не менее отправляет взамен него другой. Это приводит к тому, что в бухгалтерских книгах не сходится баланс.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что клиент – то есть душа – хочет чего-то *другого*? В каком смысле *другого*?

– Ну, например, скажем, ты хочешь увидеть того, кто уже мертв...

– Вот оно что! – я наконец понял. – Так это и есть призрак?

– Это не единственный вид призраков, но в общем и целом – да. Когда душа человека так хочет – то, что человек видит, оказывается совершенно неотличимым от реальности, хотя в действительности оно возникло в его внутреннем мире. Ты можешь назвать это иллюзорной реальностью. Конечно же, для самого человека это *и есть* реальность. Ведь эта «реальность» прошла тщательную проверку в таможене мозга, и если мозг выдал свой сертификат, у его клиента не возникает сомнений. Никто из нас, включая меня самого, не способен увидеть или услышать мир таким, каков он есть на самом деле. Мы вынуждены смиренно довольствоваться тем, что наш мозг считает подходящим, чтобы позволить нам это

получить, – предвзятый подход к чувственному восприятию.

– Но разве это не привело бы к ужасной путанице, если б все мы видели вокруг себя вещи, которых быть не должно? И неужели действительно так просто увидеть или услышать все эти иллюзорные реальности, которые, по твоему мнению, мы сами же и создаем? Человек не может просто пожелать что-то увидеть и действительно увидеть это. У меня никогда не получалось.

– Если ты *захочешь* что-то увидеть, то не сможешь это увидеть. В тот самый момент, когда ты думаешь, что хочешь увидеть что-то, оно попадает в твое сознание, и твой мозг уже *знает* об этом. А как только мозг узнаёт, что происходит, он тотчас выбирает самый простой путь – отправляется в картотеку и находит там воспоминание, которое доказывает, что того, что ты хочешь увидеть, не существует. После этого иллюзия, которой хотелось бы подменить реальность, отбрасывается и игнорируется. Мозг ведь не собирается тебе лгать, верно?

– То есть нужно подсознательно чего-то захотеть?

– Именно так. Затем, после того как мозг преподнес тебе свою ложь, у него нет иного выбора, кроме как отправиться в хранилище памяти – подправить и подделать находящиеся там записи, чтобы доказать, что он нигде не допустил ошибки. Ведь в противном случае его гордость была бы уязвлена. Мозг существует по законам естественных наук. По этой причине ему нужны объяснения вроде «необъяснимых фе-

номенов» и самооправдания, которые предоставляет ему религия.

Я кивнул:

– Понятно. Что-то во всем этом не кажется мне абсолютно правильным, но я улавливаю, к чему ты клонишь. Ты хочешь сказать, что религия – посредник и арбитр между мозгом и душой, благодаря которому обе стороны могут оставаться в ладу друг с другом.

– А ты тоже мастер искусных метафор... Да, это так, мозг допускает ошибки и недосмотры. И в такие моменты ему просто необходим арбитр, который мог бы уладить дело. Без такого арбитра мозгу для урегулирования разногласий с сознанием ничего не оставалось бы, кроме как продавать наркотики, – и этого жульничества было вполне достаточно, когда мы были животными, но в какой-то момент оно перестало так хорошо работать.

– В смысле, «наркотики»?

– Именно так. Когда у тебя хорошее настроение, ты испытываешь удовольствие или чувствуешь себя счастливым; это результат биохимических процессов в твоём мозге. Подумай о базовых действиях, которые мы производим, чтобы выживать: едим, выполняем физические упражнения, занимаемся сексом – все они доставляют нам то или иное удовольствие. Организм требует этих удовольствий, получаемых извне, – примерно так же, как зависимый нуждается в своей дозе. Животное может испытывать эйфорию просто потому, что

живет. Но когда появился социум и возникла речь, наркотики, которые поставлял организму мозг, перестали удовлетворять всем нуждам – все слишком усложнилось, и человек потерял свое счастье. Тогда-то и возникло все необъяснимое и загадочное. Человек искал новое счастье, чтобы заменить им утраченное, и появилась религия. Если хочешь, можешь считать это заменителем наркотиков. Опиум, морфий – все это заменители заменителя. Тот коммунист, который сказал, что «религия есть опиум народа», был весьма проницательным человеком...²¹

Кёгокудо закончил свою пространную лекцию.

Я был слегка взволнован. Это было ощущение, которое я не смог бы точно определить: все равно как если бы надежная и крепкая лодка, на которой я уже давно плыл, вдруг неожиданно начала рассыпаться прямо подо мной, как та лодка из грязи, на которой плыл тануки в народной сказке²².

В этот момент Кёгокудо, наблюдавший мое замешательство, неожиданно спросил:

– Кстати, как поживает твой прадедушка?

---

²¹ Речь идет о К. Марксе. Однако сравнение религии с опиумом имеет более раннее происхождение и восходит еще к Ж.-Ж. Руссо.

²² Имеется в виду сказка «Кати-кати-яма» («Трещащая гора»), в русских переводах известная как «Храбрый заяц», или «Крестьянин и тануки». В этой истории тануки (енотовидная собака-оборотень) убивает жену рыбака. Друг рыбака – храбрый белый заяц – вызывается отомстить тануки и предлагает тому посоревноваться в гребле на лодках, но дает ему лодку из грязи – едва оказавшись на середине реки, она разваливается, и тануки тонет.

– О чем ты? – удивленно пробормотал я. – Весьма странный способ попытаться сменить предмет разговора.

– А кто сказал, что я хочу сменить предмет нашего разговора? Ну так что? Отец отца твоего отца – как он поживает?

Я чувствовал, что должен ответить, хотя совершенно не представлял, что он замышляет.

– Я же никогда его не встречал. Тебе это хорошо известно. Даже отец моего отца умер, когда мне было всего пять. А мой прадедушка присоединился к праотцам задолго до того, как я родился на свет.

– То есть тебе неизвестно, существовал он в действительности или нет.

– Конечно же, он существовал. В конце концов, ведь я же здесь, а я – его потомок.

– Допустим. А как поживает твой дедушка? Он существовал на свете?

– Я разве только что не сказал тебе, что он умер, когда мне было всего пять лет? Возможно, я и глуп, но это я хорошо помню. Он существовал, понятно?

– Да, но что, если ты просто родился *уже* с этими воспоминаниями? Давай допустим – просто ради мысленного эксперимента, – что ты родился совсем недавно, непосредственно перед тем, как прийти сюда. Ты появился в этом мире, обладая всеми предварительными воспоминаниями, которые заставляют тебя *верить* в то, что ты существовал задолго до этого. У тебя, сидящего здесь, не было бы никакого способа,

чтобы узнать истину, отличить настоящие воспоминания от поддельных. Разве я не прав?

Сказав это, Кёгокудо на некоторое время погрузился в молчание.

Рин... В вечернем воздухе зазвенел подвешенный на веранде колокольчик-*фурин*²³.

Светившее на улице солнце уже давно зашло, и воздух наполнился мгlistой дымкой. Кошки, спавшей там мгновение назад, нигде не было видно.

Внезапно мне стало страшно – я почувствовал себя ребенком, брошенным на произвол судьбы посреди моря. Нет, впрочем, это ощущение было ближе к одиночеству и еще к чему-то более специфическому... хрупкости? эфемерности? Моя глиняная лодка растворилась в бескрайних океанских водах.

– Этого... этого не может быть – это нелепо. Я – это я.

– Откуда ты это знаешь? Я бы сказал, что ты не можешь выносить подобные суждения. Твои воспоминания, *твое здесь и сейчас* – не создано ли все это твоим собственным мозгом лишь несколько мгновений назад? Как пьеса, дописанная драматургом непосредственно перед тем, как на

---

²³ Фурин – традиционный японский колокольчик, сделанный из металла или стекла, с прикрепленной к язычку полоской бумаги. Такие колокольчики обычно подвешивают на окнах или под карнизом на веранде. Считается, что мелодичный звон фурина сам по себе вызывает ощущение прохлады в жаркие летние дни.

сцене откроется занавес. Зрителям невдомек, что она была закончена лишь только что. Они никогда не смогут сказать, в чем разница.

– Я... настолько непостоянен?... нет...

В гостиной внезапно потемнело.

– Самостоятельно ты не можешь различить реальность и воображаемый конструкт, который ты *называешь* реальностью. Сэкигути-кун. Я называю тебя этим именем – «Сэкигути-кун», но это вовсе не является гарантией того, что это именно ты. Вероятность того, что ты и весь мир вокруг тебя – лишь галлюцинация, населенная призраками, и вероятность того, что все это реально, абсолютно равны.

«Но в таком случае...»

– Но в таком случае это означает... это означает, что я – сам что-то вроде призрака?!

Меня внезапно охватила мучительная тревога, словно весь мир, который, как я думал, я знал, вдруг отверг меня. Даже одиночество, которое я испытывал во время приступов моей депрессии, казалось гораздо менее безнадежным чувством, чем это. Я будто перестал понимать, действительно ли я сидел там, глядя на моего друга, или же нет – каждая крупинка опыта, данная мне, бледнела и угасала в сомнениях.

Прошло, казалось, несколько минут.

Неожиданно сидевший передо мной человек громко расхохотался, возвратив меня обратно в действительность.

– А-ха-ха-ха! Эй, Сэкигути-кун, очнись; всё в порядке,

правда! С тобой все хорошо! Я вовсе не ожидал, что это так на тебя подействует. Пожалуйста, прости меня.

Однако я еще некоторое время сидел неподвижно, изо всех сил стараясь убедить себя, что радостный человек передо мной действительно был Кёгокудо.

– Друг мой, послушай, все хорошо, правда. Ты – это ты, Тацуми Сэкигути, и никто иной. Я за это ручаюсь, – и Кёгокудо от смеха схватился за живот.

По мере того как я постепенно осознавал ситуацию, во мне безмолвно нарастал гнев.

– Что вообще происходит?! – наконец вспыхнул я. – Ты что, наложил на меня какое-то заклятие? Это одна из твоих техник?

– О, это было бы отличным трюком. Но я не волшебник и, если уж на то пошло, не ниндзя, чтобы использовать какие-то тайные техники. Ты сказал, что хочешь узнать о моей работе, и я показал ее тебе. Я не мог представить, что это окажется настолько эффективным. Это вышло скверно, очень скверно...

Кёгокудо рассыпался в извинениях.

Мой друг с самого начала видел меня насквозь. Я же чувствовал себя как царь обезьян Сунь Укун из «Путешествия на Запад»²⁴, который расхаживал с важным видом и хвалил-

---

²⁴ «Путешествие на Запад» – один из четырех классических романов на китайском языке. Опубликовано в 1590-е гг. без указания автора. В XX в. утвердилось мнение, что его написал книжник У Чэнъэнь.

ся своей силой, не подозревая, что все это время он стоял на ладони у Будды.

– Так все, что ты говорил... ты придумал все это, чтобы одурачить меня?

– Нет, это вовсе не так. Все, что я тебе сказал, было правдой. Некоторая часть из этого – даже *слишком* правдой. – Кёгокудо вытащил руку из-за пазухи и снова потер пальцами подбородок. Это был его характерный жест, когда он был чем-то обеспокоен.

– Тогда объясни мне, пожалуйста. Я чувствую себя так, будто был околдован лисой.

– Твоя семья принадлежит к буддийской секте Нитирэн²⁵, верно?

– Да, и что из этого? Надеюсь, это не очередной твой фокус?

– Никаких фокусов, никаких заклятий. Я просто хочу сказать, что ты был обращен в веру, ты присоединился к религии, однако в тебе нет ни капли религиозности.

– Но у меня дома есть алтарь *буцудан*, и над ним, как полагается, подвешен свиток с сутрой.

– Бьюсь об заклад, что ты едва ли смахиваешь с него пыль хотя бы раз в месяц. Нет, ты не человек веры. Хотя, если уж на то пошло, ты и не ученый.

Я нахмурился:

---

²⁵ Нитирэн – одно из ведущих японских направлений буддизма, основано в 1222 г. монахом Нитирэном.

– Ну что ж, это действительно так.

– С такими людьми, как ты, лучше всего работает правда.

– Вот как... верно, ты ведь видоизменяешь свою методику очищения от скверны, чтобы она наилучшим образом подходила к убеждениям твоих пациентов. – Как только я припомнил этот момент, то тотчас понял, что произошло: Кёгокудо провел надо мной своеобразный обряд экзорцизма. Однако я не мог перестать думать о том, что где-то еще меня поджидала очередная ловушка, и это вселяло в меня беспокойство. Я больше не хотел испытывать то мучительное чувство сомнения. Видимо, я неосмотрительно позволил своей настороженности отразиться на моем лице.

– Ну-ну, не хмурься так. Как ты и сказал, мой экзорцизм – или, если правильно его называть, *цукимоно-отоси*²⁶ – работает, лишь когда я хорошо понимаю окружение моих пациентов, среду, в которой они выросли и живут, и их характер. Метод, который я избрал сейчас, так хорошо сработал на тебе, потому что я говорил с тобой на языке, который ты лучше всего понимаешь. Для кого-то другого я выбрал бы сутры, или молитву, или даже язык науки. Все это необходимо лишь для того, чтобы набросать черновик связей между мозгом и душой. И после того, как они правильно связаны, можно выявить бóльшую часть проблем и решить их.

---

²⁶ Цукимоно-отоси, буквально «избавление от одержимости», или «снятие одержимости» – техника изгнания злых духов и очищения от скверны, применяемая священниками-оммёдзи. Поскольку Кёгокудо является оммёдзи, он использует именно это наименование.

– Я понимаю про сутры и молитвы, но почему наука?

– Человек науки мыслит научно, но когда речь идет о взаимоотношениях мозга и души, он просто *верит* в их научно объяснимое взаимодействие. В современном мире наука нередко самыми разными способами используется в качестве заменителя религии. Но все же для человека верить в науку в этом случае оказывается гораздо более хлопотно, чем полагаться на религиозные доктрины. В конце концов, нет ничего менее подходящего для объяснения сверхъестественного, чем наука. Это все равно что использовать линейку, чтобы измерить сон, – как ни пытайся, все равно не получится. В результате мозг теряет уверенность.

– Ну, я думаю, что мой мозг только что потерял уверенность. Потому что на какое-то мгновение я позволил своей душе и своему разуму усомниться во всем, что им было сказано раньше. Ты жестокий человек, тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил об этом?

– Но в то же время область твоего понимания немного расширилась. Ты должен поблагодарить меня за это.

– Неужели? И что же, мой мозг больше не сможет меня одурачить?

– Увы, это не тот случай. Пока ты дышишь, тебя всегда будет дурачить твое собственное серое вещество. Но теперь у тебя, по крайней мере, есть немного здравого смысла, чтобы подвергать сомнению то, что оно иногда тебе подсовывает.

– И это – все твое лечение? – проворчал я.

– Ну начнем с того, что ты изначально был вполне здоровомыслящим и душевно здоровым. Как я могу починить то, что не сломано? – Кёгокудо снова рассмеялся. Но затем на его лицо вновь вернулось серьезное выражение. – Кстати говоря, о твоём прадедушке...

– Ну уж нет, я уже все понял. Я больше не попадусь в эту ловушку.

– Просто послушай. Итак, у тебя нет совершенно никаких сведений об отце отца твоего отца, полученных из первых рук, правильно?

– Конечно же, нет. Но это вовсе не значит, что он – всего лишь порождение моего мозга. Я – живое доказательство того, что он существовал на самом деле. – По всей видимости, выражение моего лица говорило о том, что с меня достаточно.

– Постой-постой, не нужно сразу переходить к выводам. Я уверен, что твой прадедушка жил на свете, и никто не собирается ставить под сомнение этот факт. Скажи мне, как его звали?

– Откуда у тебя такая одержимость моим прадедушкой?.. Кажется, его звали Хандзиро. Он был хозяином лодок и сетей в каком-то рыболовецком порту – сдавал их напрокат другим рыбакам. Судя по всему, он был чрезвычайно преуспевающим человеком и имел большое влияние. К сожалению, мой дедушка тоже так думал. Он столь сильно верил в своего отца, что поставил на кон судьбу семьи ради это-

го бизнеса, так что в итоге, фигурально выражаясь, оказался выброшен на сушу без средств к существованию. Именно поэтому *мой* отец – бедный сельский учитель.

– Вот оно! – Кёгокудо хлопнул ладонью по краю стола.

– Вот оно – что?

– Откуда тебе все это известно? Ведь бо́льшую часть того времени тебя и на свете-то не было. Как ты мог получить подобную информацию?

– Глупость какая. Я хочу сказать, разве это не очевидно? Я слышал это от людей, которые *жили* в то время. К тому же имя моего прадедушки есть в метрических записях, которые хранятся в храме в моем родном городе. Возможно, все регистрационные книги нашей семьи сгорели во время войны, но я точно знаю, что дома остались одна или две его фотографии.

– Именно так оно и есть, – на этот раз Кёгокудо взволнованно хлопнул себя по колену. – Ты узнаёшь новые вещи о внешнем мире, которые не можешь пережить на собственном опыте, посредством слов и записей. Так к тебе и поступает эта информация.

– Ну да, разумеется.

– Хорошо, тогда послушай вот что. Поскольку ты сидишь здесь передо мной как живое доказательство, то мы должны признать, что твой прадедушка действительно существовал. Но что насчет Токугавы Иэясу?²⁷ Ты веришь в то, что *он* су-

---

²⁷ Токугава Иэясу (1543–1616) – принц Минамото, дипломат и военачальник,

ществовал?

Кёгокудо подался вперед, не спуская с меня внимательно-го взгляда. Я немного отодвинулся.

– Конечно, верю. Иногда ты говоришь удивительно странные вещи... Во-первых, разве сам этот город – Токио – не доказательство того, что он сделал? Если б не существовало Иэясу, город Эдо, может стать, никогда не был бы построен. Держу пари, что ты – единственный человек во всей Японии, который ставит под сомнение его существование.

– Да? Почему ты так уверен?

– А почему ты так сомневаешься? У Иэясу, знаешь ли, есть многочисленные потомки. Они – живое доказательство, точно такое же, как я.

– О да, но в твоём случае мы оглядываемся в прошлое примерно на три поколения, так что даже сейчас может быть жив кто-то, кто знал Хандзиро-сана²⁸ лично. Но в случае Иэясу нам нужно погрузиться в прошлое на пятнадцать или шестнадцать поколений, верно? Никто из ныне живущих определенно не знал Иэясу лично. И даже его потомки не могут, таким образом, подтвердить его существование.

– А что насчет всех этих записей? Жизнь Иэясу задо-

основатель династии сёгунов Токугава. Ближайший сподвижник и последователь объединителей Японии Оды Нобунаги и Тоётоми Хидэёси, завершивший создание централизованного феодального государства.

²⁸ «– сан» – наиболее распространенный нейтрально-вежливый суффикс в японском языке. Примерно соответствует обращению по имени-отчеству в русском.

кументирована несравнимо лучше, чем жизнь моего прадедушки. По всей Японии можно найти самые разные записи и свидетельства о нем. Более того, эти записи хранятся в государственных архивах и публичных реестрах. Я ведь даже не знаю, от чего умер мой прадедушка, зато знаю, от чего умер Иэясу.

– От *темпуры* из окуня?²⁹ Хорошо, но почему ты полагаешь, что все эти сведения заслуживают доверия? Существует множество разных теорий насчет того, отчего он умер. Так что ты не обнаружишь во всех без исключения учебниках истории рассказ о том, как он отравился – или был отравлен – *темпурой*.

– Может быть, и так; но почему бы не принять самую распространенную теорию, которая у всех на устах? Так или иначе, есть огромная разница между рассуждениями о наличии альтернативных идей о его смерти и сомнениями в самом его существовании.

– Ну да, ну да, – Кёгокудо ухмыльнулся.

– Прекрати. Мне от этого жутко.

Он перестал – и продолжил; в глазах у него светились лукавые огоньки:

– В таком случае, Сэкигути-кун, ты также признаешь существование *Дайдарабоши*?

– Мне кажется, ты окончательно потерял связь с реальностью. Дайдарабоши – это великан из старинных народных

---

²⁹ По одной из версий, Токугава Иэясу умер от пищевого отравления.

преданий! Разве может существовать нечто подобное?

– Но почему? Разве его случай так уж сильно отличается от случая Иэясу?

– Конечно же, это совершенно другой случай. Один – историческая фигура, а другой – чудовище-ёкай³⁰ из какой-то там сказки.

– Да, но записи есть про обоих. И обе истории слишком старые, чтобы их можно было подтвердить напрямую. И потом, история Дайдарабоши – вовсе *не* «какая-то там старая сказка», это хорошо известная по всей Японии легенда. И она не начинается словами «когда-то давным-давно, в далекой-далекой стране».

– Нет?

– Нет. Она начинается чем-то вроде «очень давно в уезде Нака в провинции Хитачи». Теперь ты понимаешь? В ней очень точно указано место действия, и это место абсолютно реально и сохранилось по сей день. Если ты туда поедешь, то даже сможешь найти руины построек, относящихся к описанному в легенде периоду. Конечно же, эта конкретная история не относится только к данному месту – в каждом регионе есть своя собственная версия. Но ни одна из них не противоречит всем остальным. И эта легенда гораздо более убедительна, нежели истории о том, как кто-то умер сразу

---

³⁰ Ёкаи – самые разнообразные сверхъестественные существа из японской мифологии. Бывают как доброжелательными, так и враждебными или нейтральными к человеку.

несколькими способами.

Кёгокудо опять, по всей вероятности, пытался задурить мне голову. Или же все это должно было закончиться каким-нибудь нелепым хвастовством либо очередным неудачным каламбуром. Я не мог точно сказать, что он задумал.

– Если ты веришь в существование сёгуна Токугавы Иэясу, основываясь лишь на письменных свидетельствах, то, опираясь на аналогичные записи, ты также должен верить, что Дайдарабоши действительно существовал. И не только Дайдарабоши... – Кёгокудо потянулся к книгам в японских переплетах, сложенным на татами, взял две из них и положил на стол перед собой. Затем открыл верхнюю на случайной странице. – Причудливые существа, которые здесь изображены, – о них также есть письменные свидетельства. Их не меньше, чем свидетельств об Иэясу...

Книгами, которые он мне показывал, были тома вроде «Иллюстрированного собрания ста случайно выбранных демонов», читаемого им, когда я пришел в магазин, – развлекательные истории эпохи Эдо, собранные и проиллюстрированные Ториямой Сэкиэном. Названия на переплетах гласили: «Иллюстрированное ночное шествие ста демонов» и «Дополнение к иллюстрированному собранию ста демонов прошлого и настоящего». Сегодня это назвали бы «серией», в которой были собраны все популярные в то время истории и легенды о призраках, лисах-оборотнях и тануки, а также о злых и мстительных духах и горных и речных чертях, назы-

ваемых *тими-мо: рё:* – что-то вроде «Кто есть кто в потустороннем мире». Всего было опубликовано двенадцать таких томов, так что можно было с уверенностью судить о том, насколько это интересовало людей в те времена. Впрочем, иллюстрации в них были весьма посредственными и безвкусными и не шли ни в какое сравнение с откровенно жуткими и пугающими работами более поздних художников, таких как Ёситоси или Окё³¹.

– Весьма странный довод. Просто записать что-то – не значит сделать это правдой.

– Да, но это *было* записано – вот что существенно важно, – Кёгокудо посмотрел на меня лукавым взглядом мальчишки, которому только что удалась проказа. – Отсутствие личного контакта с предметом и знание о нем лишь по письменным свидетельствам – в этом смысле нет никакой значимой разницы между твоим прадедушкой, сёгуном Токугавой Иэясу или существами из преданий – *ёкаями*, подобными Дайдарабоши. Поскольку эти два условия для всех троих одинаковы, тебе решать, во что из всего этого верить, а во что – нет. Таким образом, ты выбираешь признать существование первых двух, но не последнего.

– Ну разумеется. Потому что у меня есть множество подтверждающих свидетельств, с помощью которых я могу при-

---

³¹ Цукиока Ёситоси (1839–1892) – художник; считается последним великим мастером гравюр в жанре укиё-э. Его деятельность пришлась на два исторических периода – последние годы эпохи Эдо и последующую эпоху Мэйдзи. Маруяма Окё (1733–1795) – художник эпохи Эдо.

нять свое решение.

– Это действительно так? – перебил меня Кёгокудо со зловещей ухмылкой. – А что, если я скажу тебе, что это вовсе не вопрос свидетельств очевидцев и документов? Тебе просто не хватает логики, чтобы прочесть истину в последней истории, вот и всё.

– Так что же, по-твоему, выходит, что я верю в Токугаву Иэясу, а не в сказочного – прошу прощения, в *легендарного* – великана не потому, что я основываюсь на доказанных фактах, а просто потому, что у меня недостаточно широкий кругозор и узкое мировоззрение? Я правильно тебя понимаю?

– Нет, у тебя достаточно знаний о том, как устроен мир, и я не сомневаюсь, что ты обладаешь собственными убеждениями и стратегией познания. Более того, я уверен, что все твои взгляды полностью согласуются с современными представлениями и общественными нормами, и все это я сейчас оставляю за скобками. Однако в любую эпоху и при любых обстоятельствах знания человека остаются несовершенными.

– Это, пожалуй, действительно так, но я не согласен. Я имею в виду, что не важно, о чем мы говорим, – невозможные вещи всегда остаются невозможными, правильно?

«То, что не существует, – не существует».

– Сэкигути-кун... ты только что услышал теорию появления призраков, не так ли? Разве не может кто-нибудь, согласно этой же теории, увидеть великана? Если б *ты* увидел

великана, то, по всей вероятности, поверил бы собственным глазам. В конце концов, ты сам лично осознал тот факт, что наблюдатель не может с уверенностью определить, видит он настоящую реальность или же воображаемую.

– Ну... «Может быть, это и так, но все же...» Хорошо, как ты говоришь, ради продолжения спора, давай, так и быть, предположим, что я действительно увидел этого твоего Дай-дарабоши. Я поверил в то, что он настоящий, как верю во все остальное, что вижу своими глазами. Но если б я рассказал об этом другим людям, они решили бы, что это вздор и бред сумасшедшего. Никто мне не поверил бы, верно?

– Вполне, – Кёгокудо ухмыльнулся. – С чего бы им тебе поверить, если б ты был единственным, кто его видел? Но обстоятельства кардинально меняются, едва твой опыт обращается в слова. Слова – или изображения, не важно – это абстракции, которые делают опыт общедоступным. Как только твоя история записана, любой может прочитать и понять ее.

– Разумеется. Они смогли бы лучше ее *понять*. Но это все равно не значит, что после этого они не сочли бы все это чем-то бóльшим, нежели плодом моего разыгравшегося воображения, – возразил я со всем упрямством, на которое только был способен.

– Да, все именно так, как ты говоришь. Твой опыт, твое *чудовище*, которое ты увидел, принадлежит только тебе, и если никто, кроме тебя, его не видел, это называют дикой фантазией или помрачением сознания. Но предположим, что

был кто-то, кто тебе поверил. Теперь вы разделяете твою иллюзорную реальность – создаете, так сказать, коллективную фантазию. Исходя из всех записей и легенд, дошедших до нас, мы можем с уверенностью утверждать, что был не один и не два человека, которые разделяли коллективную фантазию о Дайдарабоши. То же самое можно сказать и об этих невероятных созданиях.

Кёгокудо рассеянно пролистнул страницы «Ночного шествия сотни демонов».

– Есть причина, по которой все эти существа обрели форму и остаются с нами по сей день. Так что если, как ты предлагаешь, принимать общепринятое знание за чистую монету, то нужно признать, что чудовища и призраки населяли наш мир с тех самых пор, как появились люди, которые о них рассказывали. Однако для современных людей, в число которыхходишь и ты, для чудовищ нет места в их мире. Современный человек может читать записи и свидетельства, однако, хотя он и понимает, что именно в них написано, он не может принять их *смысла*. С другой стороны, Токугава Иэясу... он вполне согласуется с твоей картиной мира, он тебе понятен, и потому ты способен принять сведения о нем как достаточно достоверные. Это понимание рождает доверие. Это и есть тот самый метод, с помощью которого мы определяем, что достоверно и надежно, а что нет.

– То есть... ты хочешь сказать, что нет никакой абсолютной объективности или правды в отношении исторических

записей – что истинность всего, что мы читаем, относительно? Все относительно? Ты это имеешь в виду?

«Этот человек... Сколько еще моих убеждений ему нужно у меня отнять, чтобы он наконец успокоился?»

– Именно. И поверь мне: для людей, которые жили в горных деревнях в эпоху Эдо и у которых не было совершенно никакого исторического образования, горная ведьма *ямауба*, грабившая и пожиравшая путников, была гораздо более реальной, нежели когда-либо был Иэясу. Я уверен: если б ты пришел к ним и спросил, что они думают про Иэясу, они бы ответили тебе, что «знать не знают никого с таким именем» и преспокойно вернулись бы к своим делам.

В конечном счете я должен был признать, что он прав. Мне было нечего на это возразить. Но, сидя там и чувствуя, будто меня тушат на медленном огне, я беспокоился не о том, что меня перехитрили или переспорили. Плохо было то, что я все еще невольно продолжал внимательно слушать этого человека.

– Слова по сути своей обманщики, – продолжал продавец книг. – Они с тем же успехом порождают массовые заблуждения, с которым рассказывают о знаменитом военачальнике эпохи Эдо. Но давай будем более точны: став *коллективным*, заблуждение уже не может быть одинаковым для всех. Вот действительно захватывающая часть – бобовая паста *мисо*, растворенная в супе. Иллюзорная реальность – это совершенно индивидуальная вещь, единственная и неповтори-

мая. Ее невозможно идеально точно воспроизвести в сознании другого человека.

– Но это ведь противоречит тому, что ты говорил ранее. Если ты не можешь разделить коллективное заблуждение, то оно остается всего лишь воображаемой реальностью одного конкретного человека – иными словами, всего лишь иллюзией.

– Как я и сказал, захватывающе! Это также применимо и к религии. Знаешь, как называют религиозного проповедника, у которого нет ни единого последователя? К сожалению, сегодня такого человека все считают безумцем. Религия не может существовать без верующих. Лишь когда заблуждение становится систематизированным, оно может стать и коллективным. Однако даже люди из одной и той же религиозной секты не могут переживать одну и ту же идентичную иллюзорную реальность. И в этом заключается истинная гениальность самой религиозной идеи. Несмотря на то что ее приверженцы могут иметь различный, индивидуальный религиозный опыт, религия убеждает их в том, что этот опыт одинаков и универсален. Таким образом, можно использовать одинаковые предпосылки для того, чтобы одновременно успокаивать напряжение и улаживать противоречия между мозгом и сердцами множества разных людей. *Это и есть спасение.* И главная роль во всем этом принадлежит словам.

– «В начале было Слово», ты это имеешь в виду?

– Превосходно!

Мой друг почему-то всегда хвалил лишь мои случайные замечания.

– В этом и есть самая суть. Историческая личность по имени Токугава Иэясу не тождественна тому «Иэясу», в которого ты веришь. Их связывают лишь письменные свидетельства, иными словами – *слова*. – Кёгокудо откашлялся, прочищая горло. – В конечном счете мозг – это всего лишь орган человеческого тела. Пока *твой* мозг может убедить душу в том, что он знает, о чем говорит, – никаких проблем не возникает. Но под действием силы слов память постепенно начала жить своей жизнью. Слова не только пробудили индивидуальное сознание – они же отправились во внешний мир и породили там оборотня по имени Общественное Сознание. Едва некий опыт преобразуется в слова, он перестает принадлежать индивидууму, который его пережил, и становится коллективным заблуждением. Индивидуальное понимание – способность отличить реальное от воображаемого – невозможно, даже если человек переживает нечто на личном опыте и получает знание из первых рук. Что же тогда насчет слов, которые вышли во внешний мир? Мы можем думать, что они заслуживают доверия, пройдя проверку такого большого количества мозгов, но это не тот случай. Едва нечто превращается в общепринятую абстракцию, которой является язык, оно передается из уст в уста, пока не попадает в голову индивидууму, где вновь преобразуется в нечто определенное и *конкретное*. Но, опять же, человек не

может с полной уверенностью сказать, было ли это второе – обратное – преобразование выполнено с какой-либо точностью или же нет.

– Я понял!

Удивительно, но на этот раз я действительно понял, куда вел свои рассуждения Кёгокудо, – прежде, чем он даже закончил свою фразу.

– Ты говоришь о том, как много информации может включать в себя одно-единственное слово и как меняются оттенки смысла. Например, говоря о тебе с другими людьми, мне пришлось бы сказать множество слов, чтобы описать тебя, если б я не мог сказать просто «Хозяин книжного магазина «Кёгокудо». Потому что если они тебя знают, то все, что мне нужно сказать, – это только «Кёгокудо», и они сразу точно поймут, о ком идет речь. С помощью одного-единственного слова они могут вызвать в своей памяти твой образ. Но Кёгокудо, которого представляю себе я, и тот Кёгокудо, о котором думают они, на самом деле немного отличаются – нет, в некоторых случаях они даже совершенно разные. Однако поскольку мы разделяем некую концепцию «Кёгокудо», то сможем продолжать наш разговор, а поскольку нам совершенно не известно, что на самом деле происходит друг у друга в головах, мы со спокойным сердцем полагаем, будто думаем практически об одном и том же.

– В конечном итоге лекарство подействовало, – мой друг улыбнулся. – Все именно так, как ты говоришь. Слова – это

действительно основа всех заклятий. Как ты околдован закланием под названием «Тацуми Сэкигути», так на меня наложено заклание «Кёгокудо». Мы постоянно используем их, даже не задумываясь. Токугава Иэясу существовал, но *что мы знаем наверняка*, так это то, что есть письменные свидетельства о человеке с таким именем, жившем много лет назад. Мы определенно не знаем самого человека. Это напоминает мне предписание дзен-буддизма о «независимости от слова и буквы». Даже если существование Иэясу – это непреложный факт, для нас Иэясу не является реальным. Да, иногда нам может казаться, будто мы знаем Иэясу, – мы переживаем некую разновидность галлюцинации. Этот сбой в нашей душе и разуме, несомненно, происходит оттого, что хранилище памяти, где находится информация, использующаяся в ответ на слово «Иэясу», – это то же самое хранилище, которое содержит воспоминания о наших собственных личных впечатлениях. Информация, полученная на основании слов, и информация, которую мы извлекли из личного опыта, – и та и другая становятся воспоминаниями, и эти воспоминания смешиваются друг с другом. Вот почему в один прекрасный день мы можем вдруг увидеть призрак «Великого бога-спасителя, что озарил Восток»³², то есть самого Иэясу.

– Что ж, это существенно дополняет наш предшествующий разговор. Так ты хочешь сказать, что во всем этом

---

³² Посмертное имя сёгуна Токугавы Иэясу.

непрерывном потоке информации, который мозг, как последняя сволочь, обрушивает на нас, возникают мелкие несоответствия и неточности – трещины в реальности, – которые проникают в наше сознание?

– Не стоит, пожалуй, называть собственный мозг «последней сволочью», – заметил Кёгокудо. – Впрочем, похоже, его акции в твоих глазах сильно подешевели. Но, действительно, с этой точки зрения Дайдарабоши – совершенно то же самое, что наш Иэясу. Если тебе вдруг понадобится, он возникнет перед тобой – такой же реальный, как ты или я. – Кёгокудо с радостным выражением лица потер пальцами маленькую баночку, которая теперь покоилась у него на коленях, – на протяжении всего разговора он вертел ее в пальцах, то ставя на стол, то вновь беря в руки.

Я почувствовал облегчение – правда, совсем незначительное.

– Ну уж нет; пройдет еще очень много времени, прежде чем мне понадобится увидеть кого-нибудь огромного, сидящего на вершине горы Фудзи и склонившегося вниз, чтобы помыть руки в озере Бива. Моя твердая вера в биологию тотчас встала бы на пути у такого видения. Можно сказать, я один из *естественнонаучных* литераторов.

Наконец-то я почувствовал себя вновь на своей территории и даже смог улыбнуться.

Однако Кёгокудо это не смутило, и он продолжил говорить, словно буддийский священник на проповеди:

– Что ж, если в этом все дело, тебе бы пошло на пользу время от времени грезить наяву. Ты утверждаешь, что ты литератор, но я вижу перед собой человека с хроническим недостатком воображения. Разве слова для грошовых писак вроде тебя – не главный товар, которым вы торгуете?

– Ты когда-нибудь можешь остановиться в нагромождении грубостей и унижении собеседника? Мое воображение подобно неиссякаемому источнику!

– Ну что ж, хорошо, уважаемый господин литератор, *сэнсэй*, в таком случае известно ли тебе, сколько в мире существует *буссхяри*?

На этот раз он, вне всяких сомнений, шутил. «Сэнсэй» – *учитель* – было вполне распространенным обращением к литераторам, однако Кёгокудо никогда не соизволял обращаться ко мне подобным образом, кроме тех случаев, когда его намерением было сделать из меня дурака.

– *Буссхяри*? Ты имеешь в виду те самые *буссхяри*, то есть кости Будды? Ну, по всей стране можно найти пагоды, в которых, как считается, хранится прах Будды, – возможно, даже не только в Японии. Даже не догадываюсь, сколько их на самом деле.

– Из достоверных источников мне известно, что, если ты попытаешься собрать все фрагменты тела Будды, которые хранятся во всех пагодах по всей Японии, вес собранных тобой костей будет примерно равняться весу скелета слона. Что ты думаешь об этом, *сэнсэй*?

– Что я думаю? Я думаю, что это звучит просто нелепо. Либо храмы, в которых они хранятся, так сильно хотели убедить всех в их подлинности, что сознательно пошли на ложь, либо кто-то специально потихоньку подсовывал лишние кости, либо...

Кёгокудо перебил меня, отрицательно встряхнув головой:

– Как я и сказал – никакого воображения. Почему бы не подумать: «Надо же, каким большим человеком был Будда!» – И засмеялся.

Мой друг был определенно очень доволен собой. А я, как всегда оказавшийся объектом его шуток, был сам виноват, что позволил этому произойти, и из-за этого чувствовал себя еще большим дураком. Но, едва представив себе огромного, как слон, Будду, поучающего своих учеников, похожих на крошечных муравьев, сидящих у его ног, я тоже рассмеялся.

– Кстати, что это за баночка, которую ты не выпускаешь из рук в течение всего последнего часа? – спросил я спустя мгновение. Уже некоторое время меня странным образом беспокоил этот вопрос.

– А это... Это урна с прахом. В ней хранятся кости Будды.

– Вранье! Откуда у тебя может взяться кость Будды? Ты продаешь книги, а в остальное время ты синтоистский священник, а не буддийский монах.

– Но это правда. – Кёгокудо открыл баночку и вытащил из нее маленький белый кусочек. – Хочешь попробовать? – С этими словами он закинул его себе в рот.

– Ты спятил! – испуганно вскрикнул я.

– А ты довольно доверчив. Тебе следовало бы быть внимательнее. Это сухое печенье *хигаси* из магазина сластей «Кангэцу-ан».

– Ну всё, – сказал я. – Ты – самый большой мошенник и обманщик из всех, кого я знаю. Больше никогда не поверю ни единому твоему слову. Ты намного хуже мозга, который продает ложь душе. И зачем, скажи мне, держать печенье в подобной баночке?

– Моей жене это тоже не очень нравится, но в эти дни, если оставить их открытыми, влага уничтожит печенье прежде, чем я успею их съесть. А эта баночка идеально подходит. – Кёгокудо вытащил еще одно печенье и с хрустом его разгрыз. – Но подумай вот о чем. Пока я не открыл крышку, внутри этой баночки могли быть кости, а вовсе не печенье.

– К чему ты ведешь на этот раз? Тебе придется очень постараться, чтобы меня удивить. – К тому моменту я вправду чувствовал себя готовым практически к чему угодно, что он еще собирался мне предъявить.

– Я просто подумал, что, раз наш разговор про мозг и душу и наш внутренний мир был не слишком понятным, – возможно, настало время поговорить про физический мир. Тебе известно что-нибудь про исследования в области квантовой механики?

– Жаль тебя разочаровывать, но нет, не известно. Ты го-

воришь про теорию профессора Юкавы?³³ Который получил Нобелевскую премию – когда это было, в прошлом году?.. Или два года назад?..

Кёгокудо покачал головой и пояснил, что теория Юкавы касалась мезонов.

– О квантовой механике впервые заговорили около двадцати или тридцати лет назад. Это теория структуры атома и взаимодействия частиц внутри него.

– И это имеет какое-то отношение к содержимому баночки?

– Самое непосредственное. Поскольку квантовая механика впервые выдвинула весьма необычный закон физики, который называется принципом неопределенности.

– Неопределенность в данном случае означает что-то, в чем ты не можешь быть уверен? – язвительно уточнил я.

– Именно, – ответил он не моргнув глазом. – Суть принципа неопределенности в том, что чем точнее ты можешь измерить одну характеристику элементарной частицы, тем менее точно ты можешь измерить вторую. То есть, пока ты измеряешь импульс или количество движения атома, его положение меняется, а когда пытаешься установить его положение, меняется его импульс.

– Разве нельзя измерить то и другое одновременно?

– Судя по всему, нет. В то мгновение, когда положи-

---

³³ Хидэки Юкава (1907–1981) – японский физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике (1949).

ние атома определено, его импульс совершенно неизмерим. А когда установлен его импульс, невозможно сказать, где он в данный момент находится. Но самое главное вот что: пока ты не измерил параметры атома и ничего о нем не выяснил, он вообще в действительности не существует тем предсказуемым, измеримым образом, каким существуют более крупные физические объекты. Если попробовать описать это иначе, то получится, что в то самое мгновение, когда наблюдатель измеряет параметры атома, этот атом впервые обретает измеримую форму и характеристики, но до этого самого момента он может быть описан лишь с точки зрения *вероятностей*. Необычная идея для естественных наук, не так ли? Следуя этой идее, мы можем сказать, что, лишь когда я открыл крышку этой баночки, ее содержимое обрело форму и содержание и превратилось в печенье.

– Ты уверен, что эту теорию выдвинул ученый? Если это правда, разве не делает это всю нашу повседневную жизнь ужасно нестабильной и беспокойной? Откуда нам знать, что происходит где бы то ни было, пока мы не смотрим? Это похоже на мир, сделанный из желатина.

Кёгокудо усмехнулся:

– Многие с этим не согласились, но, насколько мне известно, ни у кого не было достаточно убедительных аргументов, чтобы это опровергнуть. Я читал, что даже Эйнштейн не желал иметь с этим ничего общего. И все же я полагаю, что эта теория со временем разовьется в очень важную область ис-

следований.

– Ну если даже Эйнштейн был против нее, то она, скорее всего, ошибочна. Это большое облегчение. Если мы не можем верить нашему мозгу и законам естественных наук, управляющим этим миром, то *чему* вообще мы можем доверять и в чем можем найти опору?

– Заметь, что профессор Эйнштейн никогда не отрицал принцип неопределенности – он просто не хотел иметь с ним ничего общего. Я думаю, тот противоречил его эстетике. В любом случае квантовая механика впервые со времен Декарта создала ситуацию, когда мы не можем быть уверены, что наблюдателя и наблюдаемый объект возможно отделить друг от друга. Потому что *сам акт наблюдения влияет на объект* – если вдуматься, то это становится очевидным. Так или иначе, наиболее точные результаты наблюдений можно получить, когда объект не осведомлен о том, что за ним наблюдают. Итак, мы можем сформулировать гипотезу, которая следует из квантовой механики, а именно: этот мир, включая прошлое, создается задним числом в тот момент, когда мы на него смотрим.

– Эй, постой! Это что, по-твоему, наука? – На мгновение мне показалось, что мы каким-то образом повторяем наш более ранний разговор. Разве до этого мы не обсуждали нашу осведомленность о мире и религию, которая рядится в одежды науки?

Кёгокудо настаивал, что это действительно наука.

– Просто взгляни на вселенную, которую мы знаем благодаря научным исследованиям, – требовательным тоном произнес он. – Она кажется донельзя подходящей для нашего выживания. Если б Земля была чуть ближе к Солнцу, все мы превратились бы в угли. Если б Луна была немного ближе, она врезалась бы в Землю, а если немного дальше – то улетила бы в открытый космос. Все кажется слишком уж удобным.

– Да, но тут уж ничего не поделаешь. Это реальность.

– Лишь когда мы *наблюдаем* это, оно становится реальностью.

– Опять ты за свое...

– Когда мы задаемся вопросом, *почему* мир представляется настолько удачно сконструированным, чтобы соответствовать нашим нуждам, этому может быть лишь одна причина: потому, что именно мы, люди, его наблюдаем. Если б на Земле не было ни единого человека, то не имело бы равным счетом никакого значения, сколько времени эта планета будет существовать или насколько она удалена от Солнца. Все эти вопросы остались бы незадавленными на протяжении всей вечности, и никому до этого не было бы никакого дела. Магия слов могла пробудить наш внутренний мир, но мир вокруг нас был пробужден магией науки. Мир без людей был бы, вне всяких сомнений, весьма неопределенным и смутным местом. Как это ни парадоксально, но теперь наука начинает догадываться, что именно таким он и является. – Кёгокудо немного устало вздохнул.

– Квантовая механика, – продолжил он спустя некоторое время, – приводит нас к развилке на пути теории: мы либо рассматриваем человека как часть мироздания, либо мироздание – как часть человека. Знаешь, я не был бы особенно удивлен, если б на микроскопическом уровне граница между нашим внутренним миром и внешним миром оказалась довольно размытой.

Произнеся это, он закрыл баночку с печеньем. Раздался глухой щелчок, когда крышка встала на место. Я представил, как печенье внутри превращается в кусочки белых костей.

– Так эта квантовая механика, – рискнул я спросить, – разве она в каком-то смысле не выходит за границы науки?

– Не говори глупостей, – наставительно сказал мой друг. – Если б она выходила за какие-либо границы, ее научный статус рассыпался бы в пыль и она более не считалась бы наукой. Все же, если ты не можешь доверять своим наблюдениям за объектом, то не можешь называть это наукой.

Рин... На улице снова зазвенел колокольчик-фурин.

По мере того как сгущались сумерки, мои тревога и смутное беспокойство усиливались.

Полные фантастических преувеличений невзыскательные истории, которые я писал для журналов – о кармическом долге, унаследованном от родителей, или о возмездии за совершенные злодеяния, – всегда представлялись мне абсо-

лютно безобидными, потому что они не были правдой. Это был основной принцип, из которого я исходил, воспринимая их просто как выдумки. Но теперь мне казалось, что все мое мировоззрение и все ценности, которых я придерживался, сколько себя помнил, – все они были не прочнее, чем сахарная вата. Внезапно я понял, что не хочу больше писать все эти пошлые и банальные статьи.

Несмотря на то что в глубине души я был охвачен стыдом и смущением, мой друг – именно тот человек, который привел меня в это состояние, – пребывал в прекрасном расположении духа. Откровения этого дня ничего для него не значили – в конце концов, он-то знал все с самого начала.

– Подумать только, сколько уже времени... Ты, должно быть, голоден. Думаю, теперь я закрою магазин и схожу в лавку вниз по дороге, где торгуют едой навынос. Возьму тебе *тануки-собу*, а себе – *кицунэ-удон*³⁴.

Даже не подумав о том, чтобы спросить меня, Кёгокудо определился с выбором нашего меню и отправился в лапшичную, чтобы сделать заказ. Он всегда сам решал, что я буду есть после наших небольших бесед, что было, пожалуй, к лучшему. В то время как я мог раздумывать над самым

---

³⁴ Тануки (енотовидная собака-оборотень) и кицунэ (лиса-оборотень) являются вечными соперниками в японских народных преданиях, во многих историях соревнуясь друг с другом в хитрости и изобретательности. Кицунэ обычно побеждает в подобных поединках, на что и намекает Кёгокудо своим выбором блюд. Тануки-соба – гречневая лапша соба с темпурой, кицунэ-удон – пшеничная лапша удон с жареным тофу.

простым меню часами, мой друг всегда мгновенно принимал решение. Впрочем, мне не показалось совпадением, что на этот раз он выбрал блюда, названные в честь енотовидной собаки-оборотня и лисы – животных, которые известны своей способностью околдовывать людей.

По крайней мере, в сказках и преданиях.

Я остался один.

В комнате, где я сидел, была включена лампа, но я не знал, кем она была включена и когда – неожиданно это вызвало во мне беспокойство. Лакированный столик, покрытый красочными разводами цугару-нури, был весь замусорен свидетельствами прошедшего дня: пепельница с несколькими смятыми окурками, белая баночка-урна с квантовым печением внутри и пара каталогов призраков и демонов, в существовании которых, как выяснилось, я не имел достаточных оснований сомневаться.

Моя чашка слабого чая была совершенно пуста.

Я вдруг почувствовал невыносимую жажду и встал, чтобы налить себе еще чаю. Рядом с подушкой-*дзабутоном*³⁵, на которой сидел Кёгокудо, стоял поднос с пустым заварочным чайником, но необходимых элементов в виде банки чая и горячей воды нигде не было.

Пока я осматривался в их поисках, мой взгляд случайно упал на открытую книгу на столе.

На странице была иллюстрация – изображение женщины.

---

³⁵ Дзабутон – специальная плоская подушка для сидения на полу.

Ее грудь была обнажена, а вся нижняя половина туловища покрыта чем-то ярко-красным – вероятно, это была кровь.

Она держала на руках ребенка, тоже залитого кровью.

Вокруг нее простиралась поросшая чахлой растительностью болотистая пустошь.

С неба хлестал яростный дождь.

Одну руку женщина прижимала ко лбу, другой почти небрежно обнимала ребенка. Она выглядела так, словно собиралась отдать его кому-то.

Выражение ее лица было мрачным. Но вместе с тем оно не было ожесточенным, или грустным, или же исполненным злобной горечи.

Она просто выглядела... растерянной?

Если б ее лицо было яростным, картина была бы гораздо более пугающей. Но ее растерянное выражение делало ее какой-то другой.

Зловещей.

У иллюстрации была подпись – три иероглифа, складывавшиеся в слово, которое я не смог сразу прочесть:

Спустя некоторое время вернулся Кёгокудо с переносным деревянным ящиком с крышкой, которые используют для доставки еды.

Увидев перед собой мертвенно-бледного человека, держащего в руке ящик с лапшой, я невольно расхохотался.

– Только представь себе! – с возмущением выдохнул он. – Этот старик в лавке сказал мне: «Ты выглядишь голодным, я все сготовлю по-быстрому, просто подожди немного». Он мог сколько угодно притворяться любезным, но потом наотрез отказался брать на себя труд принести все это сюда. Так что мне пришлось нести все самому – какое мучение! Ты заказывал тануки-собу, верно?

«Я ничего не заказывал. Ты решил за меня, чем я буду ужинать. Я просто не стал возражать, потому что, откровенно говоря, мне без разницы».

– Я понимаю, что в наши дни кто угодно может продавать собу, но неужели они думают, что лапшичной легко выжить в месте вроде этого и сохранить свою клиентуру? К тому же они берут двадцать иен за порцию.

– Постой, ты говоришь, что у них неудачное место? Разве они находятся не прямо по соседству с *твоим* магазином? И они были здесь еще до войны, разве нет?

Я вспомнил, как приходил к нему в гости, будучи еще сту-

дентом, и останавливался в соседнем ресторане, чтобы заказать себе холодной *дзару-собы*³⁶. В то время одна порция стоила пятьдесят *сэн*³⁷.

– На самом деле, тот ресторан был одним из нескольких, которые сгорели во время сильного землетрясения. Этот район почти не пострадал, так что сюда перебрались множество людей из самых разных мест, – сказал Кёгокудо, не отвлекаясь от обжаренного во фритюре тофу. Затем взглянул на книгу, лежавшую на столе: – Кстати, я заметил, что ты рассматривал эту книгу, когда я вошел. С ней что-то не так?

– Нет, ничего особенного. Я просто размышлял, как правильно читается название этой картины. Последний иероглиф – «птица», *тё*·, перед ним стоит «получать» или «похищать», *каку*, а первый, кажется, «свекровь» или «теща», *ко*? Может быть, *кокакутё*? Это какое-то привидение? Никогда о таком не слышал.

– А, нет. Это *убумэ*, – сказал Кёгокудо, чавкая своим уdonом.

– А, вот как... Про *убумэ* я слышал. Это призрак, который бродит повсюду и пытается отдать своего младенца кому-нибудь, кто сможет о нем позаботиться. Но почему эти иероглифы читаются как «убумэ»?

---

³⁶ Дзару-соба («гречневая лапша в бамбуковой корзинке») – холодная лапша из гречневой муки, является популярным летним блюдом.

³⁷ Сэн – японская денежная единица, равная одной сотой иены. Была в обращении с 1873-го по 1945 г. После Второй мировой войны национальная валюта Японии подвергалась сильной инфляции.

– Они так не читаются. Кокакутё – это демон из Китая. Иногда его называют «ночной куртизанкой» или «божественной небесной девой». Это оборотень. Когда она облачается в перья, то становится птицей, а когда сбрасывает их, то обращается призраком женщины. Об этом написано, в частности, в «Компендиуме лекарственных веществ» Ли Шичжэня. Я уверен, что в энциклопедическом справочнике эпохи Эдо под названием «Японо-китайский иллюстрированный сборник трех миров» также была статья, касавшаяся убумэ. Полагаю, что Сэкиэн позаимствовал название своего рисунка непосредственно оттуда, но что-то здесь не сходится. Считается, что китайская кокакутё похищает младенцев-девочек и вскармливает и воспитывает их как своих собственных детей, что является полной противоположностью тому, как ведет себя убумэ, верно? Да, и еще обычно слово «убумэ» записывается как сочетание иероглифов «рожать» и «женщина»:

##

Кёгокудо говорил, не переставая поглощать свою лапшу, но я всегда прекращал есть и откладывал в сторону палочки, когда разговаривал, так что моя соба вскоре остыла и размокла.

– Так убумэ – это призрак женщины, умершей при родах, правильно?

– Не призрак как таковой. Есть мнение, что это *сожаления* умершей при родах женщины, принявшие физическую форму. Идет ли речь о дочери семьи Ямада, живущей по соседству, или о знатной даме из богатой семьи, – если они умрут при родах, их сожаления вернутся и будут скитаться по миру. Вот почему, когда появляется одна из них, это верный признак того, что в чьей-то семье случилась трагедия. В пользу того, что они не являются призраками, говорит тот факт, что убумэ не приходят за каким-то определенным человеком, чтобы мучить его, и ты, должно быть, заметил, что выражение ее лица совсем не такое яростное, как у большинства призраков.

Конечно же, я тоже об этом подумал.

– Все же у современных людей недостает способностей извлечь смысл из этих записей, – задумчиво проговорил Кёгокудо. – Легко сказать: «Это сожаление женщины, умершей в родах, принявшее физическую форму», но что это за фи-

зическая форма – ответить на этот вопрос весьма затруднительно, не так ли?

– Ну разумеется. Сожаление ведь не имеет определенной физической формы, тут уж ничего не поделаешь.

– И все же мы изображаем нечто настолько сложное, как человеческую душу, в виде самого простого символа сердца. Возможно, он основан на форме соответствующего органа или на форме чашечки для *sake*, но всякий, кто увидит этот символ, тотчас поймет, что это душа. Хотя у души нет никакой формы.

– Я полагаю...

– То же самое с уbumэ – это символ. Просто в современном мире он не используется. Отчасти потому, что уровень смертности рожениц значительно снизился, но это не дает исчерпывающего объяснения. Сама область сверхъестественного стремительно уходит из повседневной речи и становится более личным опытом. Если сегодня люди и говорят об этом, то основной темой их разговоров становятся очевидцы и их истории. В рассказах о призраках и мстительных духах мы в конечном счете слышим о человеке, которого ненавидит призрак, а не об особенностях и судьбе самого призрака. Современная уbumэ – это некая Хана Ямада-сан, умершая в результате врачебной ошибки, которая ночь за ночью, как на дежурство, является к изголовью кровати виноватого врача, чтобы изводить его плачем и угрожать предъявлением судебного иска. Вот в какое скучное и

приземленное создание она превратилась.

– Ну я уверен, что в стародавние времена роды были гораздо более опасны для жизни, так что, когда что-то шло не так, некого было в этом винить. Женщина, которая, к несчастью, умирала, могла иметь сожаления, но, вероятно, у нее не было бы повода становиться разгневанным призраком.

Теперь мне совсем не хотелось прекращать наш разговор. Кёгокудо допил бульон от удона, затем, ворча что-то в ответ на мое последнее замечание, отправился на кухню, откуда вскоре вернулся с двумя чашками холодного ячменного чая – *муги-тя*. Одну из них он предложил мне. Затем пробормотал, больше обращаясь к самому себе:

– Однако почему вышло так, что кокакүтё и убумэ смешались? Украсть ребенка и отдать ребенка кому-то другому – это совершенно разные вещи.

Доев наконец свою тануки-собу и все еще чувствуя жажду, я откинулся назад и выпил свой чай одним освежающим глотком.

– А что, кстати, делает убумэ после того, как отдала своего ребенка?

– Ничего. Некоторые говорят, что, если ты возьмешь у нее ребенка, тот будет становиться все тяжелее и тяжелее, пока не раздавит тебя, или ты заболеешь, но эти детали, скорее всего, были добавлены позже, чтобы сделать рассказы пострашнее. Согласно другим версиям, приемные родители обретают сверхъестественную силу, однако это уже больше

похоже на истории о сказочных героях и их испытаниях. Для современного слушателя это уже совершенно не страшно. Но было еще кое-что... – Кёгокудо обернулся и бегло окинул взглядом книжную полку за своей спиной.

Однако, судя по всему, книги, которую он искал, там не было, так что спустя мгновение мой друг снова повернулся ко мне и продолжил свое объяснение:

– Сэкиэн создал свои лучшие работы в эпоху Анъэй³⁸, с тысяча семьсот семьдесят второго по тысяча семьсот восемьдесятый год, но если заглянуть еще на сто лет в прошлое, то в те времена страх перед убумэ был еще в самом расцвете. Думаю, это был третий год эры Дзёкё – то есть, по современному западному летоисчислению, тысяча шестьсот восемьдесят шестой год³⁹, чуть больше чем за сто лет до смерти Сэкиэна, – к этому периоду относится особенно примечательная запись об убумэ, опубликованная в «Рассуждениях о ста повестях о призраках».

Взгляд Кёгокудо остановился на воображаемой точке в воздухе примерно в трех дюймах над моей головой, и он на-

---

³⁸ Эпоха Анъэй («Мирная вечность», девиз правления японских императоров Го-Момодзоно и Кокаку) – период в истории Японии с 10 дек. 1772 г. по 25 апр. 1781 г.

³⁹ В Японии принято указывать даты согласно девизу и годам правления императора; Дзёкё («Принятие праведности») – девиз правления японских императоров Рэйгэна и его сына Хигасиямы, использовавшийся с 5 апреля 1684 г. по 23 октября 1688 г. Здесь и далее даты указаны как по традиционному японскому, так и по григорианскому летоисчислению.

чал зачитывать фрагмент из «Рассуждений о ста повестях о призраках» по памяти:

– «Из всех передаваемых из уст в уста таинственных историй те, что повествуют об убумэ, – самые противоречивые и пугающие. Говорят, когда умирает беременная женщина, ее привязанность к ребенку обретает физическую форму. Она становится призраком, чье тело от пояса и ниже залито кровью, плачущим подобно птице: «обаро-о, обаро-о». Ну, что скажешь? На мой взгляд, гораздо страшнее, чем эта картина. Впрочем, преобладающее отношение к сверхъестественному и загадочному, которое ты найдешь в «Рассуждениях...», – это отрицание.

– Ты слово в слово запомнил это описание? Тебе больше нечем заняться в свободное время?

– О, ну это довольно увлекательно, – Кёгокудо взял со стола книгу и медленно покачал ею в воздухе. – Прежде всего, убумэ, которую ты можешь обнаружить в народных преданиях – в некоторых регионах ее называют «угумэ», – такая же пугающая. Нижняя часть ее тела залита кровью, как в том описании, которое я тебе привел, либо покрыта незаживающими кровавыми ранами. Она на порядок страшнее, чем во всех этих более поздних описаниях. Если посмотреть на это изображение, то можно подумать, что она просто пошла искупаться и попала под дождь. Интересно, сделал ли это Сэкиэн намеренно?

– В смысле?

Что-то было не так.

– Но ведь на этом изображении нижняя часть ее туловища тоже вся красная от крови, разве нет?

«Я же это видел, я в этом совершенно уверен».

– Перестань грезить наяву. Это же черно-белая иллюстрация, как она может быть красной?

Кёгокудо отдал мне книгу.

Иллюстрация в ней была идентична той, что я видел ранее, за исключением того, что на женщине была традиционная нижняя юбка *коси-маки*, обернутая вокруг талии. Присмотревшись, я также обнаружил, что ребенок выглядел довольно упитанным и вполне здоровым.

На них не было ни капли крови.

Однако на лице у женщины было все то же растерянное выражение, отчего сцена выглядела такой же жуткой.

Кёгокудо сузил глаза и произнес:

– Сэкигути-кун, ты, возможно, обладаешь теперь всеми необходимыми логическими инструментами, которые утратил весь остальной мир, чтобы понять природу убумэ.

Рин... На улице от дуновения ветра опять мелодично зазвенел колокольчик.

Продавец книг прибрал со стола оставшиеся после ужина миски, затем, открыв баночку с печеньем, предложил одно мне:

– Будешь кость Будды?

– Это богохульство. Ты наверняка попадешь за это в буддийский ад, – сказал я, беря один сухой кусочек.

Мой взгляд все еще был прикован к иллюстрации в книге. Странно, но она больше не казалась мне такой загадочной, какой была мгновения назад. Может быть, цвет, который я увидел, был всего лишь игрой света?..

Кёгокудо тоже взял одно печенье.

– Неужели? Я думаю, у меня хорошие шансы на спасение, учитывая, что я сделал доброе дело, – ответил он. – Между прочим, это печенье прожило удивительную жизнь Сиддхартхи Гаутамы – и его удивительное рождение, ты так не считаешь? Перед появлением на свет принца Сиддхартхи его матери, царице Махамайе, приснился сон, будто через ее правый бок в чрево вошел белый слон с шестью белыми бивнями, несший цветок лотоса; а на седьмой день после рождения Будды она умерла.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, о чем он говорит.

– Нет, постой, Будда – это не очень хороший пример, – продолжил мой друг. – Я знаю – как насчет Тайра-но Масакадо⁴⁰, императора-самозванца? Согласно «Беседам о Сутре Лотоса», он провел в утробе целых тридцать три месяца,

---

⁴⁰ Тайра-но Масакадо (прибл. 903–940) – японский полководец и политический деятель эпохи Хэйан (794–1185). Один из организаторов антиправительственного восстания годов Дзёхэй и Тэнгё (936–941).

прежде чем появиться на свет. К тому же в легендах говорится о том, что его мать была змеей, чья магия защищала его.

Как будто чудом, мы вернулись к первоначальной теме нашего разговора. Мой друг наконец решил обсудить историю про аномально длительную беременность, которая была истинной причиной, по которой я решил увидаться с ним в тот день.

– Мусасибо Бэнкэй⁴¹ – другой известный пример, – говорил Кёгокудо. – Согласно героической поэме «Гикэйки», или «Сказанию о Ёсицунэ», ему потребовалось восемнадцать месяцев, чтобы родиться, а в одной из историй из «Отоги-дзоси», или «Занимательных рассказов», собранных в период Муромати⁴², которая называется «История Бэнкэя», он оставался внутри в течение целых трех лет и трех месяцев и родился лишь на тридцать девятом месяце! Он появился на свет с волосами и полным набором зубов, то есть был настоящим «младенцем-демоном». Еще в «Собрании увиденного и услышанного в годы Кэйтё» есть история о бродяге и преступнике по имени Оотори Итибэ, который, когда он был

---

⁴¹ Сайто-но Мусасибо Бэнкэй (1155–1189) – японский воин-монах, служивший знаменитому полководцу Минамото-но Ёсицунэ. Обычно изображался как человек большой силы и верности, являясь популярным персонажем японского фольклора.

⁴² Отоги-дзоси – жанр японской литературы периода Муромати (1336–1573), представленный более чем тремястами рассказами и легендами; некоторые из которых объединены в сюжетно-тематические циклы.

наконец схвачен и брошен в темницу, утверждал, что провел в утробе матери восемнадцать месяцев. Конечно, это лишь его собственное свидетельство, так что это немного подозрительно.

– Но почему все они – злодеи? Ну, кроме Будды.

– Постой, воин-монах Бэнкэй вовсе не злодей. Ему просто нравилась каждая хорошая драка, в которой он мог продемонстрировать свои силу и неистовство. Однако насчет злодеев – это ты хорошо заметил. Действительно, Масакадо до сих пор считают самым дурным человеком на всем белом свете...

– Ну вот, он же злодей... – проговорил я, не вполне понимая, к чему ведет мой друг.

– Да, если говорить о злодеях, – продолжал Кёгокудо, – то «краснолицый демон», Сютэн-додзи с горы Ибуки – тоже отличный пример.

– Сютэн-додзи разве был не с горы Оэ на западной окраине Киото?

– Это просто более известная версия той же истории. В любом случае, ты знаешь, о ком я говорю, – тот главарь демонов-они. Так вот, в истории «Додзи из Ибуки», или «Мальчик с горы Ибуки», тоже из «Отоги-дзоси», сказано, что он родился на тридцать третий месяц, а согласно «Дзэн-тайхэйки», или «Повести о временах до наступления великого мира» о войнах периода Нара до наступления эпохи Хэйан, он был рожден на шестнадцатый месяц. Вообще-то,

изначально Сютэн-додзи был человеком, только рожденным необычным способом и также появившимся на свет с длинными волосами и полным набором зубов. Но он стал демоном-они, когда сжег все любовные письма, присланные ему отвергнутыми им женщинами, — дым от сожженных писем окутал его и обратил в демона. Став демоном, он сколотил банду, бесчинствовавшую в Киото и похищавшую женщин, пока, по указанию оммёдзи Абэ-но Сэймэя, его не убил самурай Минамото-но Ёримичу.

— Но, Кёгокудо, — сказал я, — посмотри на эти цифры: шестнадцать, восемнадцать, тридцать три, три года и три месяца... Во все это довольно трудно поверить, не так ли? Такое ощущение, что эти цифры были придуманы постфактум.

— Разумеется, так оно и есть. Это случилось лишь тогда, когда все эти люди превратились в кровожадных и жестоких демонов, знаменитых преступников или прославленных героев, — именно тогда *их прошлое было создано задним числом*.

— Похоже на квантовую механику.

— Действительно. Все демоны рождаются при необычных обстоятельствах — это издревле распространенное народное убеждение. В Японии данная идея особенно глубоко укоренилась. Обратное также справедливо: всякий, кто появился на свет необычным образом, должен непременно стать демоном, когда вырастет. Поэтому любой истории демона или выдающегося злодея, в которой *отсутствует* его необыч-

ное рождение, недостает убедительности. Причина и следствие здесь поменяны местами. Когда кого-то начинают считать демоном, то в ту же самую секунду отправляются в его прошлое, чтобы создать необычную и странную историю его прихода в этот мир. Таким образом, если ребенок действительно родился на свет необычным образом, это не дает нам ни единого доказательства того, что в будущем он обязательно станет демоном или злодеем.

– Но разве нет каких-нибудь примеров, чтобы кто-то, родившийся необычно, вырос, несмотря на это, обыкновенным человеком?

– Ни единого. Поскольку судьба детей, рожденных при подобных обстоятельствах, была хорошо известна, в стародавние времена таких детей всегда убивали.

– Но ведь Сютэн-додзи выжил, не так ли? Если б они действительно с таким рвением убивали всех подобных детей, на свете не было бы ни одного демона или знаменитого преступника.

– Как я тебе и сказал, истории Сютэн-додзи и подобных ему персонажей *были созданы задним числом*, когда их заклеямили демонами. В таком случае можно просто сказать, что родители не смогли убить своего ребенка и вместо этого бросили его, или что-нибудь в этом роде. И если по какой-то случайности найдется кто-то, кто был рожден необыкновенным образом, но о нем никто ничего не знал до той поры, пока он не вырос и не стал обыкновенным человеком, – факт

о его необычном рождении будет просто стерт из его прошлого.

Я наконец понял, почему Кёгокудо потратил так много времени на то, чтобы разрушить мою основанную на общепринятом «здравом смысле» картину мира, прежде чем продолжить эту беседу. Теперь, когда он мне все объяснил, я прекрасно понимал конкретные логические предпосылки истории «необыкновенного появления на свет». Однако, если б он просто ответил на мой вопрос напрямую, когда я к нему пришел, все было бы совсем иначе. Я не только ровным счетом ничего не понял бы – я наверняка ушел бы от Кёгокудо с убеждением из народного предания, что у женщины, которая была беременна в течение целых двадцати месяцев, обязательно родится демон или злодей. Затем, вернувшись домой, я, возможно, написал бы статью, полную «научных доводов» и безвкусных нелепых гипотез, – даже не понимая, как то, что я написал, могло исковеркать жизнь любого ребенка, рожденного при столь необыкновенных обстоятельствах.

– Ну что ж, *сэнсэй*, похоже, ты пришел к некоторому осознанию. Мы можем быть неспособны понять коллективные заблуждения прошлого, ставшие частью нашей культуры, но это не значит, что мы имеем право свободно интерпретировать то, чего не понимаем, и делать вид, будто прекрасно знаем, о чем говорим. Современное общество неспособно даже в общих чертах понять идею рождения ребенка-демона –

так, как ее воспринимали в прошлом. Конечно, в простом непонимании не было бы ничего дурного, однако выходит так, что ребенка-демона «понимают» таким превратным образом, что его история приобретает совершенно иное значение. Для меня непостижимо, как это можно допустить. Ты можешь писать свои статьи, как тебе заблагорассудится, но, как только ты отдаешь их в печать, статьи начинают жить своей жизнью. Я бы хотел, чтобы ты воздержался от того, чтобы написать нечто столь безответственное, что может обречь невинного ребенка на превращение в демона, змею или кого-нибудь похуже.

Кёгокудо как будто был способен читать мои мысли. Он сделал глоток ячменного чая.

– Не волнуйся, я уже давно потерял всякое желание писать об этом статью. Думаю, что, как ты и говоришь, это было бы еще большей безвкусицей, чем твоя баночка с печеньем.

Я говорил совершенно искренне.

Увидев мою неожиданную покорность, мой друг в некотором смущении потер пальцами подбородок, возможно, решив, что его лекарство подействовало чуть лучше, чем предполагалось.

– Кстати, кто рассказал тебе эту дикую историю? – спросил он неожиданно.

– Твоя сестра.

Услышав мои слова, произнесенные самым беззаботным тоном, на который я только был способен, Кёгокудо соорудил

кислую мину и проворчал:

– Ах вот как, эта негодная взбалмошная девица...

Я не мог удержаться от смеха, вспомнив, как совсем недавно его сестра точно так же говорила про старшего брата, что у него не все дома и что он совершенно безнадёжен.

– Здесь нет причин для смеха, – сообщил мне мой друг, который теперь выглядел явно удрученным. – Как старший брат, я очень за нее беспокоюсь, – продолжал он, и по мере того, как он говорил, выражение его лица действительно становилось все более встревоженным.

Едва речь заходила о его младшей сестренке, мой всегда уравновешенный, логически мыслящий друг тотчас терял все свое хладнокровие.

Младшую сестру Кёгокудо звали Ацуко. Она была живой, жизнерадостной и энергичной девушкой – в противоположность своему вечно нездоровому брату. В то время как тот больше походил наружностью на бога смерти *синигами*, Ацуко была поразительной красавицей: большинство людей, которые не знали истинного положения дел, были уверены, что она принадлежит к семье его жены. Ацуко была примерно на десять лет его моложе – ей было около двадцати – и обладала независимым характером. Едва окончив старшую школу, она заявила, что начинает самостоятельную жизнь, и покинула родной дом. После этого устроилась на работу, чтобы скопить денег на колледж, самостоятельно усердно занима-

лась и поступила, но вскоре бросила учебу, сославшись на невыносимую скуку, царившую в учебном заведении. Это, как ничто другое, было доказательством, что в ее жилах течет та же кровь, что и у Кёгокудо. В настоящее время она работала в издательстве в районе Канда, где одновременно занимала штатную должность редактора и корреспондента журнала. Поскольку мы были друзьями, я часто получал там работу благодаря ее содействию. Я всегда считал Ацуко удивительной девушкой и уважал ее за ту ответственность, которую она добровольно на себя взяла.

– Это никак не бросает тень на доброе имя твоей сестры. Ацуко даже не собирала материал про эту беременную женщину и вовсе не собиралась обнародовать эту историю, – пояснил я. – Твоей сестре никогда не пришло бы в голову написать нечто в столь абсурдно дурном вкусе. Она занималась историей о муже беременной женщины.

Мой чудаковатый и упрямый друг по-своему очень переживал и заботился о своей сестре, и у него всегда было собственное мнение насчет всего, что она делает. Я совсем не хотел, чтобы по моей вине они поссорились.

– А что случилось с ее мужем? – недоверчиво спросил Кёгокудо.

– Ну, судя по всему, он бесследно исчез примерно полтора года назад.

– В наши дни в подобном нет ничего особенно удивитель-

ного. Зачем она хочет написать об этом статью?..

– Дай мне закончить мой рассказ, – сказал я со значением. – Дело в том, что *ее муж бесследно исчез из запертой комнаты, как клуб дыма, рассеявшийся в воздухе*. Разве это не загадочно? Это определенно стоит того, чтобы собрать материал для статьи.

– Ха! – Кёгокудо издал короткий смешок, скептически приподнял бровь и смерил меня взглядом, который предназначался для самых безнадежных и неисправимых идиотов. – Просто нелепо! – язвительно заметил он. – Так я и знал, что все это в итоге превратится в одну из твоих дешевых детективных историй. В конце концов выяснится, что там была потайная дверь или что он нашел оригинальный способ выбраться с помощью припрятанной веревки...

– Ты прав, это очень похоже на все эти истории, которые можно прочесть в романах, но я впервые услышал о чем-то подобном в реальной жизни. Пойми, не так важно, какой банальный трюк он использовал, чтобы выбраться, но, как реальный случай, это все равно заслуживает статьи. Так или иначе, поскольку раньше я уже писал детективные истории, твоя сестра обратилась ко мне за советом. Однако по мере того, как я слушал предысторию всего этого, мне все больше становилось интересно затруднительное положение его жены. Так что я начал расспрашивать об этом и обнаружил, что слухи распространились гораздо дальше, чем можно было предположить.

– Что, по всей видимости, учитывая твой дурной вкус, лишь еще больше растревожило струны твоего сердца. Ацуко, должно быть, до крайности требовался материал и у нее совсем не было выбора, раз она пришла за советом к тебе. Уличный фокусник из Асакуса – намного более надежный источник информации. Но теперь я по большей части все понял: муж отсутствует в течение полутора лет – конечно же, это должно означать, что его жена беременна уже в течение двадцати месяцев, в противном случае цифры не сходятся. – Кёгокудо взял чашку с уже, по всей видимости, согревшимся в тепле комнаты ячменным чаем, поморщился и сделал глоток. – Но, Сэкигути-кун, что, если эта женщина после исчезновения ее мужа встречалась с мужчиной, забеременела от него, а затем наврала с три короба, чтобы избежать позора? Такое суждение весьма правдоподобно.

– Однако утверждают, что ее беременность была обнаружена сразу же после того, как ее муж – который, кстати, согласно довольно распространенной практике, взял фамилию жены и был принят в ее семью в качестве приемного сына, – исчез. И к тому моменту она была уже на третьем месяце.

– Ах, так вот откуда взялась двадцатимесячная беременность. И все же... – Кёгокудо умолк. Его взгляд вновь рассеянно скользнул на веранду.

Мгновение поколебавшись, я решил посвятить его во все подробности слухов и сплетен, которые мне удалось собрать.

– Как ты сам понимаешь, бо́льшая часть всего этого не

заслуживает доверия – и тем более невероятно, насколько широко разошлись слухи.

– Чем более невероятны слухи, тем больше они радуют толпу. Итак, *сэнсэй*, позволите ли вы мне узнать для моих дальнейших рассуждений, на что оказалась способна сила народного воображения?

В конце концов, Кёгокудо выказал интерес к этому делу. Очевидно, главной причиной этого было участие в нем его младшей сестры.

– Ну, значительная часть всего этого представляет собой банальные рассуждения о карме, о которых ты говорил раньше. Одна из идей заключается в том, что предок матери, живший много поколений назад, совершил детоубийство, и теперь призрак ребенка проклял женщину; или же что многие поколения назад бесплодная невеста одного из предков мужа подвергалась жестоким издевательствам и в конце концов была убита, и теперь ее призрак мстит потомку ее мужа. Разумеется, история, которая сразу пришла тебе в голову – о том, что женщина завела любовника, – тоже имеет место. Ею объясняют истинную причину исчезновения мужа женщины. Согласно этой версии, он не просто исчез, но был убит любовником и теперь его призрак мстит жене, наказывая ее столь долгой мучительной беременностью. По этой версии, отец ее ребенка – не пропавший муж, а любовник. Еще одна догадка предполагает, что ее муж все еще жив, но у него есть какая-то особенная причина, чтобы прятаться. В этом сце-

нарии его жена была изнасилована вскоре после того, как он исчез, и в результате забеременела. Она хочет, чтобы ее муж, который ничего не знает о том, что произошло, вернулся домой, но, если она родит этого ребенка, то станет очевидным, что он не является отцом, так что...

– Так что она просто «сдерживается»? Хотел бы я посмотреть на того, кто смог бы так долго сдерживать хотя бы кишечные газы – не говоря уже о родах!

– Но это же просто сплетни, досужая болтовня. Ей не требуется логическая аргументация. Есть, однако, и еще более занятные. Например, что отец ребенка – обезьяна и женщина не хочет рожать покрытого мехом младенца...

– И поэтому она просто тянет время? Это уже полностью выходящая за границы здравого смысла демагогия. Я надеялся хотя бы на что-нибудь, имеющее в своей основе *крупную* смысла, но все это просто безобразно. Из этой истории не сделать даже сценарий для комедийного фильма. Ей недостает как стиля, так и содержания.

– Пожалуй, это действительно так. Однако одна из сплетен показалась мне немного более интересной. В ней говорится, что исчезнувший муж во время войны отправился в Германию, где работал в нацистской лаборатории, разрабатывая секретное лекарство. Когда война закончилась, он привез это лекарство в Японию и использовал свою жену в качестве подопытной в своих экспериментах.

– Какого рода экспериментах? Что можно получить, за-

держивая роды? Тебе следовало бы найти что-нибудь получше, чтобы назвать это «интересным».

– Нет никакого смысла в том, чтобы сердиться на *меня*, ведь не я же распространяю эти слухи. В любом случае, согласно этой истории, эксперимент состоит вовсе не в том, чтобы задержать день естественных родов. Ее муж якобы пытался культивировать человеческие клетки, чтобы создать дубликат другого человека. Если так, то это звучит правдоподобно, как ты думаешь?

– Клонирование?.. Ну, теоретически, пожалуй, что да. Но точно не с сегодняшними технологиями. Для подобного потребуется еще сотня лет.

– Но мы ведь не обсуждаем сейчас реальную историю. Мы говорим о зародившейся в невежественной толпе дурацкой и безумной сплетне – сплетне, которая утверждает, что жизнь, растущая в утробе этой женщины, – это не кто иной, как сам *фюрер*, Адольф Гитлер.

Кёгокудо закатил глаза к потолку и глубоко вздохнул. Затем он тихо рассмеялся, словно был поражен тем, насколько безнадежно жалкой оказалась моя история.

– Если б я знал заранее, что ты заставишь меня выслушать все это, я в ту же минуту закрыл бы магазин и лег спать. Когда я представляю себе людей, которые ходят по улицам, размышляя о подобных вещах, мне хочется умереть.

Действительно, пока я слушал сам себя, рассказывая все это, история становилась все больше похожей на самый низ-

копробный тип сплетен, безосновательных и бессодержательных. К тому же все это были клевета и злословие. Мне стало немного стыдно за то, что я счел все это интересным, когда впервые услышал.

– И кто же эта несчастная женщина, о которой люди говорят столь ужасные и жестокие вещи? – поинтересовался мой друг таким страдальческим тоном, словно ему была невыносима сама мысль об испытаниях, с которыми ей пришлось столкнуться.

– Как ты и предположил, это женщина, находящаяся в крайне затруднительном положении, поскольку ей необходимо проконсультроваться у хорошего врача, однако она не может этого сделать. Причина в том, что ее семья владеет собственной клиникой акушерства и гинекологии. Больше того, это их старинное семейное дело, которое они ведут со времен эпохи Эдо.

– О, я практически уверен, что в Эдо не было акушерства и гинекологии – трудно представить, чтобы они занимались этим так долго.

– Нет, все именно так. Согласно их родословной, глава семьи в те времена служил врачом у одного *даймё*⁴³ на Сикоку. Иными словами, он был придворным лекарем. Когда произошла Реставрация Мэйдзи⁴⁴, преданный доктор после-

---

⁴³ Даймё – крупнейшие военные феодалы в средневековой Японии.

⁴⁴ Реставрация Мэйдзи, известная также как Обновление Мэйдзи и Революция Мэйдзи, – комплекс политических, военных и социально-экономических ре-

довал за даймё в Токио и в те смутные времена основал там большую клинику. Поэтому это их семейное дело. В ранние годы эпохи Сёва⁴⁵ клиника процветала, и они занимались разными направлениями, терапией и хирургией. Однако по какой-то причине, с началом Японо-китайской войны⁴⁶, их дела начали идти все хуже и хуже, и сейчас они занимаются исключительно акушерством и гинекологией. Судя по всему, в течение ряда лет во главе клиники не было ни одного выдающегося врача, и они не слишком далеко ушли от тех дней, когда доктор смотрел на твои вены и, подобно хироманту, читающему линии на ладони, угадывал, что с тобой не так. Не совсем тот подход, который может быть востребован в наше время. Как ты и говорил, сегодня медицина каждый день продвигается вперед.

Ты можешь подумать, что они могли бы нанять действительно способного и образованного доктора, но все не так просто. Они не могли позволить себе прервать фамильную линию, берущую начало от прославленного придворного врача. Так что в конечном итоге решили принять в свою

форм в Японии 1868–1889 гг., превративший отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира. Являлась переходом от самурайской системы управления сёгуната Токугава к прямому императорскому правлению императора Муцухито и его правительства.

⁴⁵ Эпоха Сёва («Просвещенный мир», девиз правления императора Хирохито) – период в истории Японии с 25 декабря 1926 г. по 7 января 1989 г.

⁴⁶ Японо-китайская война (7 июля 1937 – 9 сентября 1945) – война между Китайской Республикой и Японской империей, начавшаяся до Второй мировой войны, продолжавшаяся до ее окончания и завершившаяся капитуляцией Японии.

семью сына – молодого блестящего специалиста, – выдав за него свою дочь, едва он окончил университет.

– Так он и есть тот самый пропавший муж?

– Да, именно. И теперь их дочь стала жертвой некоей необъяснимой мучительной болезни и никак не может разрешиться от бремени. Начинают ползти странные слухи. Но, будучи авторитетной клиникой, которая гордится своей историей, они не могут просто отправить свою дочь в какую-нибудь другую клинику, верно? Потому что это вопрос репутации. Если все выплывет наружу, они потеряют даже тех немногих пациентов, которые у них все еще есть. Их преследовало одно несчастье за другим, за каждым ударом судьбы следовало новое потрясение, так что они отступали все дальше и дальше, пока не оказались загнаны в угол...

Ответа не последовало. Кёгокудо молчал.

«Что ж, похоже, я наговорил слишком много».

В горле у меня пересохло. Однако ранее я выпил мой ячменный чай залпом, и чашка, стоявшая передо мной, была пуста. Я уже решил, немного поколебавшись, что попрошу у Кёгокудо еще одну, когда он наконец заговорил:

– Сэкигути-кун... Эта клиника, случайно, не клиника Куондзи на станции «Дзосигая»? А принятый в семью сын, который исчез, – его имя не Макио?..

Да, именно так оно и было.

– Так ты что, все это знал заранее? До чего же ты дурной человек... А я тут стараюсь изо всех сил и рассказываю тебе

эту историю, проявляя чудеса красноречия, как последний дурак!..

Я почувствовал на себе его взгляд. Это был один из его испепеляющих взглядов.

– Ты!.. Так ты хочешь сказать, что действительно так и не понял – ни когда слушал эту историю, ни когда рассказывал ее, – о ком на самом деле шла речь? – требовательно спросил мой друг. Выражение его лица становилось все более суровым. – Если б я был на твоём месте, то полностью перестал бы доверять своему мозгу. Он, очевидно, совершенно не считает нужным вносить вещи и обстоятельства в хранилище памяти.

Я не представлял, о чем он говорит.

– Что... что ты имеешь в виду? Почему ты так сердишься?

– Так ты совсем не помнишь Макио Куондзи, до женитьбы – Макио Фудзино по прозвищу Фудзимаки? У тебя не сохранилось о нем ни единого воспоминания?

– А?..

Где-то на границе моей памяти возник смутный расплывчатый образ, и в то же мгновение он обрел форму: очки в толстой оправе, добродушное лицо, раздражающе замкнутый... Это было лицо нашего *сэмпая*⁴⁷, мечтавшего поступить на медицинский факультет.

– *Тот самый* Фудзимаки-сан? Нет... Но я думал, что он уехал в Германию. Разве он не...

---

⁴⁷ Сэмпай – старший товарищ; старший по курсу.

– Так ты думаешь, что он поехал в Германию и просто оставался там в течение всей войны и после войны, живя в мире и спокойствии? Были ли вообще люди нашего поколения, которых бы *не* призвали? Даже ты, которому полагалась отсрочка как студенту естественнонаучного факультета и будущему ученому, был послан в учебный лагерь из-за бюрократической ошибки.

– Это правда... Но ведь *ты* не был призван, Кёгокудо, разве нет?

– Мы говорим не обо мне.

Кёгокудо pokrивил рот и наклонил свою чашку, чтобы допить последние остававшиеся там капли ячменного чая.

– Это правда, что Фудзимаки-си⁴⁸ отправился в Германию. Хотя неясно, какие у него там были связи и, если уж на то пошло, почему он *хотел* поехать именно в Германию. Но если я правильно помню, он вернулся год спустя после начала войны. То есть, можно сказать, тотчас после начала войны, поскольку события в любом случае начали разворачиваться лишь ближе к концу предыдущего года. После этого он поступил на медицинский факультет Императорского университета⁴⁹, где собирался окончить курс. Но когда спустя три года положение на фронтах ухудшилось, его призва-

---

⁴⁸ «— си» — один из наиболее уважительных и официальных суффиксов в японском языке, буквально «господин».

⁴⁹ Имеется в виду основанный в Токио в 1886 г. один из девяти императорских университетов Японской империи. После Второй мировой войны — Токийский университет.

ли и отправили воевать в качестве рядового солдата. К счастью для него, война закончилась прямо перед тем, как его послали на передовую в Сибирь; он чудом был демобилизован, восстановился в университете, получил наконец ученую степень, о которой всегда мечтал, и врачебную лицензию...

– И был принят в семью Куондзи. Вот, значит, как все было...

– Слухи о связях с нацистами и прочем в этом роде, возможно, проистекают из его биографии. Я уже довольно долго ничего о нем не слышал, но *исчезновение*... – Кёгокудо умолк, и слово «исчезновение» повисло в тишине.

Макио Фудзино учился на класс старше нас в нашей старшей школе старого образца⁵⁰. Он был тихим мальчиком, застенчивым настолько, что это почти граничило с трусостью или малодушием, и всегда стремился стать врачом. Я не мог даже предположить, чтобы мой друг оказался в центре всего водоворота событий, о которых я собирал сведения, – какая слепота с моей стороны! Начать с того, что я совершенно не представлял, что происходило с ним после войны, а также не подумал о том, чтобы связать прозвище Фудзимаки с именем

---

⁵⁰ С эпохи Мэйдзи до первых годов эпохи Сёва, с 1868 г. по 1950 г., в Японии была принята так называемая «старая система», главной отличительной особенностью которой было раздельное обучение мальчиков и девочек. Мальчики, обучавшиеся в старшей школе старого образца, в основном готовились к поступлению в Императорский (ныне – Токийский) университет. Таким образом, старшая школа старого образца, в сущности, являлась переходной ступенью между школой и университетом.

Макио Куондзи. Теперь же воспоминания о моем школьном товарище оживали одно за другим.

– Когда мы учились в школе, он, кажется, был влюблен в одну девочку, верно? Она была из такой семьи... я точно не помню... но они ведь тоже были врачами?

– Да, правильно. Летом тридцать девятого года мы все вместе отправились в храм Кисимодзин⁵¹ на праздник. Там он встретил девочку из семьи Куондзи и простодушно влюбился в нее с первого взгляда. Вспомни, как мы подшучивали над ним из-за того, что он витал в облаках... Что ж, полагаю, он вернулся после войны и воплотил свои мечты в жизнь: получил диплом врача и любимую девушку.

Как можно было догадаться по тому, как Кёгокудо наизусть зачитывал отрывки из старинных книг, его память была поистине необыкновенной.

Что же до меня, то этот неожиданный поворот событий буквально лишил меня дара речи.

Кёгокудо сначала по привычке тер пальцами подбородок, но затем его рука постепенно поднялась вверх, и теперь он усердно чесал голову, запустив пальцы в длинные растрепанные волосы.

– Почему ты пришел ко мне с этим разговором? Разве я не живу здесь в уединении именно потому, что подобные вещи мне отвратительны?

---

⁵¹ Кисимодзин – крупный синтоистский храм в квартале Дзосига в Токио. Посвящен богине Харити (*санскр.*), покровительнице детей и деторождения.

Его рука снова вернулась к подбородку, и мой друг опустил глаза. Он выглядел точь-в-точь как писатель Акутагава Рюноске на виденных мною фотографиях: задумчиво нахмуренные брови и взлохмаченная копна волос. Некоторое время Кёгокудо сидел так, не двигаясь.

Неожиданно он взглянул на меня и тихо произнес:

– Знаешь, что... – Сейчас мой друг был еще больше похож на Акутагаву. – Теперь, когда стало известно, что в центре всего этого происшествия – наш знакомый, мы больше не можем оставаться безучастными наблюдателями, верно? – Кёгокудо снова опустил глаза. – Но это... это не по моей части.

Он еще некоторое время размышлял с выражением Акутагавы на лице, прежде чем продолжить:

– Сэкигути-кун, ты ведь завтра свободен, верно?.. Ты мог бы съездить в частное детективное агентство в Дзимботё⁵² за советом? Наш старый друг Энокидзу, который там работает, учился на один класс старше нас, в одном классе с Фудзимаки-си. Он наверняка знает больше нашего о его окружении и может располагать какой-нибудь важной информацией. Едва он услышит о произошедшем, то, я уверен, не останется в стороне. – Затем, с непроницаемым выражением лица, мой друг добавил: – Ты должен взять на себя эту ответственность.

---

⁵² Дзимботё – квартал Токио в специальном районе Тиёда, известный многочисленными издательствами и книжными магазинами, а также сувенирными лавками и магазинами антиквариата.

На этом он закончил.

Было уже позже десяти вечера, когда я наконец попрощался с Кёгокудо. Снаружи уже совершенно стемнело, но почти не стало прохладнее.

Продавец книг предупредил меня, что в такой час я обязательно споткнусь и кубарем полечу с холма, и настаивал на том, чтобы я взял переносной бумажный фонарь *тётин*⁵³. Я сказал ему, что взял бы карманный электрический фонарик, если б у него такой нашелся, но я буду чувствовать себя ходячим анахронизмом, спускаясь по дороге со старинным бумажным фонарем в руке.

– К тому же, – добавил я, – луна сейчас достаточно яркая, так что все будет в порядке.

– Просто смотри внимательно себе под ноги.

В ту ночь пологий склон, ведущий от книжного магазина, был, как всегда, совершенно пустынным. Вдоль дороги не было ни единого фонаря, чтобы осветить путь, – только глинобитные стены тускло отсвечивали в лунном свете, простираясь вниз как будто до бесконечности. Вдали, куда они уходили, я ничего не мог разглядеть.

Я чувствовал себя странно.

Попытался вспомнить содержание нашей дневной беседы,

---

⁵³ Тётин («свет, который несут в руке») – традиционный фонарь с бумажным цилиндрическим абажуром, который удерживает бамбуковая спираль. Наверху у тётина ручка.

но, сколько ни складывал вместе отдельные ее фрагменты, которые я помнил, сколько ни выстраивал их по порядку, смысл целого ускользал от меня. Я думал, что та часть, в которой было доказано, что я не могу различить реальное и воображаемое, была сначала. Или, может быть, это была та часть, в которой говорилось об относительной природе прошлого, увиденного через записи в памяти?

Но действительно ли там был такой вывод?..

Есть область физики, называемая квантовой механикой.

Мы не можем сказать, что происходит в мире, когда мы не смотрим. Например, что по ту сторону глиняной стены... Там может абсолютно ничего не быть. А эта дорога – куда она ведет? У меня возникло обманчивое ощущение, что земля под моими ногами становится мягкой.

Я споткнулся и едва не упал. На мгновение мне показалось, что воздух вокруг моих ног стал густым и вязким, – настолько, что я не мог с уверенностью сказать, где заканчивается поверхность дороги и где начинается воздух над ней.

Как темно... Я не вижу собственных ног.

Если я их не вижу, я не могу знать, что происходит там, внизу.

Что бы там ни было – все возможно.

Убумэ – нижняя часть ее тела поблескивает от крови, – она может стоять в темноте прямо за моей спиной.

И в этом бы не было ничего странного.

Она действительно там?

В то мгновение я почувствовал, что весь покрылся гусиной кожей, и задрожал от внезапно нахлынувшего ужаса. Я ведь мог просто обернуться и посмотреть, чтобы убедиться, что там ничего нет, что никто не стоит позади меня. Однако...

— Лишь когда мы наблюдаем, нечто обретает форму и свойства.

Мне вспоминались фрагменты рассуждений Кёгокудо.

Если так, то получается, что прямо сейчас... Она может стоять именно там, куда я не смотрю.

— Пока ты не смотришь, мир может быть понят лишь с точки зрения вероятностей.

Это означало, что была *вероятность* того, что убумэ там стояла.

Я зашагал быстрее.

Но чем больше я спешил, тем сильнее заплетались мои ноги.

– Вероятность того, что ты и весь мир вокруг тебя – лишь призрачная иллюзия, и вероятность того, что все настоящее, – совершенно равны.

Сколько же времени я уже спускаюсь по дороге с холма? Окружающий пейзаж нисколько не поменялся. Эта стена когда-нибудь закончится? И что *находится* за ней?

Мир, который я вижу сейчас, – реален? Или это просто подделка?

Я весь покрылся потом. В горле пересохло.

Если мир действительно устроен именно так, произойти может что угодно.

– В этом мире нет ничего странного, Сэкигути-кун.

Так вот что он имел в виду.

Она стоит за моей спиной – убумэ. Она растеряна.

И лицо ребенка, которого она держит на руках...

Фудзимаки-сан...

Я уже прошел примерно две трети спуска с холма, когда ощутил внезапный приступ головокружения.

2

Когда утреннее солнце разбудило меня, часовая стрелка на циферблате только что прошла отметку одиннадцати часов. Все мои ощущения были притуплены, словно голова моя была заполнена свинцом.

Впрочем, они не притупились настолько, чтобы сделать меня нечувствительным к невыносимым жаре и влажности, царившим в спальне. Казалось, я находился в бане. Свет, лившийся в окна, был таким ярким, что слепил глаза.

Теперь, спустя ночь, все произошедшее вчера в книжном магазине «Кёгокудо», казалось далеким и нереальным, как сон.

Я медленно оделся и вышел из комнаты. Моя жена Юкиэ была на кухне: подвязав рукава кимоно, она делала рисовые клецки *сиратама*.

Когда я вошел, Юкиэ пожаловалась, что прошедшая ночь была по-настоящему тропической и я так стонал и ворочался во сне, что она совсем не выспалась. Жена действительно выглядела очень усталой и осунувшейся.

– Как там Тидзуко-сан? – поинтересовалась она, не поворачиваясь ко мне.

Тидзуко – это имя жены Кёгокудо. Наши жены удивительно хорошо ладили и, возможно, стали бы близкими друзьями, даже если б им не пришлось общаться из-за мужей.

Я сказал ей, что его жены не было дома, и она, кивнув, предположила, что Тидзуко, по всей видимости, отправилась на фестиваль. Я не понял, что она имела в виду.

Я съел свой завтрак и подождал, когда полуденное солнце начнет свой путь к закату, прежде чем выйти из дома.

До ближайшей станции – Накано железнодорожной линии Кобу, которая теперь называется линией Тюо Национальной железной дороги, – идти было двадцать минут. С прошлого года вокруг станции развернулось бурное строительство, по большей части из-за близости к крупной узловой станции Синдзюку. Разведывательное управление при военной школе Императорской японской армии и многочисленные принадлежащие к нему строения, находившиеся здесь до войны, выглядели скромными и неброскими, но теперь здесь одна за другой появлялись торговые улочки, создавая ощущение, что квартал переживает настоящее возрождение.

К тому моменту, как пришел на станцию, я был уже весь в поту. Я обычно много потею, и в тот день поездка на поезде не принесла мне ничего, кроме страданий.

Я вышел в Канда и сначала отправился в издательство «Китанся», чтобы зайти к сестре Кёгокудо. Уцелевший после пожара реконструированный деловой центр, в котором располагался офис издательства, едва ли можно было похвалить за привлекательный внешний вид, но поскольку он целиком принадлежал издательской компании, то мог считаться роскошным.

Спустя семь лет после окончания войны издательская индустрия переживала бурное развитие. Экономия бумаги и цензура в период оккупации на некоторое время поставили бизнес в затруднительное положение, однако с завершением оккупации высоких продаж книг и журналов с лихвой хватило для компенсации потерь. Восстановление началось с репринтов книг, опубликованных до войны, и вскоре из типографий начали выходить одно за другим собрания сочинений и разнообразные словари, а в последние годы к ним добавились переводы зарубежных романов. Теперь в витринах магазинов гордо красовались даже произведения, описывающие разрушительные последствия войн, — до войны о подобном было невозможно даже помыслить.

Низкопробные развлекательные журналы *касатори*, названные так в честь низкокачественного спиртного напитка, популярного среди маргиналов того времени, начали появляться один за другим тотчас после того, как перестали рваться бомбы. После какого-нибудь очередного выпуска следовал неизбежный запрет на публикацию того или иного издания, после чего наступал недолгий период затишья, и журнал вновь начинал выходить — так они и выживали, раз за разом проходя один и тот же повторяющийся цикл. Многие из них сохранились до сегодняшнего времени, хотя их названия и дизайн разительно поменялись.

Издательство «Китанся», однако, работало еще задолго до войны, благодаря чему стояло особняком среди множества

появившихся в послевоенное время компаний, оседлавших новую волну свободы, подарившую журналам касутори их звездный час. Хотя «Китанся» и не было издательством первого ряда, это была стабильная средних размеров компания, и тогда выпускавшая три ежемесячных журнала.

Сестра Кёгокудо работала в редакции «Ежемесячника Китан» на третьем этаже. Как и следовало из его названия, это был журнал, с которого началась история издательства «Китанся», и он по сию пору оставался их главным изданием. Хотя продажи были довольно умеренными, тираж журнала в последние годы стабильно рос.

Основной миссией «Ежемесячника Китан» было освещение лучами разума и здравого смысла всех необыкновенных историй, удивительных рассказов и загадочных случаев, когда-либо происходивших в прошлом или имевших место в настоящем. И хотя название журнала⁵⁴ едва ли выделяло его среди множества наводнивших рынок изданий, гнавшихся за всем необычным и полных самых причудливых и странных сплетен, эротики и вульгарного гротеска, содержание его было весьма сдержанным. Редакторы тщательно избегали публикации дешевых сенсаций, которыми пестрили страницы журналов касутори. Главным образом «Ежемесячник Китан» содержал материалы на такие надежные и здравые темы, как история, общество и наука. Изредка в нем можно

---

⁵⁴ Название журнала – «Китан» – буквально переводится как «Таинственные/причудливые истории» или «Рассказы о чудесах».

было прочитать статью о столь глубоко ненавидимой Кёго-кудо парапсихологии, и время от времени редакторы могли рискнуть упомянуть об одном-двух случаях одержимости, но они были достаточно благоразумны, чтобы публиковать подобные материалы крайне осмотрительно и с большими перерывами. Это означало, что, хотя редкие статьи на эти темы и мало чем отличались от тех, что регулярно публиковались в касутори, основная редакционная линия журнала, сохранившаяся по сей день, четко отделяла «Ежемесячник» от подобных журналов, защищая его от цензуры и проблем с законом, от которых постоянно страдали его низкопробные собратья.

Двумя годами ранее, воспользовавшись весьма сомнительным предлогом дружбы с братом редактора «Ежемесячника», я добился того, чтобы быть представленным редакторам литературного журнала «Современная художественная литература», чья редакция находилась на втором этаже «Китанси», и с тех пор часто писал для него на заказ.

Посещение этой редакции, однако, было не единственной причиной, по которой я приходил в издательство. Несмотря на то что я предпочел бы не делать ничего другого, кроме как читать и писать про литературу, когда с деньгами бывало туго, мне приходилось выполнять совсем другую работу, которой я занимался с большой неохотой. Иными словами, я под разными псевдонимами писал крайне сомнительные статьи для журналов касутори. Поскольку количество этих

третьесортных изданий было сравнимо с количеством молодых побегов бамбука после проливного дождя, они страдали от хронической нехватки писателей, так что, не проявляя особой разборчивости, всегда можно было найти себе массу работы.

Впрочем, хоть для меня и не составляло особенного труда так сильно смирять свою гордость, статьи на популярные в те времена темы – «разоблачение тайн» и «непристойные признания» – давались мне с большим трудом. Из-за этого мне в основном приходилось довольствоваться написанием статей о загадочных и необыкновенных происшествиях – той разновидностью историй, которая еще совсем недавно была популярна, но теперь находилась на грани выхода из моды. Самым сложным было то, что большая часть хороших историй в этом жанре была уже донельзя затаскана, и становилось настоящей проблемой найти свежий материал, достойный того, чтобы о нем написать. По этой причине я часто поднимался в редакцию на третьем этаже, чтобы с благодарностью принять ненужные им материалы. Когда мне везло и у меня получалось отыскать таким путем зерна истории, то, добавив в нее умеренную порцию драматизма, я мог сочинить достаточно зловещую статью. Поскольку мне все время приходилось преодолевать нехватку средств к существованию, я брал буквально все, что не хотел брать «Ежемесячник Китан», – это означало, что мне *действительно* было нечего сказать в свою защиту, когда Кёгокудо ставил под сомнение

мою работу и называл меня литературным поденщиком.

Когда я в тот день зашел в редакцию, главный редактор и основной автор журнала, мужчина по имени Макото Накамура, как раз был там и работал над рукописью.

– Тюдзэндзи-кун на месте? – спросил я после обычного вежливого приветствия.

Тюдзэндзи – это фамилия сестры Кёгокудо.

Настоящее имя Кёгокудо – оно у него, конечно же, имелось – было Акихико Тюдзэндзи, хотя мало кто называл его так, предпочитая, как я, использовать название его магазина. Не то чтобы это имело какой-нибудь особенный смысл. Изначально «Кёгокудо» назывался магазин сладостей в Киото, которым владела семья жены моего друга. Когда он открыл свой букинистический магазин, то просто взял это же название, и, если так посмотреть, оно и вправду идеально подошло.

– О, неужели это Сэкигути-сэнсэй? – главный редактор Накамура с улыбкой поднял на меня глаза. Он всегда был невероятно приветлив. – У вас к ней какое-то дело? Пожалуйста, скорее заходите. Там снаружи чересчур жарко. – Его глубокий низкий голос эхом разносился по коридору, приглашая меня зайти.

Я шагнул внутрь и сел в кресло для посетителей. Подошел Накамура, обмахиваясь свернутой в рулон рукописью, и сел в кресло напротив меня.

– Вы сейчас не очень заняты, редактор Накамура? Если

я мешаю вашей работе, мне будет не трудно зайти в любое другое время.

– Нет, по правде, я сейчас не особенно занят. Я составляю план следующего номера, но он не слишком хорошо продвигается, так что я как раз думал для разнообразия пройтись по букинистическим магазинам. – Судя по всему, он происходил из региона Кансай⁵⁵, поскольку в его речи слышался легкий кансайский акцент. – Сэнсэй, насколько я помню, вы занимались исследованиями слизевиков. В таком случае вы должны быть знакомы с работами профессора Кумагусу Минакаты⁵⁶. На самом деле я как раз планировал сделать специальный выпуск к тринадцатой годовщине его смерти⁵⁷ – возможно, вы бы хотели по такому случаю написать для журнала что-нибудь о слизевиках? Это ведь те самые занятные существа – наполовину животные, наполовину растения? Может быть, вам захочется рассказать об их уникальном положении в природе: «Таинственная связь между царством жи-

---

⁵⁵ Кансай – историческая область западной Японии на острове Хонсю, включающая Киото, Осаку и Кобэ. Для региона Кансай характерна группа так называемых кансайских диалектов, объединенных общим названием «Кансай бэн». Носители литературного японского считают Кансай бэн более мелодичным, но в то же время – грубоватым и жестким.

⁵⁶ Кумагусу Минаката (1867–1941) – японский писатель, биолог и этнолог.

⁵⁷ Согласно буддийской традиции, значимыми считаются 1, 2, 6, 12, 16, 22, 26, 32 и 49-я годовщины смерти человека. Однако, поскольку годовщины считаются согласно японскому способу исчисления возраста – кадзоэдоси, – в котором год рождения считается за полный год, то годовщина, отмечаемая на двенадцатый год, называется тринадцатой.

вотных и царством растений», а?

– Ну конечно, – сказал я, застигнутый врасплох неожиданным предложением, – я буду рад написать что-нибудь... Но разве доктор Кумагусу умер не в сорок первом году? Кажется, сейчас еще немного рановато для тринадцатой годовщины.

Честно говоря, в те дни я уже не особенно интересовался слизевиками. На самом деле я и занялся-то этой темой в свое время лишь по просьбе своего научного руководителя, а не из большой любви к этим созданиям.

Главный редактор кивнул и тихо пробормотал, что он ошибся с подсчетами и это, должно быть, будет через год.

– Кстати, – спросил я, в свою очередь, – что-нибудь вышло из этого случая об исчезнувшем человеке, которым занималась Тюдзэндзи-кун?

– Ах, вот как... – Накамура приподнял бровь. – Сэнсэй, вы тоже этим заинтересовались? Я сам возлагал надежды на эту историю, но в итоге они не оправдались.

Я постарался спросить его как можно более небрежно, но, кажется, Накамура что-то заподозрил, потому что мгновение назад он казался удрученным и говорил вяло и нехотя, а теперь внезапно оживился, и его голос зазвучал бодро. Из-за этого я немного смутился.

– Не оправдались? Так это была просто сплетня?

– Нет, это было правдой. Судя по всему, молодой врач действительно бесследно исчез из запертой комнаты. Про-

блема в другом: Тюдзэндзи-кун сказала мне, что вокруг этой истории возникло множество отвратительных и зловещих слухов, и если мы напечатаем ее в нашем журнале, то, что бы мы ни написали, получится клевета. Уверен, что вы поймете нашу позицию.

– Так Тюдзэндзи-кун перестала собирать об этом материал?

Это было довольно неожиданно.

Накамура со смущенным видом почесал голову.

– Да. Должен сказать, что эта девочка обладает весьма упрямым характером. Действительно, жена этого человека, которую он оставил, остается беременной уже целых полтора года. Именно об этом распространяются слухи, и притом весьма скверные. Как бы ни пыталась Тюдзэндзи-кун разобраться с историей мужа, все так или иначе возвращается к жене, делая ее объектом нападок. Так что Тюдзэндзи-кун может написать настолько объективную статью, насколько это возможно, но это все равно закончится раздуванием пламени сомнительных сплетен. Мы ведь не какой-нибудь касутори-журнал, который живет по принципу «продай и беги», – добавил он с немного испуганной гримасой. – Мы не можем позволить себе поступать столь безответственно.

– Так получается, что история об исчезнувшем мужчине имела довольно неблагоприятное дополнение, – ответил я, делая вид, что совершенно не в курсе ситуации. Неужели девушка двадцати лет могла обладать подобным благоразу-

мием, в то время как я, не будь увещеваний Кёгокудо, вне всяких сомнений, принялся бы сочинять историю, пребывая в блаженном неведении относительно возможных последствий.

– Ох, я тоже сначала пытался с ней поспорить, – добавил Накамура со вздохом. – Я сказал ей, что этот неожиданный поворот делает все только интереснее. Я никогда в жизни не слышал о беременной женщине в подобном состоянии. Так почему бы не провести научное освидетельствование, а затем не увязать оба случая в единую историю? Бедная женщина, по всей видимости, пострадала от некоей психической травмы, когда ее муж исчез, и это привело к задержке беременности. Почему бы не написать об этом с правильной точки зрения? Если б она так поступила, это положило бы конец странным слухам... Ну, по крайней мере, я так думал.

– На мой взгляд, в этом есть некоторая доля истины. И что она на это сказала?

– Она сказала, что мы должны подумать о еще не рожденном ребенке.

«Каков брат, такова и сестра. Даже говорят одинаковыми фразами».

– Полагаю, она подумала, что, если отец ребенка действительно исчез, тому есть некая причина – точно так же, как есть некая причина появления этих слухов. Пусть даже ее история будет сфокусирована на исчезновении мужчины из запертой комнаты и в качестве дополнительного примечания в

ней будут упомянуты «психологические эффекты подобного исчезновения на его жену», она не сможет написать всего этого, не касаясь скрытых глубинных причин, и вся эта история про необычную беременность неизбежно окажется в центре внимания. А как только статья написана, это уже навсегда, и невинному ребенку придется жить с этим всю оставшуюся его или ее жизнь... – Накамура покачал головой. – Я уже очень долго в этом бизнесе, и мой образ мыслей, возможно, стал немного меркантильным. Но я понял, что она права. Недостаточно того, чтобы журналы просто хорошо продавались. И лишь то, что ты собираешься подойти к этому серьезно, не означает, что ты можешь писать обо всем, о чем тебе заблагорассудится. Самая пустячная и незначительная статья может повлиять на жизнь человека – и даже всего общества. У меня такое ощущение, будто она соскоблела чешую, которой заросли мои глаза. Я должен признать, что получил урок от ребенка.

Главный редактор Накамура, очевидно, чувствовал сильную потребность в том, чтобы кому-нибудь выговориться, потому что я никогда не слышал от него столь жаркого красноречия. Поскольку я совсем недавно пережил похожее душевное состояние, у меня было ощущение, что меня вновь отчитывают – опосредованно, но несколько не мягче, – и на этот раз это делает младшая сестра Кёгокудо. Тем не менее я не мог не быть благодарным ей за то, что она решила откататься от этой истории про исчезнувшего мужа, бросив свое

расследование на середине, – в конце концов, под угрозой было будущее ребенка моего старого друга.

«Никогда бы не подумал, что в ней это есть: настолько упорно противостоять другому редактору – и своему прямо-му начальнику... Интересно, что подумал бы об этом ее дорогой братец?»

Мне действительно очень хотелось услышать, как бы он это прокомментировал.

– Одно я могу сказать с уверенностью, – продолжал главный редактор. – У Тюдзэндзи-кун есть целеустремленность, которую редко встретишь в девушке. В сравнении с ней сегодняшние молодые мужчины недопустимо слабы. Если честно, то, когда я впервые увидел ее милое лицо девочки, только что окончившей школу, я подумал: «Да справится ли она вообще с этой работой?» Но как же я ошибался! Она *может* работать, и притом отлично. наших молодых сотрудников приходится всему учить, но многие из них ни на что не способны, даже когда им все подробно объяснили. Однако ей достаточно сказать одно слово – остальные десять, которые вы еще даже не собрались произнести, она поймет сама. Она совершенно самостоятельна. Да, невероятно талантливая девушка. Если вам не трудно, передайте это, пожалуйста, ее старшему брату от моего имени.

– Вы ее очень цените, – заметил я. – Но, как я понимаю, от нее самой вы это скрываете?

– Да, естественно. Я ведь должен сохранять достоинство,

как главный редактор и ее начальник! – ответил он с добродушным смехом.

Рассудив про себя, что здесь я не узнаю больше ничего нового о клинике Куондзи, я решил уходить. Однако, едва начал подниматься со своего кресла с намерением попрощаться, главный редактор вдруг заговорил приглушенным шепотом:

– Понимаете ли, Сэкигути-сэнсэй, – он поманил меня рукой, – обстоятельства таковы, что нам пришлось отказаться от этой истории, однако из другого источника я слышал еще одну очень странную вещь...

Это была его обычная манера рассказывать мне об удивительных и таинственных случаях, которые не подходили его собственному журналу. Официально Накамура делал вид, будто ничего не знает о моей сторонней работе, но, конечно же, он был о ней прекрасно осведомлен.

– О той клинике, где произошло исчезновение, была еще другая сплетня. Дело в том, что незадолго до происшествия с исчезновением доктора там, судя по всему, один за другим исчезли несколько новорожденных младенцев. Разумеется, в клинике всё отрицают. Они заявляют, что дети родились мертвыми или что это были выкидыши... Но ужасные слухи о том, что есть свидетели, которые будто бы слышали плач новорожденных, или что медсестра, знавшая тайну происхождения, тоже пропала, – все эти слухи не прекращаются. Было также сообщение, что в какой-то момент в дело вме-

шалась полиция. И в такое-то время вдруг происходит инцидент с исчезновением молодого врача... На самом деле они еще даже не подали заявление о пропаже человека.

По всей видимости, на моем лице отразилось недоверие, и он, смущенно втянув голову в плечи, торопливо пояснил:

– Дело в том, что я сам провел небольшое расследование. Не рассказывайте, пожалуйста, об этом Тюдзэндзи-кун. Так вот... с этой клиникой определенно что-то не так. И я уже был близок к тому, чтобы разгадать, в чем там дело, как Тюдзэндзи-кун поставила мне подножку, и пришлось оставить это. Это тоже, пожалуйста, не говорите ей, ладно? – Накамура почесал голову и нахмурился. – Потому что, как главный редактор, я должен сохранять достоинство, – повторил он и вновь рассмеялся.

Покинув «Китанся», я направился напрямиком к частному детективу в Дзимботё, к которому мне вчера посоветовал обратиться Кёгокудо. «Частный детектив» не было его шуточным прозвищем. Этот человек – Рэйдзиро Энокидзу – действительно был настоящим частным детективом. Впрочем, он был единственным специалистом подобного рода, которого я когда-либо знал.

Сначала я некоторое время шел не торопясь, заглядывая по пути в букинистические магазины, которыми славится район Дзимботё. Летнее солнце безжалостно жгло тротуар своими лучами. Мне вдруг пришло в голову, что вчера за-

кончился сезон дождей. Я всегда предпочитал испепеляюще-жарким солнечным дням сырую погоду раннего лета. Не то чтобы это имело какое-то отношение к моим исследованиям слизевиков, но моему пристрастию к темноте и влажности я был даже обязан своим биологическим прозвищем. «криптогам» – растение, растущее только в тени и не имеющее цветков, – имя, которым Энокидзу окрестил меня много лет назад.

До войны Энокидзу учился на класс старше меня и Кёго-кудо в нашей старшей школе старого образца.

Он был... весьма необычным человеком.

В те времена...

Энокидзу правил всей школой, подобно императору. Он был лучше всех во всем: в учебных дисциплинах, боевых искусствах и изобразительном искусстве, даже в любовных интрижках. И вдобавок к тому, что он превосходил всех и во всем, Энокидзу был красивым молодым человеком из знатной семьи. Он являлся объектом зависти своих одноклассников и предметом страстного обожания учениц расположенной неподалеку школы для девочек и даже привлекал сладострастные взгляды некоторых из наших старших товарищей, предпочитавших мальчиков прекрасному полу. Атлет, гений или плеябой – никто не мог сравниться с Энокидзу. Иными словами, он был полной противоположностью мне, вечно погруженному в меланхолию и едва способному под-

держат даже самый простой разговор. Человеком, который познакомил меня и это воплощенное совершенство, был, конечно же, Кёгокудо – хотя в те времена никто не называл его этим именем. Я еще не слышал историю их знакомства, но сейчас, когда я оборачиваюсь в прошлое, мне кажется, что несравненный император Энокидзу сам был впечатлен Кёгокудо и стремился к дружбе с ним.

Но я совершенно не представлял, отчего Энокидзу проявил неожиданный интерес ко мне. По мере того как мы проводили всё больше времени вместе, каким-то непонятным для меня образом мы постепенно стали близкими друзьями. Возможно, быть объектом всеобщего восхищения и привязанности и все время находиться в центре внимания было, если взглянуть на это с другой стороны, очень одиноко.

Когда мы с Энокидзу впервые встретились, первыми его словами, сказанными мне, было: «Ты похож на обезьяну».

Когда кто-то столь возмутительно груб, на него трудно сердиться.

Услышав это, Кёгокудо предупредил его, чтобы он меня не подкалывал, сказав, что я страдаю от депрессии, а когда надо мной шутят, тотчас теряю дар речи; а поскольку сам Энокидзу, судя по его поведению, страдает некой формой мании, то он мог бы попробовать поучиться немного на моем примере... Или он дал ему какой-то другой столь же малопонятный совет.

В действительности у Энокидзу и правда было что-то вро-

де мании. Он всегда был жизнерадостным и веселым и чаще всего как будто пребывал в состоянии счастья. Он демонстрировал совершенно неслыханное для студента того времени легкомыслие, и его постоянно сопровождала целая свита щебечущих поклонниц. Вместе с тем, обладая совершенной естественной красотой, Энокидзу был наивным и неискушенным и отличался почти детским простосердечием – это меня в нем очаровывало. Когда мы общались, я часто забывал, что он был старшеклассником, а он редко обращался со мной или с Кёгокудо как с младшими, хотя мы таковыми являлись. В те времена старшая школа была варварским местом. Всем заправляли крутые парни, а слабые владели жалкое существование и вовсе не считались за людей. В классах существовала жестко установленная иерархия, – тем более загадочным было поведение Энокидзу. Вспоминая об этом сейчас, я понимаю, что Энокидзу был одним из тех людей, которые – в самых разных смыслах – просто не способны существовать в тесноте сложившихся общественных рамок.

Или же, если сформулировать это иначе, он был чудачком. Если б странность была видом спорта, как борьба сумо, то Кёгокудо был бы в ней ёкодзуной востока, а Энокидзу – ёкодзуной запада⁵⁸. Я говорил им это довольно часто, хотя оба яростно протестовали. По их словам, самым странным

---

⁵⁸ Ёкодзуна – высший ранг борца сумо. Во время поединков борцы занимают определенное положение согласно сторонам света – востоку и западу. Традиционно ёкодзуна востока считается немного выше рангом, чем ёкодзуна запада.

в школе был я.

В любую эпоху и в любом обществе всегда находятся люди, которые не вписываются в заданные нормы. В нашей школе такими людьми, пожалуй, были мы трое. Энокидзу, Кёгокудо и я являлись аутсайдерами тогдашнего студенческого общества.

Я свернул с большой улицы, по обе стороны которой тянулись свесы крыш букинистических магазинов. Перейдя переулок, беспорядочно загроможденный маленькими магазинчиками, вышел к основательному на вид трехэтажному зданию. Оно заметно выделялось среди соседних, по большей части одно- и двухэтажных строений с плоскими крышами.

Это здание было офисом и одновременно жилищем Рэйдзиро Энокидзу. Первый этаж снимал портной, а в подвале было что-то вроде бара. На втором этаже располагалась какая-то оптовая компания, а также то ли адвокатская контора, то ли офис налогового бухгалтера. Верхний же этаж был целиком занят детективным агентством. По тем временам использование целого этажа под офис могло показаться слишком роскошным, но на самом деле, поскольку Энокидзу владел целым зданием, речь здесь шла совсем не о роскоши. Он мог спокойно и безмятежно жить только благодаря доходам, которые ему приносили съемщики нижних этажей, – и именно благодаря этим средствам мог заниматься

столь нелепым делом, как частный сыск.

Семья Энокидзу искони принадлежала к старинной японской аристократии – знаменитый род, чья история прослеживалась вглубь на множество поколений. Наивность и неискушенность моего друга, очевидно, отчасти проистекали из его воспитания и идиллического детства. Однако его отец обладал натурой на порядок более странной, нежели сын, и это определенно также в большой степени повлияло на Энокидзу.

Его отец, виконт⁵⁹ Энокидзу, был по призванию натуралистом и естествоиспытателем. Его энтузиазм в изучении дикой природы постепенно перерос в настоящую страсть, и в конце 20-х годов он уехал на Яву, чтобы полностью посвятить себя своим экологическим интересам. К счастью, небольшой импортный бизнес, которым он начал заниматься в свободное время, пошел в гору и принес ему немалое состояние. И хотя виконт был в основном занят тем, что ловил рыбу и собирал коллекции редких насекомых, он, по всей видимости, был наделен достаточной дальновидностью, которая позволила ему избежать разорения и бедности, обыч-

---

⁵⁹ Отец Рэйдзи Энокидзу принадлежал к т. н. «кадзоку» (букв. «цветы народа»), высшей японской аристократии эпохи Мэйдзи (учреждена 7 июля 1884 г., прекратила существование 3 мая 1947 г. с принятием новой конституции). Всего существовало пять разрядов, соответствовавших китайским аристократическим титулам, которые традиционно переводятся как: князь, маркиз, граф, виконт и барон.

ных для дворянства в те дни. Его семья, напротив, стала – и остается по сей день – чрезвычайно богатой. Пока состояния других благородных семей рассыпались и обращались в труху одно за другим, а сами семьи приходили в упадок, дом Энокидзу процветал все больше и больше.

Тем не менее было бы неправильно предположить, что благодаря отцовскому благосостоянию Энокидзу жил по инерции и делал все, что ему заблагорассудится. Когда дети виконта выросли, тот заявил, что они больше не нуждаются в заботе взрослых и что его обязательства в качестве их опекуна истекли, после чего поровну распределил свое состояние между сыновьями в тот самый момент, как они достигли совершеннолетия. Однако старший Энокидзу считал ниже своего достоинства передавать сыновьям семейный бизнес – это было невероятно смелое решение для тех времен, когда система наследования в Японии была укоренена столь прочно.

Так что, несмотря на то что он унаследовал значительную сумму денег, нельзя было сказать, что Энокидзу мог только благодаря этому жить спокойно и безмятежно.

У Энокидзу есть старший брат по имени Соитиро. Получив свою часть состояния, он открыл джаз-клуб и санаторий для солдат оккупационных войск, что обернулось грандиозным успехом. Все всяких сомнений, он унаследовал деловую пронырливость своего отца.

Младшему брату, однако, достались лишь отцовские странности, так что в его случае все шло совсем не так глад-

ко. Хотя он и быстро продвигался по службе в армии как талантливый молодой офицер, – вернувшись к гражданской жизни, он оказался совершенно к ней не приспособлен, и его полученное с таким старанием блестящее образование и прекрасная карьера оказались по большей части бесполезными.

На самом деле его самого это совершенно не беспокоило.

Художественно Энокидзу был весьма одарен, так что после возвращения из армии некоторое время занимался рисованием иллюстраций для журналов и рекламой, но ни одна из этих его работ не продлилась особенно долго. После этого он играл на гитаре в джаз-клубе своего брата, однако вскоре начали распространяться скверные слухи, что он – один из многочисленных праздноватающих бездельников *après-guerre*⁶⁰, появившихся после войны, и в придачу, может быть, даже наркоман, зависимый от филопона⁶¹. Несмотря

---

⁶⁰ В переводе с французского это слово означает «послевоенный». В искаженном виде оно закрепилось в японском для обозначения новых направлений в общественной жизни, литературе и искусстве, возникших после Первой мировой войны, а также широко использовалось после Второй мировой войны.

⁶¹ Филопон – разновидность метамфетамина; наркотик, синтезированный и выпущенный в производство в 1941 г. фармацевтической компанией «Дайниппон» и после окончания Второй мировой войны широко распространившийся среди японской молодежи. Причиной «послевоенной метамфетаминовой эпидемии» считается то, что в период войны в армии и даже на некоторых предприятиях филопон, будучи действенным психостимулятором, распространялся для того, чтобы люди могли работать часами без перерывов на отдых и почти без еды. Тем не менее при длительном употреблении он вызывал тяжелое психотическое расстройство с галлюцинациями, бредом и приступами неконтролируемой агрессии.

на его обычное пренебрежение мнением окружающих, Энокидзу был совершенно выбит из колеи этими несправедливыми обвинениями и в конце концов на остававшиеся у него деньги построил это здание и стал сдавать часть помещений арендаторам. Это произошло около полугода назад, и, поскольку сразу после этого он занялся частным сыском, его трудно было обвинить в недостатке деятельности.

Я прошел мимо окон ателье и на мгновение остановился перед входом. На двери висела медная табличка с гордо выгравированной на ней надписью: «Здание Энокидзу»⁶². Внутри жара ощущалась гораздо слабее, чем на улице. Широкие перила, тянувшиеся вдоль каменной лестницы, были приятно прохладными на ощупь. Единственным источником освещения на лестнице были небольшие узкие окна в стене, которые не пропускали большую часть прямых солнечных лучей. К моменту, когда я поднялся на третий этаж, я чувствовал себя почти посвежевшим.

В двери, к которой вела лестница, имелось окно с матовым стеклом. Надпись на нем золотыми буквами гласила: «Детективное агентство *Rosen Kreuz*».

Это и был офис Энокидзу. Название «Роза и Крест» все-

В 1951 г. наркотик был официально запрещен, однако это привело лишь к увеличению его подпольного производства.

⁶² В Японии большинство зданий имеют не только адрес, но и собственное название, обычно – имя частного владельца либо название компании, владеющей объектом.

гда казалось мне смешным – конечно же, его работа не имела никакого отношения к знаменитому «Ордену Розы и Креста» – мистическому тайному обществу розенкрейцеров, имевшему огромное влияние в средневековой Европе. Сразу после того, как Энокидзу принял решение открыть детективное агентство, он случайно зашел к Кёгокудо, который в тот момент случайно читал переводную книгу о магических практиках в Европе, где и упоминалось это название. Никакого бóльшего смысла в этом не было, но Энокидзу название очень понравилось.

Я открыл дверь, и внутри зазвенел колокольчик.

На одном из стульев для гостей, прямо перед входом, в одиночестве сидел Торакити Ясукадзу и пил кофе.

– О, сэнсэй, добро пожаловать!

Торакити был молодой человек с легким характером, сын одного из бывших наемных работников семьи Энокидзу. Много лет назад виконт Энокидзу заметил мальчика и оплатил его образование, включая среднюю школу, но учение было не для него, так что на полпути он бросил школу и стал подмастерьем плотника, изготавливавшего раздвижные двери и перегородки – *сёдзи*. Однако ремесло ему тоже не подошло, и в конце концов он нашел свое призвание в том, чтобы жить вместе с Энокидзу в качестве личного секретаря, исполняя его разнообразные поручения. Он был весьма дружелюбен и общителен, хотя его любопытство иногда доставляло проблемы.

– Чем занят господин детектив?

– Он все еще в постели, отдыхает. Вчера здесь был господин Кибасю, и они засиделись до рассвета. – Торацити изобразил, как правой рукой подносит к губам рюмку и опрокидывает ее в рот.

Так, значит, они выпивали всю ночь.

– Господин Киба был здесь? Да уж, ужасно...

Кибасю было прозвищем друга детства Энокидзу, Сютаро Кибы. Киба был настоящим следователем, служившим в центральном управлении Токийской полиции. Он также был моим армейским товарищем: мы служили в одном взводе и вместе ходили в бой.

Кибасю был без преувеличения горьким пьяницей. Когда он встречался с Энокидзу, который, по всеобщему мнению, пил, как мучимый жаждой бык, эти двое могли провести за алкогольными возлияниями сколь угодно долгое время. Поскольку моя склонность к спиртному была такова, что я мог выпить лишь чуть-чуть, у меня, разумеется, никогда не получалось выдержать подобные посиделки до конца, так что я мог только предполагать, что творилось здесь вчера и до чего в итоге дошло.

Я сел рядом с Торацити и вытер влажный лоб носовым платком.

– Да, сэнсэй, ночью здесь был настоящий спектакль, – сказал он. – Наш господин детектив так завелся, что со всей силы пнул вентилятор, взгляните сами... – Останки того, что,

должно быть, когда-то было электрическим вентилятором, были сложены в углу комнаты. — Он отлично провел время, только вот что теперь делать с этой невыносимой жарой?

— Но все же какое-то время у вас все-таки *был* вентилятор — а это уже роскошь, — я усмехнулся. — Что до меня, то, просто сидя дома взаперти, я так обливаюсь *пóтом*, что, кажется, уже потерял за это лето не меньше двух килограммов. Кстати, как думаешь, он уже проснулся?

— Я слышал там, наверху, какое-то шуршание, так что, полагаю, проснулся, но пока не показывался. А ведь сейчас в любой момент может прийти посетитель! По правде сказать, господин детектив приходит в ярость, когда я бужу его, так что вы появились как раз вовремя, сэнсэй. Вы не могли бы поднять его с кровати вместо меня?

Энокидзу действительно ненавидел, когда его будили. Однако меня заинтересовало упоминание о возможном посетителе. Хотя он открыл свое дело уже полгода назад, я впервые слышал, что к нему кто-то должен был прийти.

— Посетитель? Ты имеешь в виду, клиент? Или к вам должен прийти мастер, чтобы починить сломанный вентилятор?

— Нет, боюсь, этот вентилятор уже отправился к Будде. И да, конечно же, я имею в виду, что к нам должен прийти клиент. К тому же это дама. Она только что позвонила, так что, полагаю, будет здесь в течение часа. За все время это лишь четвертый наш клиент, так что мне не хочется думать, что он все испортит. Но у него всегда было плохо с чувством

времени. – Торакити говорил в точности как родитель, переживающий за отбившегося от рук ребенка.

Что до меня, то я был немного изумлен. Неужели сюда действительно придет реальный человек со своей реальной просьбой, как в обыкновенное детективное агентство? Но ведь, по словам Торакити, раньше сюда уже приходили трое клиентов! Это было просто откровением – но если это действительно так, то мне было очень интересно услышать о том, что за клиенты приходили к Энокидзу и с какого рода проблемами. Однако все же первым делом, как бы то ни было, я должен был разбудить нашего детектива.

Рядом с чайным гарнитуром для посетителей стоял большой стол, на котором красовалась трехгранная пирамида с надписью: «ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ». То, с какой серьезностью ее там установили, было очень похоже на Энокидзу, но я не мог удержаться от смеха всякий раз, когда ее видел. Позади стола располагалась дверь, которая вела в жилую часть этажа. Я открыл ее и прошел по коридору к спальне. Когда легонько постучал в дверь, в ответ изнутри донесся звук, представлявший собой нечто среднее между плачем ребенка и воем какого-то животного, так что я решительно зашел внутрь. Энокидзу, скрестив ноги, сидел на кровати, созерцательно глядя на грудку одежды, лежавшую перед ним.

– Эно-сан, ты проснулся?

– Ага, проснулся! – ответил он, не отрывая взгляда от беспорядочно набросанной одежды.

Я заметил, что, кроме женского нижнего кимоно – *дзюбана* ярко-пунцового цвета, небрежно болтавшегося у него на одном плече, – на нем не было ничего, кроме трусов. Он выглядел точь-в-точь как какой-нибудь младший сын вассала сёгуна эпохи Эдо, только что вернувшийся домой из увеселительного квартала.

– Сидеть в кровати в таком виде не считается за «проснуться». С минуты на минуту к вам должен прийти клиент, а Кадзутора там один, и он окажется в весьма затруднительном положении. Только не говори мне, что ночью ты перепил. Ты ведь не провел всю ночь с проституткой, которая вытянула бы из тебя все силы, так что у тебя нет никаких оправданий. Ведешь себя как полный придурок.

– Без предупреждения врываешься к человеку в спальню и обзываешь его придурком – наглости тебе не занимать, Сэки-кун...

Энокидзу звал меня Сэки, сокращая мою фамилию. Это было пережитком манеры придумывания прозвищ, которая пользовалась популярностью среди товарищей Энокидзу в старшей школе. Из-за этого я привык называть Макио Фудзино Фудзимаки – это была их идея, и, хотя они не имели обыкновения придумывать подобные прозвища ученикам из нашего с Кёгокудо класса, почему-то именно меня одного стали звать сокращенным именем. Все началось с того, что один из моих друзей начал звать меня Сэкитацу, но, когда я пожаловался, что это прозвище звучит как имя какого-ни-

будь пожарного из эпохи Эдо, Энокидзу сократил старинно звучащее «-тацу», и с тех пор и по сей день я был просто Сэки. Впрочем, он не ограничивался сочинением имен только для своих одноклассников, – ему настолько это нравилось, что он также сократил Торакиги Ясукадзу и Сютаро Киба до Кадзутора и Кибасю. Впрочем, в сравнении с Киба прозвище получилось даже длиннее настоящей фамилии, так что это совсем не было сокращением.

– Как бы там ни было, Эно-сан, я пришел сюда по делу, так что, может быть, ты перестанешь смотреть на меня, как Оиси Кураноскэ⁶³, только что вернувшийся из публичного дома, и мы поговорим по существу?

Однако же я сам называл его Эно-сан, так что не мне было судить о данных им прозвищах.

– Сэки-кун, ты тоже ничего не понимаешь. Если б решить, что надеть сегодня, было так просто, то мне не пришлось бы так часто менять работу.

– Ты что, хочешь сказать, Эно-сан, что запутался в выборе одежды?

– Я размышляю над этим уже два часа, но ничего не подходит. Легко быть писателем: ты можешь надеть спортивную рубашку или банный халат и все равно выглядеть как насто-

---

⁶³ Оиси Кураноскэ – один из центральных персонажей основанного на реальных событиях народного предания о «Сорока семи ронинах», повествующего о мести сорока семи бывших самураев за смерть своего господина. Кураноскэ был предводителем сорока семи ронинов, решившихся на отмщение, несмотря на то что за это их ожидал смертный приговор.

ящий романист. Но я – детектив. Ты не можешь себе представить, какой тяжкий труд – одеться так, чтобы люди могли понять это с первого взгляда.

Что за ужасный человек... Он, конечно же, был абсолютно серьезен. Какое бы напряжение я ни испытывал, ворвавшись к нему в комнату, все обратилось в дурацкую шутку.

– Но если б люди могли сразу понять, что ты – детектив, просто взглянув на тебя, то как бы ты смог вести свое *расследование*? Мне это совершенно непонятно. Но если ты действительно хочешь выглядеть как настоящий детектив, то почему бы тебе не одеться как Шерлок Холмс? Раздобудь себе шляпу охотника за оленями и зажми в зубах курительную трубку...

– О, а это хорошая идея... – Энокидзу тотчас с серьезным видом принялся рыться в куче одежды в поисках шляпы охотника за оленями, но постепенно на его лицо вернулось хмурое выражение. – К сожалению, здесь нет ничего подходящего, – вздохнул он, даже не взглянув в моем направлении.

– Эно-сан, я понимаю, что ты очень занят, но есть кое-что, о чем мне нужно с тобой поговорить, и, хочешь ты этого или нет, я начну прямо сейчас.

Поскольку у меня не было выбора, я, все еще стоя посреди спальни, начал рассказывать все по порядку. Я бы куда-нибудь присел, но в комнате Энокидзу повсюду были разбросаны непонятные и неизвестно для чего нужные вещи, так что

я боялся по невнимательности сесть на что-нибудь ценное.

В течение всего того времени, что я говорил, Энокидзу продолжал копаться в горе одежды, и на его лице попеременно появлялись то выражение полного изнеможения, то самозабвенной увлеченности. Лишь упоминание имени Фудзимаки заставило его бросить на меня краткий взгляд. Однако за исключением этого он ни разу не произнес даже обычных вежливых реплик для поддержания разговора, и к тому моменту, как я закончил, у меня было ощущение, что на меня совершенно не обращают внимания⁶⁴.

– Э... Эно-сан, ты не мог бы просто меня послушать, пожалуйста? Я знаю, что мы с тобой старые друзья и все такое, но я уже правда начинаю немного сердиться.

– Я разве тебя не слушаю? – сказал Энокидзу, наконец посмотрев на меня.

Правильное пропорциональное лицо. Огромные глаза темно-карего цвета. Кожа такая белая, что его едва ли можно принять за азиата. Волосы золотисто-каштанового оттенка, словно просвеченные солнечными лучами. Как будто он родился с меньшим количеством пигментов, чем все мы.

«Он похож на одну из этих европейских кукол из неглазурованного фарфора».

---

⁶⁴ У японцев принято вставлять в диалогах короткие фразы и слова, показывающие заинтересованность слушателя в том, что рассказывает его собеседник. Считается, что такие не несущие смысловой нагрузки реплики делают разговор более живым и непринужденным. Молчание же слушателя может быть расценено как незаинтересованность или невежливость.

– Что у тебя с лицом, Сэки-кун? Если здесь кто и выглядит полным придурком, то это ты, – добавил он спустя мгновение. – Если б передо мной стояла миловидная девушка, мечтательно уставившаяся в пространство, я захотел бы с ней заговорить, но если возле моей кровати стоит заросший бородой мужчина с обезьяньим лицом и бессмысленно на меня тарашится, то, скорее всего, я захочу врезать ему разок по физиономии.

Сжатый кулак Энокидзу, возникший у меня перед глазами, вернул меня к действительности. Я знал его многие годы, но его лицо, будто вылепленное искусным скульптором, до сих пор заставляло меня забыть в восхищении.

– Но ты совсем не слушаешь, что я тебе рассказываю.

– Не понимаю, каким образом это могло тебя так ошарашить.

– Я вовсе не ошарашен – просто удивился, когда ты так внезапно на меня обернулся.

«Почему я оправдываюсь?»

Отчего-то всякий раз, когда в разговоре с этим человеком возникал малейший признак разногласия, я обнаруживал, что начинаю делать все, чтобы сгладить противоречия. У меня была теория, что Энокидзу – и, если уж на то пошло, Кёгокудо тоже – обладал неким сверхъестественным обаянием, магическими чарами, к которым я был особенно восприимчив. Однако сами они об этом совершенно не подозревали, так что, с их точки зрения, я выглядел обыкновенным

идиотом. В действительности, когда уходил из области действия этих чар, я сразу переставал быть идиотом и становился обыкновенным человеком, полноценным представителем общества. Но стоило мне вернуться, как все силы и способности так же внезапно оставляли меня, и я вновь обнаруживал, что нахожусь в затруднительном положении, вынужденный оправдываться за то, чего не совершал.

– Как бы там ни было, – сказал Энокидзу, – связи между фактами в твоём рассказе неопределенны и двусмысленны, их временная последовательность нарушена, к тому же ты все время перескакиваешь с одной точки зрения на другую – как из всего этого можно извлечь истинную суть всей истории? Зачем тратить время на уточняющие вопросы, если я могу сначала выслушать все, что ты имеешь сказать, и, лишь собрав все воедино и осмыслив, спросить тебя. И потом, когда я не смотрю в твою сторону, это ведь не значит, что я перестаю тебя слышать. Это же не то же самое, что зажать ладонями уши... впрочем, когда ты так без остановки тараторишь, я бы услышал тебя, даже если б не хотел.

Наконец, кажется, выбрав рубашку, он просунул руку в рукав.

– Это сложная история, поэтому я не был уверен, с чего лучше начать, – возразил я. – Ты бы мог хотя бы один раз ответить, чтобы показать, что ты меня слушаешь.

– Что такого сложного в этой истории? Вот же ты обезьяна... Ну хорошо. Фудзимаки женился на девушке из семьи

врачей и был принят в эту семью, а затем бесследно исчез из запертой комнаты. На тот момент его жена находилась на третьем месяце беременности, и, несмотря на то что он уже отсутствует в течение полутора лет, ребенок так и не родился. Естественно, об этом начинают распространяться самые разнообразные слухи. Ацу-тян⁶⁵ собирала об этом материал для репортажа и обратилась к тебе за советом, но, поскольку ты не был способен дать ей никакого дельного совета, ты пошел поговорить с Кёгоку, и он порекомендовал тебе прийти сюда – это все, что ты мне рассказал. Для этого не требовалось и тридцати секунд.

– Но это ведь только вывод, а в истории множество разнообразных подробностей...

– Поскольку я знаю основной вывод, мне уже нет необходимости перечислять мелкие детали. Если б мне потребовалось что-нибудь уточнить, я бы задал тебе вопрос, – безапелляционно заявил Энокидзу. Затем, продолжая смотреть на меня и завязывая галстук, прищурился: – Так как называлась та клиника? «Идзюин», верно? Или «Кумамото»?

Энокидзу никогда не был способен запоминать названия. Но даже для него это было чересчур.

– «Куондзи». Ты ведь *не* слушал, да?

В тот самый момент, как я это произнес, Энокидзу внезапно громко рассмеялся и, не прекращая хохотать, позвал

---

⁶⁵ «← тян» – примерный аналог уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке. Часто употребляется по отношению к девушкам.

Торакити:

– Кадзутора! Кадзутора!

Пока я стоял там, совершенно сконфуженный, Торакити торопливо открыл дверь:

– Что-то случилось, господин Энокидзу?

– Нет, ничего; я просто хотел у тебя спросить, как зовут нашу гостью, которую мы ожидаем. Куно? Или Якусидзи?..

– Ой-ой! – Торакити удивленно нахмурил густые брови и посмотрел на меня обеспокоенно и немного жалобно, прежде чем перевести взгляд на Энокидзу: – *Кюондзи*, господин. Пожалуйста, не ошибитесь в имени посетительницы, когда она будет здесь.

Я в очередной раз был потрясен.

– Вот видишь, Сэки-кун? Все же как хорошо, что ты пришел! Я в глубине души беспокоился о том, какое дело захочет поручить мне врач с таким странным именем... Они сказали что-то о происшествии с исчезновением человека, но, должен признаться, это не особенно меня заинтересовало. Однако теперь загадка полностью разгадана! Дама, которая сейчас должна прийти, собирается попросить меня выяснить местонахождение Фудзимаки-куна. Что ж, Сэки-кун... – Пытаясь повторно завязать галстук (первая попытка провалилась), Энокидзу продолжал оживленно говорить: – Я думаю, именно ты должен с ней побеседовать – ты определенно знаешь об этой ситуации гораздо больше, чем я. Ну что, попробуешь побыть детективом?

– Что за глупости ты говоришь?! Это *ты* – детектив, а я – грошовый писака.

– Даже если и так, это не имеет совершенно никакого значения, Сэки-кун. Важно то, что с ней будет говорить человек, который лучше знает предысторию всего дела. Уверяю тебя, так разговор пройдет гораздо более оживленно.

– Клиенту, который приходит к детективу за серьезным советом, не нужна оживленная беседа. Если б ты меня внимательно слушал...

– Но на это уже нет времени, Сэки-кун. Наша гостья появится здесь в любую минуту, а я не могу найти свои штаны. Ты, быть может, и не очень похож на детектива, но тебе, по крайней мере, не стыдно показаться на люди. Конечно, в выражении твоего лица есть что-то обезьянье, но с этим мы едва ли что-то можем поделать. К тому же ты располагаешь подробной информацией о деле, с которым, вне всяких сомнений, к нам придет наша посетительница. Будучи в курсе всей ситуации, даже уличная собака рассудила бы, что нет никого лучше тебя, чтобы принять эту даму. – Говоря это, Энокидзу снова развязал свой галстук.

Его аргументация выглядела совершенно бессмысленной и нелепой. Однако в действительности я уже начал чувствовать сильное искушение встретиться с человеком, лично заинтересованным в этом деле, раз уж мне неожиданно представилась такая редкая возможность. Тем не менее я продолжил сопротивляться:

– Но я не детектив, Эно-сан! Я ничего не смыслю в том, как вести расследование!

– Расследованиями пусть занимается полиция. По крайней мере, точно не я.

Определенно, Энокидзу не станет заниматься расследованием или чем-то подобным. Истинной причиной того, что мой друг решил открыть свое агентство, было то, что он мог исчерпывающе разобраться в любом деле на основании единственного предоставленного ему факта.

Его невероятная интуиция обнаружилась, кажется, в прошлом году, когда он играл на гитаре в клубе у своего брата. Его спрашивали о пропавших вещах или о разыскиваемых людях, а он точно указывал их местонахождение. Просто молча сидел на стуле, ничего больше не делая – не расспрашивая окружающих и не задавая дополнительных вопросов, – а потом давал ответ, причем настолько точный, что в это трудно было поверить, как будто он был настоящим экстрасенсом.

Из этого опыта и возник его нынешний детективный бизнес. Так что это не имело ничего общего с расследованием, осмотром места преступления или дедуктивной логикой. Это было всего лишь стечением обстоятельств. Но все же...

– В общем, – весело сказал Энокидзу, – когда ее история дойдет до самого интересного места, я браво ворвусь на сцену и раскрою дело, а тебе до этого момента нужно будет всего лишь сидеть молча и слушать рассказ нашей посети-

тельницы. Этого будет вполне достаточно. Тебе не о чем беспокоиться. Итак, – Энокидзу дотронулся пальцем до подбородка, – ты можешь быть Сэки-сэнсэем, моим талантливым и компетентным помощником. Кадзутора, когда придет барышня, пожалуйста, представь его таким образом.

Продолжая весело болтать без умолку, Энокидзу снял с себя галстук. Он явно не владел мастерством их завязывания. Торакити и я некоторое время стояли с разинутыми от изумления ртами и вытаращенными глазами, но он тотчас выставил нас из комнаты, заявив, что предпочтет умереть, нежели позволит двум взрослым мужчинам смотреть, как он одевается.

В итоге, сам так и не поняв, почему и каким образом это случилось, я обнаружил, что играю роль помощника детектива.

«Вот что имеют в виду, когда говорят о неожиданном повороте событий».

Я обреченно прошел в офис и опустился на стул рядом с чайным столиком для посетителей.

– Господин детектив терпеть не может выслушивать долгие рассказы клиентов, – вновь тоном раздраженного родителя объяснил Торакити, наливая мне в чашку черный чай.

– И тем не менее он занимается этим делом... Как человек может быть детективом, не слушая того, что говорят ему люди?

– Я и сам не знаю, но он может. Наш первый клиент –

он вошел сюда, и прежде, чем он успел что-либо сказать, начальник уже дал ему ответ. И он был прав, что, конечно, хорошо, но клиент, естественно, заподозрил, что мы проводили собственное расследование и следили за ним до того, как он к нам пришел.

– Ну разумеется.

– Следующего клиента он сначала попытался немного послушать. Но посреди рассказа господину Энокидзу стало скучно...

– Он раскрыл дело?

– Да, раскрыл. У клиента было два вопроса, и ответ на первый был немного неточным, так что это сгладило впечатление и не вызвало особенных подозрений, а со вторым он попал в самую точку.

– Разве это плохо? Не каждый может хорошо выполнять работу детектива, не вставая с дивана.

– Это *очень* плохо. Господин Энокидзу раскрыл дела, но клиенты не были довольны. Они хотели понять, каким образом он мог знать вещи, которых не знал никто, и в конечном итоге сам господин детектив стал подозреваемым. Полицейские даже приходили его допрашивать! – Торакиги тяжело вздохнул. – Если б господин Киба не вмешался и не выручил нас, то не знаю, что могло бы произойти. Даже полицейские обратили на это внимание, что уж говорить об обычных людях... Большинство людей, когда говоришь им вещи, которых ты не можешь знать, пугаются или сердятся. Скажи-

те, а у *вас* есть какие-нибудь соображения насчет того, как господин детектив это делает? Может быть, он кто-то вроде экстрасенса?

«Вот как...»

Честно говоря, я тоже считал это его свойство удивительным.

Скорее всего, у Кёгокудо была теория на сей счет – или, по крайней мере, я так думал просто потому, что это был Кёгокудо, но я никогда не пытался его расспросить, зная заранее, что у меня не хватит способностей понять суть его аргументов. Когда Энокидзу впервые заявил, что собирается стать детективом, практически все окружающие сказали ему, что вместо этого ему лучше сделаться предсказателем судьбы, – и лишь Кёгокудо имел противоположное мнение. «Энокидзу не может предсказывать судьбу. Он делает слишком много неверных предположений».

Так что это именно благодаря Кёгокудо Энокидзу стал тем, кем он являлся сейчас. В конечном счете это мнение вполне соответствовало действительности: судя по всему, его «озарения» были весьма избирательны. Он мог «видеть» только прошлое, ограничиваясь фактами и событиями. Эмоции людей и будущее полностью оставались за гранью его восприятия.

Прошло пятнадцать минут. Но мои до предела натянутые

нервы сделали это краткое ожидание ужасно долгим.

Во мне боролись любопытство и стремление поскорее встретиться с женщиной из клиники «Куондзи» и противоположное ему беспокойное желание того, чтобы Энокидзу поторопился и наконец вышел из своей комнаты. С каждым мгновением эти чувства одинаково усиливались, пытаюсь взять друг над другом верх. Если б кто-нибудь из них – гостя или Энокидзу – появился, это разрешило бы неприятную и неловкую ситуацию, в которой я пребывал, однако из комнаты Энокидзу лишь периодически доносились удивленные вскрики, разочарованные стоны и яростные возгласы. Не было и намека на то, что обладатель голоса имеет малейшее намерение показаться нам на глаза.

День!

Зазвенел дверной колокольчик.

От удивления я буквально подпрыгнул на стуле, обернулся к двери и увидел вошедшую в офис женщину.

Бледное лицо, правильные тонкие черты. Это была настоящая красавица.

На ней было шелковое кимоно-комон⁶⁶ с изящным узором синего цвета – настолько темного, что его практически можно было принять за траурные одежды *мофуку*. Белый зонтик

---

⁶⁶ Комон («мелкий узор») – неформальное, то есть предназначенное для повседневного ношения кимоно. Его отличительной особенностью является то, что кимоно полностью покрыто мелким узором. Именно поэтому темный комон можно принять за траурные одежды мофуку – полностью черное кимоно без рисунка.

от солнца, который она держала в руке, будто парил в воздухе. Казалось, она целиком соткана из света и тени, – образ, запечатленный на фотобумаге.

Ее шея была такой тонкой, что, казалось, могла переломиться в любое мгновение. Лицо напоминало филигранно вырезанное из дерева лицо декоративной куклы. Тонкие брови, словно вычерченные кистью. Возможно, так казалось из-за отсутствия макияжа или же темные одежды бросали отсвет на ее лицо, но она действительно не вполне походила на живого человека... да, пожалуй... ее лицо покрывала трупная бледность.

На кратчайший миг между бровями у нее появилась морщинка, как будто она испытывала боль.

Затем женщина вежливо склонила голову, хотя ее взгляд блуждал, а во всех движениях сквозило смутное беспокойство. Каждый ее жест был неторопливым и осмотрительным. Когда она подняла голову, одна из прядей ее волос выскользнула из прически и теперь змеилась вдоль ее лица.

– Я прошу прощения, это офис господина Энокидзу?

Потрясение от ее появления было таким сильным, что несколько мгновений ни я, ни Торакиги не могли произнести ни слова; для нее отсутствие ответа с нашей стороны, должно быть, означало, что она ошиблась. Женщина неуверенно склонила набок голову и повторила свой вопрос:

– Я искала детектива, господина Энокидзу. Это...

– Да! Это здесь! – Торакиги подскочил со своего стула,

как внезапно ожившая деревянная марионетка; его движения казались механическими и дергаными. — К... уважаемая госпожа Куондзи, п... пожалуйста, присаживайтесь. — Он излишне торопливо указал на диван, стоявший напротив меня, в то время как я продолжал сидеть, погруженный в молчание, все еще не способный до конца осмыслить ситуацию.

Женщина вновь вежливо склонила голову и села на предложенное ей место, но все мое внимание было настолько неотрывно приковано к ее лицу, что я не сразу понял, что ее приветственный жест предназначался мне. Отчего-то мне было страшно опустить взгляд ниже ее груди: у меня не хватало смелости посмотреть, была ли она аномально беременна.

В конце концов я боязливо опустил глаза, чтобы увидеть то, чего не должен был видеть, — необыкновенный предмет всех этих отвратительных и зловещих толков. Но все мои ожидания абсолютно не оправдались. Женщина передо мной обладала совершенной нетронутой фигурой, у которой не было ни малейших признаков какой-либо патологии.

И она определенно не была беременна.

Если б я заранее немного поразмыслил об этом, то это стало бы для меня очевидным. Даже если женщина, беременная в течение двадцати месяцев, действительно существовала, она не смогла бы в одиночку проделать длительный путь до офиса Энокидзу. Скорее всего, она даже не смогла бы выйти из собственного дома.

– У господина детектива только что возникло срочное дело. Он старается решить его так быстро, как только возможно. Перед вами помощник господина детектива, Сэки-сэнсэй. Он выслушает ваше дело, так что, пожалуйста, расскажите Сэки-сэнсэю все, что вы собирались рассказать господину детективу, – скороговоркой выпалил Торакичи, предвзвешенно предложив даме чай и сев рядом со мной.

После того как я, в полном соответствии с инструкциями Энокидзу, был столь вежливо представлен даме, мне не оставалось ничего, кроме как принять мою новую индивидуальность.

– Я... Сэки.

Женщина ответила слабой улыбкой и поклонилась в третий раз:

– Мое имя Рёко Куондзи. Премного благодарю вас за то, что любезно согласились выслушать мою хлопотную просьбу. Ее изложение потребует некоторого времени, поэтому прошу вас быть ко мне благосклонным.

Она в очередной раз низко склонила голову.

Наконец я вспомнил, что должен поклониться в ответ. Мне вдруг пришло в голову, что она поклонилась уже несколько раз, а я все это время вел себя так, будто совершенно ее не замечаю, – но не потому, что я был невнимателен, а потому, что был потрясен. Но она, должно быть, подумала, что я невыносимо высокомерен.

Я почувствовал, как меня вновь охватывает стеснение.

Когда я смотрел на нее с такого близкого расстояния, Рёко Куондзи казалась мне очаровательной. В ее шелковистой коже и слегка обеспокоенном выражении лица сквозила какая-то опасная напряженность, которая делала ее только красивее – создавалось ощущение, будто вся ее воля была направлена на поддержание хрупкого неустойчивого совершенства. Она могла бы внезапно рассмеяться и все еще оставаться привлекательной, но нечто столь обыденное, как смех, неизбежно нарушило бы баланс, и ее тревожная красота растаяла бы и исчезла.

– Что же, давайте слушаем ваше дело, – неожиданно произнес Торакиги, слегка толкнув меня в бок. Я пребывал в прострации, не в силах оторвать восторженного взгляда от ее лица.

– Как, я не сомневаюсь, вам известно, моя семья практикует медицину в районе Тосима, в квартале Дзосигая.

– Да, я это знаю, но не от вашей семьи. Я однажды слышал... я хочу сказать... ну, эти слухи...

Я никогда не умел особенно хорошо разговаривать с людьми, и теперь, испытывая ужасное нервное напряжение, терял уверенность и запинался все сильнее. Я понимал, что было бы гораздо разумнее держать язык за зубами, нежели произносить нечто, о чем я потом пожалею, но я чувствовал, что должен вести себя как настоящий детектив, что в моем случае означало открывать рот и говорить первое, что приходило мне на ум.

– Ах, вот как... – Рёко Куондзи вопросительно посмотрела на меня, ее голос звучал удрученно. – Вы имеете в виду все эти дурные слухи, верно?

Торакити бросил на меня осуждающий взгляд и еще раз незаметно для женщины ткнул меня в бок.

– Да... дурные слухи. Но, глядя на вас, госпожа, я убедился, что все эти истории – всего лишь бессмысленная болтовня. Мы, конечно, пока не обсуждали ситуацию с исчезновением вашего мужа, но, видя вас, я должен сказать, что все эти слухи – или лучше назвать их клеветой и злословием... нет совершенно ничего, что говорило бы в их пользу. Все это лишь безосновательные обвинения самого низкого пошиба.

Это было все, на что хватило моих сил. Я сам не мог поверить в то, что говорю подобные вещи женщине, которую я только что встретил, не говоря уже о ком-то в ее положении.

На мгновение комната погрузилась в полную тишину. Некоторое время Рёко Куондзи не поднимала глаза; на ее лице застыло выражение долго испытываемой боли. Но, когда она заговорила вновь, ее речь была сдержанной и неторопливой.

– Я не предполагала, что слухи распространились так далеко. Из сказанного вами я могу сделать вывод, что в целом вы осведомлены о ситуации в нашей семье, Сэки-сама⁶⁷...

– Но... но, однако... мне известно о слухах, это так, – за-

---

⁶⁷ «– сама» – именной суффикс, демонстрирующий глубокое уважение и почтение к собеседнику.

пинаясь, проговорил я, – но, как уже сказал, я в них не верю. Сейчас, встретив вас, госпожа, верить в подобную клевету просто невозможно.

– Сэки-сама, я боюсь, что вы ошибаетесь. Мне доподлинно неизвестно, какие именно сплетни вы слышали, но в них, вероятно, может быть больше правды, чем вы думаете.

– Что?

«О чем она говорит?»

Неужели все эти возмутительные истории – клевета столь злонамеренная, что ее даже невозможно опубликовать, – действительно правда?

– Моя младшая сестра, Кёко Куондзи, действительно беременна уже больше двадцати месяцев, и нет никаких признаков приближающихся родов. Возможно, это именно то, что вы слышали – и что вы, по всей видимости, так затрудняетесь обсуждать, Сэки-сама. Это – и еще то, что муж Кёко, Макио, как судачат люди, пропал без следа.

Моим ушам стало так горячо, что у меня возникло ощущение, будто они действительно пылают. Уверен, что мое лицо было красным, как будто я напился саке. Боязнь общения с людьми, непреодолимая стыдливость, утрата дара речи – все это были мои самые характерные свойства, и теперь они проявились в полную силу. Для меня было неожиданностью, что человек, пришедший с просьбой разобраться в деле, не был сам в нем замешан, но теперь я с опозданием сообразил, что от имени попавшего в затруднительное положение

человека скорее должен был прийти кто-то из его семьи – это было гораздо более естественным. Как же сильно я в тот момент хотел, чтобы Энокидзу с его сверхъестественными телепатическими способностями внезапно появился на сцене и с ходу раскрыл это дело.

Однако детектив не появлялся. Я угрюмо подумал, что к этому моменту у него уже было достаточно времени, чтобы надеть пятьдесят пар брюк.

– Семейное имя Куондзи наследуется по женской линии. Мой дед и мой отец приняли это имя, женившись на девушках из нашей семьи и став приемными сыновьями. И, как и у моего деда, у моего отца нет детей мужского пола – только я и моя сестра.

Голос Рёко Куондзи доносился до меня как будто изда- лека, постепенно становясь все более ясным и отчетливым. Пока она говорила, я смотрел на круглую поверхность стола, разделявшую нас, и лишь теперь неуверенно поднял взгляд.

– Мне стыдно признаваться в этом, однако с младенчества я была болезненной и... – Ее голос прервался. Она выглядела так, будто испытывала сильнейшую душевную боль и могла лишиться чувств в любое мгновение. – Я не могу – и никогда не смогу – выносить ребенка. По этой причине моя младшая сестра должна была выйти замуж и родить наследника.

– В таком случае я был с вами чудовищно груб. Я должен...

– Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Вам не в чем себя обвинять. Мне скоро исполнится двадцать восемь лет. Трудно предположить, что в таком возрасте я все еще не замужем.

Что за невнимательным болваном я был?.. Сколько ошибок допустил... Из-за меня эта бедная женщина была вынуждена признаться в мучительном для нее факте бесплодия. И это еще не всё. Я дошел до того, что заставил незамужнюю женщину раскрыть мне свой возраст.

– А... – Рёко Куондзи как будто собиралась сказать что-то еще, но затем выражение невероятного одиночества исказило ее черты и она попросила прощения за то, что заговорила о своих личных делах, которые не были мне интересны. Ее руки, покоившиеся на коленях, крепко стискивали одна другую. Пальцы у нее были тонкие, как весенние веточки. Она была такой худой, что ее лицо должно было быть осунувшимся, а глаза – запавшими. Однако на лице с морщинкой между сосредоточенно нахмуренных бровей не было заметно никаких признаков болезни. Скорее, оно казалось почти детским, как будто в какой-то момент своей жизни эта женщина просто перестала взрослеть. Она совсем не выглядела на свои двадцать восемь лет. Если б она, например, отпустила челку, ее с легкостью можно было бы принять за семнадцати- или восемнадцатилетнюю девочку.

– Нет, я не имел права делать подобные поспешные предположения; пожалуйста, это вы простите меня. Но вы действительно не выглядите на свой возраст, госпожа. Можно

легко подумать, что вы подросток...

Я опять сказал первое, что пришло мне на ум, и тотчас после того, как произнес это, я чудовищно устыдился и раскаялся в том, что вообще заговорил. Рёко Куондзи опять опустила взгляд в пол, а Торакиги посмотрел на меня слегка презрительно – нет, скорее пренебрежительно, – как будто хотел сказать мне: «Давай уже переходи к сути дела!»

Мне мучительно хотелось все бросить и убежать оттуда куда глаза глядят, размахивая в воздухе руками.

Однако затем, к моему изумлению, Рёко Куондзи, не поднимая головы, начала смеяться. Когда она наконец подняла взгляд, ее глаза вопреки всем ожиданиям были ясными.

– Простите меня, я не должна была смеяться, в подобной ситуации это весьма безрассудно. Но вы такой удивительный человек, сэнсэй... Всю дорогу сюда я мучилась мыслью, с каким лицом мне придется рассказывать о позоре, обрушившемся на нашу семью, и не представляла, как я буду это делать, но вы совершенно меня освободили. – Сказав это, Рёко Куондзи пусть и немного грустно, но все же улыбнулась.

Однако даже после этих слов у меня продолжало слегка звенеть в ушах, и мне потребовалось некоторое время, чтобы преодолеть робость и встретиться с ней взглядом.

Ее история по большей части совпадала с тем, что мне уже было известно. Что я узнал нового, так это то, что отношения Фудзимаки с его женой до его исчезновения были, судя по всему, натянутыми, и в ту ночь, когда он пропал,

между ними произошла яростная ссора. Что касается образа Фудзимаки, сохранившегося в моей памяти, то он совсем не походил на кого-то, кто мог бы ввязаться в перебранку с женой, так что для меня это было полной неожиданностью. Как бы там ни было, мы с Фудзимаки никогда не были настолько близки, а семейный быт и взаимоотношения мужа и жены часто совершенно непостижимы для окружающих, и я решил, что у меня нет никаких оснований сомневаться в том, что она мне сказала.

Естественно, я не сообщил ей, что пропавший мужчина, ее зять и приемный брат, был моим давним знакомым. Это являлось, в конце концов, чистым совпадением, и не было никакого смысла в том, чтобы давать ей повод для подозрений – к тому же в ходе нашего разговора не представилось и удобного случая об этом упомянуть.

– Была ли какая-то причина, которая могла вызвать между ними размолвку?

– Ну, пожалуй... это была только сплетня, но, по всей видимости, Макио-сан несправедливо ее подозревал.

– Несправедливо подозревал ее? В чем?

– Он полагал, что был другой мужчина... что Кёко, моя младшая сестра...

– Была ему неверна? – неожиданно выпалил Торакити, как будто все это время он молча ожидал своего часа и мы наконец дошли до чего-то, что было ему понятно.

– У него были на то какие-нибудь основания? – спросил

я, возвращая разговор в прежнее русло. Я стремился избежать того, чтобы дискуссия стала грубой. Рёко Куондзи с таким трудом разговорила, и я боялся, что неловко сказанное слово может заставить ее вновь замкнуться.

– Нет, никаких. По крайней мере, моя сестра в этом клянется.

Это был очень скверный ответ.

– Получается, что Макио-си подозревал вашу уважаемую сестру без всяких на то оснований?

– Я не знаю, можно ли это считать за основания, но есть некоторые обстоятельства, которые, возможно, заставили его думать, что что-то было не так... – Взгляд Рёко Куондзи на какое-то мгновение стал отрешенным; затем, все еще выглядя немного растерянной, она продолжила: – Есть один врач-практикант по имени Найто, который живет и работает в клинике. Моя мама заметила его способности, когда он был еще очень молод, и многие предполагали, что именно он войдет в нашу семью и примет фамилию Куондзи.

– Ха-а! – вмешался Тораки. – И тут вдруг появляется Макио-сан и похищает у бедного Найто-сана его будущее – подобно черному коршуну вырывает у него прямо из рук кусок обжаренного в масле тофу *абураагэ*! Так мало этого, похититель еще и ревнует...

Я наступил Тораки на ногу, чтобы прекратить его болтовню.

– Таким образом, Макио-си подозревал вашу сестру в

связи с доктором Найто, в этом все дело?

– Да. В действительности иногда можно было заметить, что в глубине души Найто чувствует себя несправедливо обиженным тем, как все повернулось. Однако я не могу понять, как бы он мог улучшить свое положение, если б... *виделся* с моей сестрой. Напротив, если б они были обнаружены, он, вне всяких сомнений, лишился бы места в клинике. Так что...

– ...во всех этих слухах нет ни слова правды, – закончил я за нее.

– Полагаю, что да.

– Именно умные и серьезные люди наиболее глубоко страдают от ревности, – заметил Тораки-ти, снова перебивая нас. – Такое несчастье для вашей сестры, быть вынужденной пройти через все это...

Я искоса бросил на него пронзительный взгляд, затем вновь повернулся к нашей посетительнице.

– Касательно того дня, когда исчез Макио-си... Не могли бы вы немного более подробно описать ситуацию? Знаете ли вы еще что-нибудь о том, что произошло в тот день?

– Меня не было дома, так что сама я ничего не видела, но, судя по всему, ночью имела место чрезвычайно громкая ссора, и ближе к рассвету Макио-сан закрылся в комнате и запер дверь на ключ.

– У каждой двери в доме есть замок? – спросил Тораки-ти. С каждым вопросом его тон становился все более фами-

лярным.

Но Рёко Куондзи не ответила ему.

– Затем... когда наступило утро, он не вышел, – продолжала она. – Моя сестра, конечно же, очень волновалась. Она посоветовалась с нашим отцом, и тот сказал ей, что Макио-сан рано или поздно обязательно выйдет и они должны просто оставить его в покое. Так они и поступили. Но наступил полдень и затем вечер, и моя сестра все больше тревожилась, так что в конце концов она стала стучать в дверь и звать его, чтобы он вышел.

– Там нет никакого окна или чего-нибудь подобного? Не было никакой возможности заглянуть внутрь?

– Нет. Это помещение хотя и называется комнатой, изначально это была палата для лечения пациентов. Она была частью клиники – до той поры, пока мы не потеряли половину здания из-за авианалетов. После войны мы использовали ее под библиотеку. Эта комната имеет две двери, и обе были заперты изнутри.

– И как тогда поступила ваша сестра?

– Кто-то, кажется, предположил, что он мог повеситься там, внутри. Моя сестра не смогла этого больше выносить и попросила Найто и одного из наших наемных работников сломать дверные петли. Так им и удалось ее открыть.

– И его там не было?

– Не было.

– Он не мог как-то выбраться... возможно, когда все спа-

ли?

– Дверь, которую они сломали, открывается в спальню моей сестры. Но в ту ночь она была слишком взволнована, чтобы задремать хотя бы на мгновение, так что он не мог выйти тем путем. Вторая дверь ведет в подсобное помещение – это очень тесное пространство без окон, как фотографическая мастерская. И оттуда нет выхода. Но в любом случае комната была заперта изнутри. Даже если б он нашел какой-то способ оттуда выбраться, как бы ему удалось запереть за собой дверь? И, даже если б Макио-сан нашел способ, как это сделать, *зачем* бы он стал это делать?

Рёко Куондзи нахмурилась и с горечью посмотрела на меня. Признаться честно, я был совершенно сбит с толку и не нашелся, что сказать ей в ответ.

– Вне зависимости от того, что произошло, с тех пор о моем зяте Макио не было никаких известий. Из-за потрясения от его исчезновения моя сестра слегла, и вскоре была обнаружена ее беременность. На сегодняшний день, как вам известно, прошло уже полтора года, а моя сестра все еще не встает с постели. С каждым днем ужасные слухи распространяются все дальше и дальше, и мне страшно подумать, скольких пациентов мы потеряли, не говоря уже о сестринском штате.

– Я очень сожалею.

«Какой нелепый ответ».

– Но... я уверена, что все эти вещи со временем разре-

шатся сами собой, – продолжала она. – Истинная причина, по которой я пришла сюда, состоит в том, что у меня есть предчувствие, что семья Куондзи – *моя* семья – может распасться.

На ее лице ясно отразилось, что ей нужна хоть какая-нибудь надежда, за которую она сможет ухватиться. Однако женщина не заплакала. Мне казалось, будто она изо всех сил сопротивляется некоей мучительной внутренней боли.

– Все эти слухи со временем утихнут. Говорят, людская молва живет лишь семьдесят пять дней, – сказала Рёко Куондзи после паузы. – Что бы ни говорили люди, пока наша семья вместе и мы верим друг другу, мы можем пережить любые невзгоды. Но если начнем сомневаться друг в друге... я почти уверена, что это будет конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.